

№ ОПИСУ 1
СПРАВИ 7
ФОНДУ 5270

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
ВИЩИХОРГАНІВ ВЛАДИ ТА
УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ
ВИЩИХОРГАНІВ ВЛАДИ ТА
УПРАВЛІННЯ УКРАЇНИ

№ ОПИСУ 1
СПРАВИ 7
ФОНДУ 5270

Фонд № 5270

оп. № 1

справа № 7

“Киевские записки» - щоденник І.О. Хорошунової, написаний
в окупації у м. Києві. Автограф. Рос. мовою

25 липня 1941р. -
25 червня 1942 р.

На 220 аркушах

1 док.

Фонд № 5270

оп. № 1

справа № 7

Расшифровка некоторых основных имен, наиболее часто упоминаемых в
"Киевских записках"

- Нюся - Анисия Яковлевна Шреер-Ткаченко, 1905г.р. - до войны - педагог, аспирант, зав. кабинетом истории музыки Киевской консерватории. После войны - кандидат искусствоведения, член союза композиторов СССР, до профессора. Умерла в 1985г.
- Галя - дочь Анисии Яковлевны, 1926г.р. - Галина Исидоровна Ткаченко - после войны - педагог, доцент Киевской консерватории, кандидат искусствоведения. Была рядовым в гвардейской дивизии в рядах Красной армии на фронте с апреля по февраль 1945г. Умерла в 1991г.
- Элеонора Павловна Скрипчинская-Верева, 1899г.р. - до войны педагог, декан дирижерско-хорового факультета Киевской консерватории. Не могли эвакуироваться с мужем композитором Верева, из-за тяжелой болезни матери, которая умерла в апреле 1942г. Нине - профессор, заслуженный деятель искусств УССР, пенсионерка.
- Мама - наша мать - Хорошунова Александра Александровна, 1880г.р. - погибла в застенках НКВД в 1937г. Была осуждена на 10 лет со строгой изоляцией / теперь известно, что это означал расстрел / реабилитирована посмертно в 1957г.
- Деся - наша тетька, сестра матери - Ольга Александровна Милорадович, 1890г. Погибла в гестапо в 1943г в марте, в Бабьем Яру.
- Таня - моя сестра, Хорошунова Татьяна Александровна, 1918г.р. Погибла в марте 1943г. в Бабьем Яру.
- Степан - муж сестры - Катерины Степан Иванович, лейтенант-зенитчик, 1916г.р. кандидат в члены партии. Погиб в гестапо в марте 1943г.
- Шурочка - ребенок сестры, 1940г.р. Погибла в Бабьем Яру в марте 1943г.
- К.М. - Николай Антонович Матей, начальник разведывательной группы Генштаба Красной армии. По его заданиям я сообщала ему сведения которые были ему нужны во время его работы в тылу врага. О том, кто он я узнала уже после окончания войны.
- Ф.М. - Федор Максимович Чекалов, научный сотрудник отдела старопечатных книг Библиотеки АН УССР. Беспартийный. Уходил из Киева в составе коммунистического батальона 18 сентября 1941г. Был тяжело ранен. Погиб в гестапо в октябре 1942г.
- Луничка - моя кормилица-няня, прожившая всю жизнь в одном доме с нашей семьей. Павлуша - ее муж, потомственный маляр, проработавший всю жизнь в 1 загоне Днепровского пароходства.
- Надежда Васильевна, Любовь Васильевна, Николай Исидович и др. - соседи друзья по дому № 34 по Андреевскому спуску, где наша семья уж прожила с 1918 по 1943г.

25 июля 1941

В городе растёт тревога. Дежурившие кто-то говорят, что целую ночь слышали непрерывные звуки далёкой канонады. Бить может - это где-нибудь недалеко десанта. А бить может уже грозит так близко, но нам о нём не говорят. В свозках сегодня Торховское, Смоленское и Цугольское направления.

У нас в городе слухи, что грозит под Васильковом, что в Далеце уже не ходят поезда. Снова лежали в прошлую ночь на Москву. Это четвертую ночь подряд бомбят Москву, хотя провалено всего два самолёта ^{а лежало} на 150 человек.

У нас целый день и весь вечер слышно. Днём так близко от Библиотеки застрочили пулемёт, что даже штравай остановился и не двигался с места.

На улицах продолжалась стрелит баррикады из мешков с песком. Хотелось бы на площади № Интернационала и на ул. Короленко сделать крутые заграждения, как будто кольца, внутри каждого может помещаться оружие и с десятком бойцов. Не знаем их назначения.

Уехавшие на оконт в прошлое воскресенье, ещё не вернулись. Соседи они на окнах. На углу возле школы на ул. Короленки поставили две пикапские бочки, знаменито во все каше-зеленого цвета. Пока они пусты.

Никаких писем. От Алёны ничего. И тяжело смотреть, как волнует Н. В. Она известна совсем. Уехавшие не пишут. Мне, кто остался, места себе не находишь от беспоконства. Так раскалывается всё, и вращает огромное горе. Оно возникает сразу, отовсюду. Такой ужасный закон войны.

Сегодня уехали Лурия и Керимова. Они решили ехать в село, которое дано им от воен. деп. ситуации. Легко взяли билеты на радостный поезд. Поездка тоже была спокойная, не хуже, чем в мирное время. С тяжёлым чувством возвращаемся с вокзала.

26 июля 1941

Ночь снова прошла тихо. Киев не бомбят в эти дни. Слухи, которые в городе множество, говорят, что у немцев есть какие-то соображения по этому поводу.

Днём довольно близко сидели, а утром всё время были слышны звуки отдалённой перестрелки. В городе сидели зенитки.

Тихо на улицах. Народ как-то сильно приближён. В трамваях всегда можно ехать сидеть. И даже мушкетёры какаро. Университет внезапно окончил своё существование. Если четырнадцатого августа ректор сказал много не увольнять и что первого августа начались занятия, то вчера вдруг оказалось, что все курсы Университета едут с Академией в Лозу, а все сотрудники увольняются.

Поспешно уезжают из Киева даже второстепенные заводы. Работать нет, и народ начинает волноваться из-за приближающейся безработицы. У всех, и у нас в это время, денег осталось максимум на месяц жизни. Продукты постепенно исчезают. В магазинах осталось только масло и сахар. Есть ещё хлеб и дешёвое конфекты. Базар, говорят, хороший. Крестовые снова приезжают в город.

Самые разнообразные толпы ходят по городу. У всех на лицах выражение капризного ожидания. ~~Есть публика, которая~~ ~~ещё некоторое время~~

Никогда, кажется, Киев не был так красив, как теперь.
 Может быть это только кажется, но скорее это оттого, что
 земля всё ещё свежая, сочная, что обильнее дождём, зеленью
 и ярким красным цветом, и что Днепр под веткой небом
 сверкает неяркой лентой среди извилистых берегов.
 Воздух прозрачен и чист. Далёко отодвинулся горизонт,
 и ослепительно видны Меркурове и заднепровские сёла.
 Весь город в цветах. Природа сама задумалась теперь о них,
 и обильно поливает газоны и клумбы густым дождем. Утром
 уже уже жаркая погода, а днём холодно и пасмурно. Молодой
 месяц появился позавчера. В первый вечер он был кроваво-
 красен, и казался зловещим на вечернем небе.
 Город полон слухами о конце войны. С северою люди
 приносят предсказания гадалок и каких-то пророков.
 В зависимости от национальности и религиозной принадлежности
 предсказатели сроки эти определяют в 40, сорок два или
 сорок шесть дней!!
 К сожалению, никто не говорит за то, что это оправдано.
 Сегодня тридцать девятый день ^{созни немцев} войны и она все расчи-
 ряется, все разгладится.
 Все силы противника брошены сейчас на Смоленское на-
 правление. Утреннее радио сообщало, что оккупирован-
 ны сегодня только на Смоленском направлении. Даже
 на Фридрихском сегодня был местного значения.
 Эти два дня нагромождение в городе потешное. Откуда-то
 доносится весть, что враг отступил на Фридрихском
 направлении. И, несмотря на то, что сводки ничего

от этого не поторопит, слухи эти несущиеся отовсюду. 6

Ирениного дня вернулись с охоты наши мальчики. Они были в 25 км за Пущей у реки Иренив. Закапывали начатые дружины охоты.

Все приехали в хорошем настроении. События, что надеюсь, наши Киев члены и не забудут.

привесили нас восторге. Их хорошо кормили. Но все они много пережили, не зная ничего о Киеве. Оказывался, что ошгайская конопада, которая была слышна у нас, была совсем недалеко от них. И так как слышали непрерывно погуляла сущих со всех сторон, они были уверены, что фронт уже у Киева.

Закрылся Университет. Мне пришлось присутствовать при украинской сцене, когда редакция Университета уехала денес. Была получена бумажка из Наркомпрома о вадже редакция и ликвидационных. Но бухгалтер заявил, что для него этого документа недоураочно. И в бухгалтерии поднялся непереносимый человеческий крик. Все одуло на административную, которая уехала и бросила всех, вылилась в этом кадрадном крике многих человек.

Итак теперь все и везде раздражающее, выходит из себя, и ^{кажется это раздражение и страх из-за неизвестности} ~~кажется, что раздражающее состояние~~, выливаясь из груди недержимыми потоками горьких слов. Кажется нет сейчас ни одной семьи, где бы не рушились самые лучшие отношения, не возникали бы ссоры, часто очень неурасивые.

Раздражение начинает, и это вполне понятно. Каждый распекает о том, как поступили и погубили сивовские сверху. Не могу всего описать. Уехали многие руководители, оставили народ. И нет у нас, у добывиства работы, нет писемцов уехать, нет ничего вперед, кроме восторгов.

Государственный банк воевал в Дарнице. Медисинский
перевезён в Тогтаву и там содержится 1-го сентября
начинает кредитный год.

В нашей Губернии два от 15 до 35 миллионов в
денг. Для военного времени это даже много.

Н. Вас. Дале у командира города, который ей сказал, что
из Киева никого, кроме детей не ввозят. Сами, сами
уезжают, покупают билет и едут. Куда предде-
неизвестно. Да и предде-ли?

Шак и судим мы пред, что будет. Ковни впереди за
продуктами, которых всё меньше и меньше в городе.
Состояние расстройности и опущенности в воздухе уже
прошло. Каждый сироту зем-то занимается, но
чувствительные работы все больше уходят.

Везлом веза приехал Степан. Он сообщил, что ему
приказано сдать оружие и патроны, оставить только
людей. Очевидно, он получает новое назначение где-то
от Киева. Штабная в отчаянии, плакала, когда узнала.
А сейчас в подавленном настроении идёт отсюда. Со-
держатся ехать за ним и нас с собой зовёт. Но что будем
делать мы на земной дороге? Мешать только. И что
будет с ребёнком?

Население нашего двора гасов с пяти вечера занимает
скамейки в скверике на улице Грома, под Андреевской
церковью. Наблюдая за воздушной войной, которая
и не огнём и шумом, ведётся всё же ежедневно. Наши са-
молёты непрерывно летают над всеми домами.

И шум занимает все шум двора и города. И, непре-

Красавец и днём, и ночью, на первых людей действует & довольно злорадно. Но начинаем привыкать к нему. Над. Вас. говорят, что самолёт "ходил пешком по Андр. сижену". Это действительно так. Они летают, едва покасаются колёсами кривым долом.

Шерсть чаще в случае сивной земной сиренды сигналов ВМ не даёт. Люди сами либо прыгают в парадные зрелы, либо наблюдают за самолётами и земными фактами. Мешают наблюдением лазорки. Они с какими-то ослепшим азартом вносятся вокруг самолётов во время сиренды. Понесем король. Они словно бомбовозы, а лазорки — нестрелки.

И вдруг пулемётная сиренда с неба. Все потеснили. Шан теперь всегда. Хотя самолёт не, но бражеские самолёт всё время прохориваются и вертятся над городом. Но люди привыкли. И многие, кто без дел, чаще не поднимаются со скамеек во время сиренды.

Ночи меньше звёздные. Молодой месяц делает ночь более светлой, и все уже ждут, что сиренда достигнет нас.

А Москву бомбят каждую ночь. И мы знаем, что страдает гражданское население.

30 июля 1941

Сегодня приехал Ювенг автими. Они выехали из Каменица на подходе, поэтому это город разрушен. Он был одним из тех городов, на которые обрушился смерительный ураган с немецких самолётов 22 июня. Немцы разбомбили его до предела. И вот две сивы сариков на одной лошади идут с 24 июля, грациески пешком, уходя от зрелища.

9
Уши продавали пробылись к Киеву - везде по дороге немецкие
десанты. К Белой Церкви - то же самое. В результате
они попали в Золотоношу. И мой дедушка пришел к
нам. Узнав, что брат Юзеф с военной гасеткой в
Золотоноше, старик немедленно собрался обратно.
Он боялся не зачать там уже своих семян.
В дороге ослик и ястреб. Крестьяне надрожень враждебно.
Бережцам отказывающа что-либо продавать. Аграрно-
страшны сел и походов отправляюща беренцев дальше и
далее. Нигде не прощивающа. Что будет земля старика
далее? Кто может добраться до Цури, адрес или даже.
Уши вернуцца сюда? Что знаем мы о том, как быть и
что будет.

Каждо с замечательными клумбами ярких цветов, трава
зеленее предвременно соды бурьян Шевченко и Нико-
лаевский парк. Вокруг деревьев оставлены небольшие
гряды земли, в которых прорастаю их корни. Основная
земля вырыта, и, обманная в медуки, является барри-
кадами на улицах. И деревья на своих обломанных осно-
ваниях шорят на развороженной, разрытой почве.

Простедить график настроений невозможно. Иногда
чуждый, чуждый страх подавляет все чувства. Земля
страшно от полной неизвестности идо, что будет, оттого, что
когда-то земля, получить нечего и негде. Работы нет.
Сколько проженен еще это состояние неизвестности? И
что будет с Киевом, с Москвой, со всей страной, с нами?
Но иногда мне кажется что должно произойти нечто такое, что
изменил положение и что победа придет к нам. И всегда
с самого начала войны, несмотря на призывы отчаяния,

8.

возвращайте нашим оптимизмом, в глубине души ¹⁰ чуж-
бей уверенность в скором и благополучном окончании войны.
В счастливых исходе для тех, кто останется в живых. А
тысячи уже погибших! Сколько семей уже разбито войной,
которые уже не заметят.

31 июля 1941

Привыкнуть можно ко всему, даже к сырости в воздухе.
Если при самолётах сделается привычным шумом, похв-
ляющим все звуки города, то сырость уже не поддается
нас ни ночью, ни утром.

Сегодня брались самолёты летать по полётам, первого
ура. Но и дело сырости из тумана, не знаю, с самолётов
или с земли. Сырость земли. Туман не отвлекает никакой
информации.

По радио слыша сообщение о том, что несколько десантников
самолётов летели на Москву. Качаясь, всех отозвали.

Из Днепронетровска, после перерыва, сегодня кричило сразу
три переполненных бегущими парохода. Приехали люди,
бегущие из Новоград-Вольнска, Каменца и других мест.
Из Днепронетровска отравили суда в Киев. Они рас-
сказывают, что Днепронетровск огнём разбомбили, что в
Черкассах разбиты ~~дома~~ дома, которые на берегу Днепра.
Знаете кто же с моими друзьями, въехавшими в Днепро-
петровск? ~~Знаете ли вы~~ Не могу себе найти от волнения записки.

Зависшая 41.

Сегодня сырость с 4 часов утра. На базаре сырость. Между
встретились возы с просаком к торговкам, ругаются, хвалят
продукты, вырывают их друг у друга, а потом, как вступают
прочь, разбегаются от вострогов.

Во дворе у нас собрали несколько разбитых чаш.

Музыкальные ноги шалят. Вечером город тёмный и тихий. На улицах не слышно ни машин, ни играющих. Редкие прохожие поворачивая голову к половине одиннадцатого. Троек в тишине слышат звуки радио из репродукторов, висящих на улицах.

Сейчас уже луна половинкой освещает ночь, и светло сравнительно на улицах. И мёртвые молчаливые дома с белыми креслами на окнах тихо и мрачно поворачиваются в смертвенном городе. В свете луны ещё красивее, чем обычно, Андреевская церковь. Тоскливо возвышается она над городом. Сидящая, лёгкая она движется к звёздному небу. Она перевернула уже не одну войну. Шлово до перевернула и до. Её купола серые и не блестящие. Это удача. А то и её, как Софиевский и Владимирский содуть в краску до Красной масляной краской. Всё для того, чтобы не было ориентиров для противника.

Вечером город молчит. Иногда молчит и ночью. Но чаще, в кошмарные ночи газ врываясь шумом молотов, и шумом, и шумом самолётов. И все случившееся приближающийся и удаляющийся звук. И все пытаюсь определить, наши ли летят или не наши. И если днём нет ни страха, ни ожидания, то ночью сквозь полусон, шумящий у нас шуршащий и иногда не даёт покоя.

И если даже совсем тихо, то всё равно слышатся в темноте и тишине. И слышат, что скоро повлечётся злобу звук молота.

Да, нам не дают смугають. Весь день сидим там где-то там, а в семь часов вечера снова наесть. Нишу во время оденуем.

Те зешуки, что возле нас начинаю фтихат. А только что было не до шурок. Сидим там сидим в один стонотный перекартвальный звук, и осколки сыпаше, как дождь. Мне казалось, что мелкие камни просают сверху. Но вот наесть, окончили, и один из этих "камушков" осколок, сантиметров десяти в длину, летит у меня на столе. Он упал возле моего окна, и, если бы на месте его падавший стон человек, осколки кусок разорвавшегося стонота против от его наесть.

Сейчас по радио говорят, что над Киевом летят вражеские самолеты. Когда в это время было прилетать два, позавчера - прилетать семь. Ой дай. Шревога думалось 35 минут.

Позавчера утром мы с Лейей отправились на охоту. Повесть пришла 2го около двух часов ночи. Утром, когда мы пришли в НК, нас оказалось всего двое из десяти вызванных.

Приехали на дачу Курбасова. Там пераздерика. Белого камня это краснолицые люди, и каждый кричит: "Я бригадир!" "Идите сюда!" и хватая за руки. Засиль приливших куда-то повезли на машинах. А Педуровскому району сказали уехать. Поном все везли повне лонда с шестидесяти ружьями из своего дерева, и повели туда, где раньше был небольшой ~~ст~~ пруд перед Пуцанским лесом. Долго представляли нас по два человека. Разделили участки. Обмерили каждому из нас по метру земли и сказали копать, вытравывая землю в одну сторону, к пруду. Так вытравилось в одну линию всевозможных домохозяев и других жителей Позова.

Охоты рысьей шириной в шесте метра, глубиной в два с 43
половиной. И вырыть кардоты голыми для один метр.

Рысь было не трудно. Свежая почва, едва подрытая шпатель,
легко поддавалась, и не нужно было даже нажимать ногой
на лопату. Сверху песок был сухой, и рысья быстро подвинулась.
Погода в этот день была подходящая. С утра туман, и небо
стало было зарыто туманом, но к одиннадцати часам, когда
мы начали копать, появилось и появилось солнце. В природе
было тихо, как перед грозой. В этот день над нами не срывали.
Почва к берегу оказалась два сантиметра. Заглубили рысью.
Все подобрали. Но самолеты скрывались в тумане, а со стороны
города посыпались разрывы землетрясения.

Через час или полтора копать стало много труднее. Показалась вода,
лопата врезалась в мокрый песок, и всё тяжелее было выдвигать
его вверх. Острым край охота сползала. Ноги проваливались
в чудную грязь, и мы всё время сидели в воде. Почва под
голубой. Все подобрали в лес.

А мы думаем: какая польза может быть от этих охот?
Что в этой цепи засыплют вражеские машины и танки?
К берегу привезли еду: консервы, колбасу, дубинки, консервы. А
на ночь кое-кого отпустили в город. Как почва отпустили.

Мы гордились от немощности. Но это не было правдой.

Странным образом было то, что в чуждой среде не было уже
Китоморское направление, а появились Белоцерковское и Кировское.

Утром упрямцем сказал, что не нужно возвращаться на охоту. За нами
ведущие и другие.

Была в Будиморске. Работы нет. Инженеры задержаны.

Ушли и Клева подрезать уже все люди.

Абсолютная тишина. Ни звука не слышно в ночи, кроме гасящих далеких выстрелов. Это опять дамбунобойные орудия.

Светло на улице, что видно сквозь шторы домов и лица людей, спящих за самолётом. В звенящей тишине слышимо слышен звук немецкого самолёта. Его лобовик просекла, вскрывавшая отки от разрывов земных снарядов, потом самолёт ускользает по светящейся полосе, которая ^{исчезает} растворяется в лучшем свете. И где-то далеко снова слышен глухо и грозно дамбунобойные орудия. Кто-то спрашивает из окна, дождит ли сегодня снасть. Потом, поговорив немного, медленно расходится по домам.

А далеко всё садится. И крупная, холодная луна пятнёт медленно по небу, словно специально задерживая для врагов зоркость. Во дворе много кошек. Они бродят тёмными пятнами на освещённых камнях. Как тени, беззвучно, медленно появляются ~~они~~ и исчезают они. Со времени начала войны их много появилось, брошенных укавчиками воззвемши. И бродят они, голые, по развалинам мусорных ящиков и по лестницам домов.

Теперь уже нет времени в сумках, когда бы не ушли. Командам, землям и, артиллерии. Там зарываю теплов все реке и реке.

Везде вечером на Киев летело более ста самолётов. Возле союж. Они бомбили мосты и Тростяць. Тросали бомбы в Варшаву. Мосты цель ещё, но без конца по Тростяць везут раненых. Бомбили Борисполь. Эвакуировал Днепронетровск. Говорят, что немцы идут на Черкассы. Из Киева всё едут и едут. Далеко ли уезжают? Не знаю. И только в Райсовцах вижу очереди за продуктами. И упрямые едут одно за другим.

У мурман даем на улицах проводяют военные отряды. Идут дезертиров. Уже по городу не пройт оконцов. Те, которые сделаны, не закончены. Но возле них никого нет.

Целый день слышит радио. Передают ратные песни, иногда классическую музыку. Передают рассказ об айнрейховских военных эпизодах и о зверствах гитлеровцев. Фронтовые сводки гласят всё сущее и сущее. А всё так же ничего не знаем.

Сегодня чехи Мелюком. Автобусы, пригородные все
еще ездят.

Но вечерам, а теперь и днём, везде, во всех улицах и парадных
воспите нагруды.

Изредка в магазинах появляется продукт. Какое-то Киевские
продукты с упрягого берега по пустым магазинам в поисках чего-то
своего. Город едет заша, которые ошлись. Новых продуктов
не привозят.

Где-то предместьях радуют взоры входящих в магазин: сигареты
и крадь, китайские зонтики и советское шампанское.

7 августа 1941

Мучительная была прошлая ночь. Безумная головная боль не давала
спать. А в лунном, сером свете ноги беспрестанно громыхали ору-
дия. Они бьют, не переставая, всю ночь, упряго, дель. ^{Костюм} Все время на фоб-
ном расстоянии, одинаково глухо и раскатисто. А мы ничего не
знаем. Что это - десерт или дрон уже возмемас? В городе бегу-
ют с Демиевки, Голосеева, Соломенки, Святошино. Люди с Со-
ломеевки ищут передвигаться в центр города. Ищут с всех
сторон - со стороны Демиевки, Голосеева, Соломенки, Святошино.
Разобрать не везе. ^{Звезда} Временами они приближаются или удаляются,
громыхают так, что звенит оконное стекло или приглушено
переключаются, как далёкий шум.

Всё ближе какой-то конец. Слова ощущение смерти делается реаль-
ным и близким. Смерть расчёт, но ощущение вичуженное.
На лицах людей написано ошдание, и серьёзно смотрят все глаза.
Очень близко где-то только что раздался взрыв. Зажигаются
двери и окна. Задрожавшие руки. Шурдно привалили к ошанию,
когда она ~~визжала~~ совсем резко.

Сегодня наши не достали хлеба. За ними очередь с вечера. В ма-
газинах только верение и зонтики.

Атмосфера насмарку махри и шур. Ценное шество приняти. При-
нимают и заказке. Только авантюры нет.

Оказываюсь, кое-кто из интеллигенции ещё в Киеве. Уехала на
улице художников Ерушковского и Камарова, проездом
Шерове и Арноболевского.

Катамась шивная буря. Она подняла фуры сухой пшени. Она

справку с переписки окончили рама. И в гербовых пуглах, в вешере, = 16
в пыльном вихре ещё ошёртливее слышны раскаты орудий.

Монсieur пишет, что в 1812 году пером были застыли буря.
Дождя нет, ещё только сухой пыльный ветер.

Получили письмо от Воды Вадва. Он попал на работу в шахту, хотя
он лантин, шведский, хилый. Пишет, что самое ужасное в
том, что совершенно повалился в дыму, а дыма нет.

У нас деньги все огнев додрые, в упрямых руках сохнут
шкурами пишущие машинки, артиллерия, всякий инвентарь.
На гладриная шведской и шрикобачной кое-что из продукции
продали рабочим.

Ещё случаи, когда предписывали втиснуть из Киева с упрям-
дешевыми. Но это очень редкие случаи. Большинство уже
таких, как мы - никому неучившее. И никто нами не ин-
ресует.

Над. Вас. снова хочет ехать. Но Инк. Моси. всё ещё в больнице.
Ему не лучше. И она снова оставляет эту мысль. Вскоре
она решила купить и разводить кроликов.

Торговцы сядут и ни на шаг не приблизимся к отвозу.
Видя лишь дома в Богоявленском саду. Утром продают билеты
на пассажирские поезда до Керки и Ромодана. Очевидно,
они уже и осужден. Миссер уже поздно соображается ехать.

Вчера был Свенан. Он едет багарею и идёт, перевода куда-то.
Говорит, что всё время спрашивают боч над Барнишей и
Триварам. Позавчера возле них у нас самолёт. Лётчик
хотел вторгнуться на парашуте, но у него отгорела ручка и
он не смог его ошёртить. Разбился на смерть. В каюте
его наши партбилет и письмо цели, которая идёт, мало
вместе с двумя детьми, идёт его группой. Сколько шального
нездорового горя приносит каждый день!

А за день до этого, так же на упавшем самолёте разбился
лётчик. Бойца из бригады Свенана соотрени шдико его
куски и, забрав в парашуте похорошили. Незвездно
даже, кто он.

Настроение у Свенана подавленное. Никогда ещё он
не был таким несчастным.

Ничего нет от моих близких: ни от Моси и Мода, ни от Два.

Все разбрелось, и нет ни от кого известий.

Ушлаю "Воду и мир". Очень захотелось её снова переписать.

Часто мне кажется, что читало описание наших дней.

У многих из нас и в мирной жизни было мало радости. Но она казалась нам прекрасной и недостижимой, потому что была её потеря.

Сейчас думай о гасе в весте. Мы недавно вернулись домой. Всё противной дожде. Небо в тучах и нег ненавистной тёмной ^{чуждой} ~~чуждой~~ Луны. На площади ни одной души, шибко гудит неясно Богдан Удальчикки. Сидит тёмные и пусит трамвай. И в этой тёмноте и тишине, наполненной дождем дождем, где нег никаких признаков людей, громко кричит радио. В нём поёт кокоратура. И тихо, и неумеренно слышится этот громкий голос в замершем, молчащем тёмном городе.

Нам немного нужно тёмное, чтобы быть довольными.

Всё дожде, но в тёмноте и неясно. Но мы привержены её в надежде, что она произведёт спокойствие. И трудно поверить, что можно лодить лунные ночи, что они могут быть мирными и красивыми, без угрозы смерти, бомб и безжалостного разрушения.

8 августа 1941

По Крещатику идут и идут войска. Они движутся в сторону Дарниц. Всё дожде, и резкий холодный ветер пронизывает каски. Войска едут на замаскированных повозках и машинах.

Закрывают многие магазины. В оставшихся тучах нег. На улицах совсем немного гражданского населения. Город полон военными. Милиция вооружена гранатами. Баррикады из мешков развалились во многих местах и погребены дождем.

К вечеру распогодилось, но холодно ослы. А сиренба не прекращается. И кажется, что сиренба со всех сторон.

Говорят, что немцы совсем близко от Киева.

Срешали Юся и Гая. Не верю ещё в это чудо. Но, что им срешилось передать трудно передать. Они были не раз на краю тёмноте, у самой смерти. Но своему напарнику Юся похрипала бисеть для Любимых сиренков и они уехали из Днепродзержинска. Что будет с ними дальше? Шибко бы они добрались куда-нибудь в безопасное место.

Завтра

Сегодня так сильно хочется срешения, что никто ни минуты не спит. Но радио передаст, что все дождит приговорившись неодолимые вещи и дать гудит. К чему? К пожарам или к бомбёжке?

Всегда был очень тяжёлый день. Не пересаживая гимн гудня в районе Ситалина, Соломенки и Святишчино. Этого непрекращающегося грохота и шума, урчащегося, землывающегося, и шума иногда удаляющегося, очень действует на всех. Считаемся не обращаешь внимания. Но это невозможно. Как поощая дом в ~~вечном~~ ~~над~~ ~~домом~~ в ~~доме~~ ~~мира~~ ~~сознание~~ она ~~слышит~~, и словно подымаю подступая к горлу от этих тяжёлых вострелов со всех сторон.

Вечером кончились разговоры. Многие говорили, что немцев отогнали на 25 км. в районе Хелигей. Это горный Салмика. А утром сегодня, моды, бесавшие со Звездице и со Салмики, рассказали, что много жертв на Ситро-Наводничевой. Разбиты дома, и люди, вскочив в гём сошли, обались без всего. Спередь дождали го ударики Карла Маркса. Наши гудня эти с другой стороны Талеца, из Мединского парка и откуда-то из-за вокзала.

Прочисся слух, что г. Ситалин говорит с Киевом по прямому проводу и сказал: "ни в коем случае Киева не сдавать!" Все говорят, что принято подкрепление Сибирских и Кавказских войск. Сипенан сказал, что никогда ^{ещё} не было над Киевом столько самолётов, как было всегда. И наши войска бьются очень упорно, а немцы несут большие потери.

Ещё говорят, что население пригородов мобилизовано на уборку трупов. Их так много, что бойцы не могут всех похоронить.

Сегодня ночью слышали много меньше, чем в прошлую ночь. А утром, как всегда и семи часам, был каёс. Слышали звуки много и гасо. Объявили перебой. Но люди не прекращают больше. Многие смотрят в небо, стоят на улицах и во дворах. Есть случаи ранений и даже смерти ~~во~~ от осколков снарядов. И по радио несколько раз обращались с советами к населению - наблюдать воздушнике дом из закрытых помещений.

Всегда возле нашего дома через Андреевский мост вострелим рёз ^{нес.} (рогадон прогубогаинового заграждение). Многие, конечно, испугались. Считают, что наш мост будет снова мешать боёв.

Увеличить ещё военные патрули, которые размещены у нас в саду, в саду, в парадных. Они предложили пригласить наших врачей осавить на ночь отхрустывающ ~~парадные~~ звен парадного и гёрного ходов.

у Черкас, возле Канева, у Штриповца, где они выжили 20
гороскопового Энея; у Керемшаве тоже выжили
его ~~и~~ ^{вражеские} ~~и~~ ^{неприятельские} ~~и~~ ^{теперь} ~~и~~ ^{продвинулись}
по линии - Циромыр - Коросень - Белая Церковь - Умань,
не говоря о Северо-Западном и Западном фронтах.

Птицы, и мне огнев, огнев страшно.

Они Киева их ознакомили. Но они очевидно ^{разо-}
злётные неудачей, бомбей мощь и другие объекты. ^{Траншей} ~~Везде~~
иногда земля дрожала от шума бомб и взрывов земли.

Более широкими границами бомбардировщиков морванов.
И без конца везут раненых. Никогда, пожалуй, с начала войны
не было их так много.

Торний Голосеево. А в городе много птиц. Сиделюг далеко и
глухо.

Сейчас ночь гёрная, безлунная. Совсемно прохладно. Но между
дрюдей гёрные облака. И только где-то, в стороне Голосеева
сверкает огни, словно зернисть.

Не слышя, хотя ощущение опасности несколько притупилось.
Вот отогнали немцев, и нам уже легче. И ужельверя
надежда, что Киев не отдадут.

12 августа

Сегодня у нас совсем тихо. С утра было несколько немецких
самолётов над городом. Поехали немцы немного земли и ушли.
Начесть бьвают регулярно от семи до восьми вечера, и от
семи до восьми утра. Воду лежал над нами целый день.
Но очевидно сиделюг только во время начесть.
Настроение у всех бодрое, даже хорошее. Только вот уже
недержимый демагег антисуитивне радиды. Совсем кончалось
деньги. Слишком много времени и сил уходит на, так же бесплодное,
добывание продуктов.

^{продукты}
~~Воду~~ продукты начинаю тещев в 6 утра, а к 10 часам
уже всё везде кончалось. И продавцы просто спонялись возле
пунктов прилавков.

Очередь за продуктами - ^{физическая} ~~такая~~ ^{такая} большая очередь населения.
Из-за трудности люди сидят, злятся, волнуются, все боится, что
ему нехватит продуктов. Кого-то бранивают, кто-то млеет
без очереди, кого-то бьют, кричат.

Потом вдруг налетают самолёты, сиделюг земли. И очередь,
как свист вступают в ворота, разбегаются в разные стороны.

А тогда начинался ещё бо́льшая неразбериха. И такая пур-
лика, как мы, там всего уходили ни с чем.

Полка даже всего озвучивала. Она не пугается, без очереди
ни стираль, ни женщины едят.

А за рубежом теперь сдвинулся в очередь с других газет
утра. Слухи о последнем хлебе, к счастью, не подтвердились.
В городе увеличилась выпечка хлеба. Но его всё-равно
не хватает, поэтому много все не едят сухари.

Много хлеба покупают военные. Их теперь много в
городе. Они расквашиваются во всех садах. Николаевский
парк превращён в багряной бивуак. Школа в отпуске, сад
совсем изменил свой привычный вид.

Много говорят о раненых. Их везут в город со днями. Летних
оставляют в Центральной поликлинике, оборудованной
под госпиталь. Мертвых везут на Пушкинскую.

13 августа.

Ночь прошла совершенно спокойно. И за весь день ни одного
встрела, кроме ружейных в саду нашего сада.

По радио сообщали, что на всех направлениях тактичных
существенных событий не произошло. Указание направ-
лений вообще отсутствует. От Киева немцы ушли за
Белую Церковь.

Что обозначает эта абсолютная тишина? Готовился ли для
нас что-то ослепительное или же начинался улучшение
наших дел на фронте, которого мы все так ждём?

Разумеется, что Киев не собирается сдавать. И
уверенность в этом укрепляется.

Сегодня замечательная погода. Ни единого облака, ни ма-
лейшего ветра движение воздуха. В воздухе слышно
застыло ощущение осени; ^{мелким} пахнет предвечерней, ^{хотят}
всё ещё зелено, как никогда в это время. На улицах много
перода. Люди весёлые. И если бы не сознание, что война
продолжается, казалось бы, что всё и так.

14 августа

Трудно сказать, стратегический ли маневр или необходимость
то, что сданы Смоленск. Об этом уже сказали по радио.
Появилось новое направление - Сиверо-Русское. Значит на Ленин-
град идут от Кеселовына и от Сиверо-Русск, а на Москву
прямо от Смоленска.

У нас пока тихо. Говорят, что ночью поездка до Гусева и Белой
Церкви. И что Урицкий теперь наполовину наш, а на-

половину пеленгит. Ушаб у братов. В Днепродзержинске,
очевидно, плохо, поэтому что пошлели известие, что
сестра наших соседок - телеграфистка, выехала в Орлеан.
Это можно считать только в связи с эвакуацией Днепродзержинска.
У нас сегодня за весь день ни одного пассажирского самолёта.
И только наши всё время патрулируют над городом.

Продолжают задираць на окопы.

Сегодня выданы почти приказ по городу начальника Киев-
ского гарнизона о том, что пеленгит всякое движение по городу
и торговля прекращаются в 4 ч. вечера, а начинаются в 5 ч. утра.

До сегодня было: с 4 ч. утра до 10 1/2 ч. вечера.
Очевидно приказ этот воспринимает движение военных
машин без специальных пропусков и перевозку военных
машинными какими-либо учреждениями. Значит Сиделану будет
труднее приехать с базаром.

Сегодня половина десятого вечера. После дня тишины
идёт. Забавами землёк, но скоро умолкнет.

У меня большая радость: я получила работу. Пришла
в Библиотечку как-раз, когда меня содрались разговаривать.
Это г-н М. Печалов, который пеленгит исполнил обязанности
директора Библиотечки, порекомендовал меня в Акаде-
мию на должность зав. магазином Академкниги.

Я было заколебалась, боюсь, что не справлюсь. А потом
решилась. В портфеле у меня книги из магазина. Я
буду в нём одна. Это трогательно. Он был закрыт почти
полтора месяца. А вот теперь его снова решили открыть.

Сегодня мимо к тому свиданию с тем, как трудно
в Киеве получить сейчас работу. Пока я дошла со
своей любовью до дома, меня человек двадцать кро-
сили поговорили или усиделись куда угодно, только бы
радоулись.

15 августа

Погода плохо далеко, но видно слышны. Ещё было тихо.

Только по радио передали, что почти замели Кировоград и
Первомайск. Теперь Одесса артеваня, а фронт ещё рас-
нулся. На Москву продолжают летать бомбардировщики.

На нас поговори не летают.

В городе тихо. Погода хорошая. Тихо и в природе. На
базаре много земли и овощей.

В магазине хуже больше порядка. Юся и Гапка помогают мне. Скоро уйдут женщины, которые делают перекуры. И станет тише. Женщинам карежес, что направо влезать не за своё дело.

17 августа

В городе тихо. Изредка летают немецкие самолёты. На Крещатику спокойная, даже весёлая летняя идиллия. Музыки много, не меньше на улице, чем до войны. Сегодня в магазинах есть хлеб, и ни одного человека в очереди. Уже кончилось хлебная вакханалия.

Баррикады продолжают расстреливаться, мины на них висят какими-то самотылами, и всё в них дыр расстрел и правда. Ходим в кино, смотрим снова "Большой ваивс". В кино полно народа, даже в утренние часы.

С сегодняшнего дня в помещении Русской драмы начал работать театр миниатюр. В нём принимают участие оставшиеся в Киеве артисты разных театров - оперы, драмы, балета. За три дня до начала его работы все билеты были проданы. Будет в нём несколько сеансов, последний с 6 до 8 вечера. Это - в связи с последним приказом о прекращении зрелищ в 9 вечера.

Жара идёт сипающая, без признаков облаков или ветра. Из головы не выходит боязь, что на зренье, что в холод и дождь, до в такую нестерпимую жару.

18 августа

Ничего не понимаем. Мы сдаём и сдаём города. Сегодня утром радио сообщило о сдаче Николаева и Кривого Рога. Оресса значит отрезана. А у нас снова всю ночь и весь день непрерывная глухая стрельба. Слова капитуляция.

19 августа

Врагам взяли Кингисепп. Это - в ста километрах от Ленинграда. У нас сегодня тише. Сидим с утра, а потом переждаем срываться. Погода чудесная. На базаре много фруктов и овощей. В городе много замечательных вещей. Настроение неплохое. Но прекратилась наша работа. В консерватории собирают учащихся и пытаются соединить ^{с ними} учеников из соседних школ и техникума.

20 августа.

25

Сегодня появились Одесское, Гомельское и Новгородское направления. Но ничего не говорят о взятых городах. И это уже хорошо. Война идёт такими темпами, что если день нет осадных известий - это уже хорошо.

В городе тихо, хотя слышим уверенно и, как шороху Москвы, густо целую ночь. Потом зной пересяем слышимость. А вечером медленно пролеза бомбардировщик, но долет не было.

21 августа

Шестидесяти дней война. Наши дела лучше, чем дела на других фронтах.

Сегодня утром слышим по радио обращение ЦК партии и Совнаркома к ленинградскому населению. В обращении призыв к ленинградцам защищать бодростью до последней капли крови за Ленинград. Мы понимаем, что нам очень трудно. И страшно за город Ленина, за казнь революции.

Вечерние известия - три направления: Новгородское, Одесское, Гомельское.

22 августа

Встретил радио: едем Гомель.

23 августа

Событий очень много. Они разворачиваются быстрее, чем мы могли их записать. Сегодня появилось Ленинградское направление. На осадных фронтах одесские и другие бой.

Сегодня наше Правительством после коф. Урано введено в дело свои войска. Это явилось следствием того, что, несмотря на неоднократные заявления комиссии председателю шаху, он не реагировал никак на ходившие слухи о вводе в Уран и на подготовку или Правительством перевоза.

По договору с Ураном от 1921 г. Советское Правительство имело право в случае каких-либо действий внутри Урана угрожающих СССР, ввести в Уран свои войска с тем, чтобы избежать их, когда эта опасность минует. Теперь наступил такой момент. Наши сделали так, чтобы Уран не могла сделать Уран плавающим для нового перемены советских границ. Вместе с нашими войсками вошли и английские войска.

Взглянув в газете публиковались итоги двух месяцев войны.

Потери огромны. Но, увы, это не приближает конца войны. 26

Потери немцев: разгромлено 12 танковых дивизий, 39 пехотных дивизий, 8 моторизованных, 3 дивизии "СС" и некоторые дивизии "Вонкинг" и "Германия", 19 полков разных дивизий. За два месяца войны потеряны убитыми, ранеными и пропавшими без вести - два с лишним миллиона человек, около 8 тысяч танков, 10 тысяч орудий, свыше 7200 самолётов.

Каши потери: 150 тысяч убитых, 440 тысяч раненых, 110 тысяч пропавших без вести - всего 740 тысяч человек. 5500 танков, 7500 орудий, 4500 самолётов.

Так звучат сухие статистические данные. А это ведь каждая душа - тысячи, сотни тысяч людей, сотни тысяч разбитых семей.

Никто не знает. Уже восемь дней нет вестей от людей.

Вернулся Алёша три дня назад. И сразу допроси снова ехать. Менерь Кад. Вое. хочет непременно ехать с ним.

Приехал Алёша из Маргариата. Там он с оставшимися мещиками работал в мартиновском цехе, цехом слесарей.

Тором ни разрешения ехать, ни он вернулся в Киев. Но командиров в Киеве снова мобилизуют и направляют в путь Украины. Кад. Вое. решает ехать с Алёшей в село возле Ахматовки.

Там уже живут Кира Ник. и Коля. Эдуард или Шеломов, на котором должен вывозить одуряющие КРДС'а. Кад. Вое. в тяжёлом состоянии. В лучшем случае возьмут её и Алёшу. А Ник. Косяги. зрелище останется в

нейтраприт. больнице. И Любовь Вое., и Там. Косяги. не берут. И все в подавленном состоянии. Потому что тяжело оставаться в таком состоянии близких, и кожд. родной на полную неизведанность. За эти два дня Кад. Вое. изменился совсем.

Потри ежедневно приезжает Сидан. Он идёт сурового взыскания за то, что один из бойцов его батальона, во время отлучки в город, показывал завтра винтовку двум девушкам, был неграмотно одну из них. Его осудили на три года, а потом заменили отправкой на фронт. Как всех осуждённых это известие.

Сейчас все больше огнев много вьют. У них у всех много денег, и они покупают много вина в магазинах. Уже и вина нет в городе. Особенно изредка появляются разливное.

Продукты совсем перепадают из города. Но хорошо, что работают 17
ситловские. И даже немного кошат. В Кудуре можно пообе-
дать за 2 рубля. За чашком чаю очередь, но никто не спрашивает
без него.

Но-прекрасно идёт мобилизация на окоп. Многие не могут
идти работать на них.

Люся и Гапка много помогают мне в магазине. Сегодня уже
в нём почти совсем порядок. И даже уже четыре дня работаем.
Покупателей довольно много. Больше всего спрашивают
классиков и медицинскую литературу. Не знаю, чем
объясняется то, что люди травили довольно больше денег
на приобретение книг. Покупают полные собрания сочи-
нений классиков, которые стоят иногда более ста рублей.
Приходит много военных. Больше всего из них денег не по-
купают. А если хочется бы или книги купить. Но куда
их взять с собой. Придут, попросят посмотреть книги.
Поговорят немного. Некоторым охотно рассказываю о себе,
другие просто поддерживают книгу в руках. Вернут и уходят.

Редкие покупают учебники.

В субботу ещё было расназначенное время 1-го сентября
урядный год. А сегодня ввечер приказ из Наробрава: до
освобождения расназначенное время не начинать и направляем
участкам на работу не выдавать. Это, как мне сказали
в Академии в связи с тем, что к Киеву подошли отряды
большие силы немцев, а наших войск ещё больше.

И снова подтверждение, что г. Ситавик снова скажут
Киева ни под каким видом не отдавать.

Вот и живём мы всё время, как на выкате. Снова в городе
орудание скорых и снарядных боёв.

Уже несколько дней в ~~Киев~~ город Киеве существует "газета
торговля" - маленькие продают газетку и конфекты-подушечки.

Сегодня совсем тихо. Только один самолёт был над городом.

Сегодня совершенно невероятная темнота, хотя небо ясное
и звёзды как-то особенно ярко сверкают. Не видно со-
светной руки. Со стороны Телижки видны вспышки,
и огни медленно свивив вьветель.

Во дворе просеиваются и светом сверкают миза кошек.

Мало кто спит. Сививив тихие голоса тех, кто сидит во дворе.

Двадцать

Я отношусь к тому счастью, так как я работаю. И
это правда. Когда работаешь, даже война словно давнее.

25 числа сданы Ковгород. А сегодня сказали, что сдан Диевонедеровск.
 В пажоде говорят, что его сданы без боя, а другие утверждают,
 что там был сражение, ~~кровопролитие~~ ^{отсекобитие} боя.

Вотна принимают немощные разведки. Что обозначает это
 движение немцев, которое не останавливается нигде? И
 хотя они куют огромные козери, хотя всё-равно у немца
 и у многих других крепка уверенность, что победим
 мы, а не они, всё равно факт осаждают франком - они идут
 вперёд, они забрали уже огромную территорию, и до сих пор
 их наши войска не отогнали назад.

Мы ничего, ничего не понимаем. Временами ~~мы~~ ^{мы} охватываем такой
 страх, какой-то призрачный ^{ужас} страх, с которым невозможно сра-
 виваться. А временами, чаще, мы всё ещё ждём решающего
 перелома, поворота в войне, какой-то гопсек бьют, но который
 так замалчивает.

Наз. Вас. уже нигде не едет. Финелюков не и, говорят, больше
 не будет. Совершенно неопределенно разрешившие все неразрешен-
 ные вопросы.

Самые страшные известия приходят от уехавших с города. Люди
 едут в ужасных условиях. Ступит непрерывно бомбят. Со
 всех сторон возле Киева разодраны мины. Уже по инициативе
 москвичей - Евгении Бонч и железнодорожному - прекращено
 движение. Поезда, которые ещё ~~въезжают~~ ^{въезжают} из города, пере-
 правляются через верхний сиратский мост.

Самыми ~~страшными~~ ^{страшными} Требенька и Ромозачи разбиты. Мендель так разбит, что
 не проезжал до Ромозача на одиннадцать километров, въхо-
 дит на поезде и идет пешком до Луден - боится обстрела
 поездов. В Луден снова соединился в поезд.

Когда выяснилось, что Финелюков больше не будет, всматривались в вопросе
 о том, что делать с Анейшей. В лучшем случае он снова
 получит повестку из военкомата, и снова с очередной группой
 лейбштукеров уйдет в неизвестность. Больше же всего он боится
 остаться в Киеве, если Киев вдруг сдадут.

- Я ни ~~за~~ ^{за} что не останусь, ни за что! - всё время повто-
 рает он.

Город снова полон слухами. Какой-то говорят, что есть приказ
 о сдаче Киева. Мы считаем, что это провокация. Всё говорит
 об обратном. Киев будет защищаться. Очень много наших войска
 стянуто к Киеву. И вчера был в ослепном режиме виден

интеллигенции Киева. На нём снова и снова говорили о том, Киев будет советским. На митинге выступил Бауран. Знаешь он в Киеве. Это очень хорошо.

Первого июля не удалось заняться. Но это не должно у нас. В Харьковской пьесе есть распоряжение начать в кредитный год 15 сентября.

Дети без конца приходят за кредитками. И очень много народа приходит за книгами.

Мне казалось, что в наше напряжённое ^{и безденежное} время книги не будут покупаться. А тем тем я ежедневно продаю ^{книг} ~~книг~~ сто пятидесяти и больше рублей.

Приходят военные врачи. Они традиционными глазами смотрят на книги, говорят о том, как хотелось бы их купить. Но покупают только самое необходимое, а также не покупают ничего. Куда им брать книги в их боевую обстановку!

Вчера пришёл боец. Он просил книгу-нибудь для чтения, только чтобы там не было войны.

— Скорее, когда не увидели. Когда бы почитать чего-нибудь, — говорили они. — Не знаю, должно, денег им просить. Может сегодня кто-то уйдёт, и книгу не прочтёт.

Он приехал с фронта и снова возвращается на фронт, который сейчас в 30 или 40 километрах от нас.

А в другой боец попросил у меня сегодня какой-нибудь "роман".

— Нам, — говорит — теперь только романы можно читать.

И купил несколько книг Сеидыкова, Гехова и Камировича — Фаизенко.

Жизнь идёт как ни в чём своём кругом. Эдак на окопы. Стоит в очереди. Возле моего магазина и кондитерской целый день крик и шум. Очередь загрохотала весь район. Там продают парочку и повидло. Снова открылся военный магазин. В него прикреплены с бойцами сугубо военный Комсозав со всеми товарами. И там теперь тот знает, что твориться. Много раз извивался, очередь занимает все пространство вокруг магазина.

На Крестьянские несогласные баррикады, расстреливаясь от дождя, оббиты досками, и возле них дежурят бойцы коммунистических бригад.

Работать по-прежнему не в порядке. Без конца приходится отказывать просившим работу. Просто сил никаких нет.

Снова дождь, у нас дома немного переполивов. А по приехав

Степан и заввал, что Штабелюа должна ехать с ним, куда он с багареей, куда и она. Шурку хазеи оставит у нас. Мёля в ужасе. Штабелюа ^{человек} ~~ребёнок~~ всё время. Только от чего "вспурилось"? Как оставить ребёнка у нас на поимку неизвесителю? Как отпустить Штабелюу на фронт в такие страшные условия?

Но ~~сказав~~ вчера стало известно, что никуда Степан не едет. И настроение у него совершенно унылое. Говорит, что поражение наше неизбежно, надеяться не на что. Мы немного успокоились за Штабелюу и Шурку, но на душе темно. Страшно перед будущим, хотя и стараемся крепиться.

От нас много идут письма. Но к нам не пишут. Получили письмо от Мюль. А она от нас писало не получила. Уши ещё в Прохорововграде. Работать нег. Мендел, после того, что взял Душмановск, придёт ли ехать дальше. Говорят, что Харитов и Поляву уже эвакуируют. С кем они поедут дальше? Ведь у них перед отъездом из Киева уже ничего не было: ни денег, ни вещей.

Есть анкета от Адр. Она радуется ситуациям в Свердловске. Об оставших уехавших ослеп гусенице известно.

Все эти дни слышали изредка зенитки. Иногда слыши. Но канонада не было. А вчера ночью узнали где-то две бомбы. Сегодня утром узнал снаряд или бомба в госпитале на Дорогомиловской. Говорят, увидели много раненых. Но точно ничего не знали.

Ночь темная, хотя в небе вполз тонкий и яркий месяц. Звёзды особенно яркие на звёздном темном небе. Мендел ноги колодыне. И днём ^{всё время} было прохладно. Шовтко сегодня немного поужинал. Пока писала, было всё время тихо. А вот сейчас где-то далеко звук бомбы. Или давиловские орудия. Груситко. И ослеп трудно бороться с подступавшим ужасом. Что-то принесёт нам утешительное сообщение радио? Сегодня были Киевские, Гомельские и Одесские направления.

31 августа

Сегодня снова светит яркое солнце, радио играет весёлые песни, а со стороны Ситанинки непрерывно громыхают орудия. Слышали газго, и временами кажутся, что ослеп близко. Вчера откуда-то появились слухи, что возле Киева переходят на позиционную войну. Возможно. Киев хорошо укреплен, оконды врыты досужно. А больше всего говорят о блестящих возможностях нашей ~~арт~~ артиллерии.

Взвешивая и слыдя по радио сообщения об угрозах бомб на всех группах.

Создание неизвестности и т.д. не так угрожает. Но всем признакам нет сейчас непосредственной опасности Киеву, хотя опасность слышна непрерывно.

Водные же тепло-то уходят. Слово деревня на улицах и избушка марку белой красной. Это значить предполагается очередные передвижения войск по улицам. Вероятно, этого не делали бы, если бы думали об отступлении.

И, может быть этого, что очень трудно прикинуться с мыслью, что немцы могут быть в Киеве, не переезжая, а наоборот укрепляясь уверенно, что Киев не отпадет.

Каждое новое проявление жизни вызывает радость. Или, например, вчера повзрослели птицы об открытии 4 сезоны сезона в цирке. Разумеется, редкость не только, что будет цирк, а только, что значить открывает замочная жизнь, и это значит не беззащитно еще наше положение.

В школах всё готово для начала учебного года. Уходят только расписанием начинать учёбу. В новообразованном музее начинают с завтрашнего дня надвигаются замеры по специальности. Но в Харькове начало учёбы назначено на 15. IX.

Помощники в Харькове, и отдают отсюда расписание. Ахадский кое-что делает. Некоторое количество работало, и даже приглашают слова на работу некоторых старых сотрудников.

И банк начинают возвращаться к прежнему графику работы. Во всяком случае, пока безответственности стран и произвольного возмущения во многих местах министерства. Железные дороги за всё время поехали дёшево. Окончилось бессильное продвижение всех кому было нужно и не нужно передвижение.

Говорили, что больше из Киева не будет эшелонов, что закрыты все пути. А сегодня уходит эшелон КРДС'а, который едет в Свердловск и Алёна. Помоги ему Киевский Свердловский Иллюзионист, который отвечает за оборудование станции. Всё время сдерживают. Говорят, что наши взяли Истриновое, но это в нём не оказалось ничего, ни одной кабы.

В домах забрали все медные банки. Их превратят на металл.

В магазинах всё одинаково проходит дни. Покупаем только беспрерывно. Покупают художественную литературу.

Спрашивают преимущественно классиков. Часто приходят бойцы. Они покупают книги, не считая дёшево. Иногда побоятся, пошутят. Настроение у них даже всего ровное, спокойное.

Но бывает, что придёт боец, грустно, грустно посмотрит на книги. Подают тихо и угрюмо. И ничего не скажет.

Сегодня молодой лейтенант-артиллерист купил и увёз на передовую полное собрание сочинений Шопенгауэра. Бывало мужиков было много в магазине. И много их. Но когда приходилось говорить, что не работа, и отказывались приносить книги на продажу. У меня есть всё-таки кар-ма на покупку старых книг, установленная духобор-ской Академией. Тогда frankly людей, в её руках. И помыслил сильнее выучился.

Очень много безработных. В новом корпусе Инженерной появились новые условия. Это девушки-дружинницы, которые собираются мобилизоваными. Но мере надобности их посвящают на работу в госпитали. Кое-кто из них одел в военную форму.

В Киеве сейчас безмятежно. Будет его авиационная передача по радио. Киевские композиторы, некоторые оставшиеся в городе, собираются писать музыку на его стихи.

Каждый час осаждают в городе. Для больше не в силах искать возможности выехать. Мы уже давно махнули на эту работу. Уже и Свенан начали что-то обещать.

Вторник, 2 сентября

Ещё в воскресенье с утра начали снова относиться повсюду на окопы. Говорили, что ехать в этот раз нужно под Кечина, что будут казнить и казнить 16 рублей в день. Наши все собрались. Но когда я пришла домой, оказалось, что началось осуждение "судимое безделье". Кто-то передаёт слух, из страха ли, но недовольство ли или с целью провокации, только все утвердили, что это поездка не на окопы, а что это принудительная эвакуация из города.

Ну как рассудить людей. ~~И~~ Идут, идут возможности выехать из города, а при слухах об эвакуации, кашка, все радиосети поликонтинки для конкуренции справой о негодности, и срывают окопную кампанию.

Делается судья за наших людей. Я смотрю на молодых ребят в военной форме, которые ежесекундно идут на смерть, защищая нас. А мы боимся вырваться пошесть окопа.

И десятки молодых здоровых женщин, свободных, бездельных, ир-туются у знакомых, везают в шкафы, на андресоны, только бы не идти на уродливую повинность.

Вездем везде было тихо часом до десяти. А потом началось канонада. Судимыми, как никогда, часом, не переставая, и вездель следовали один за другим, как один сплошной перекрывающийся шум. Канонада приглушалась и удалялась. Говорили, что слышали свист снарядов.

Никто не спит, а несколько человек сидит во дворе.

В часе сурового предрассвета.

Ногви у нас уже с давних пор дежурят в парадных воях.

Они одоно тико спрашиваю: "Кто идёй?". Но следит ногви, члов около порёх кто-то побегал, тичено сича сапогами. Его чрочно окликнули. Он побегал назад.

А воятке задвинули сичовиче у нашего дома рогаич, чело равиче никогда не делаем. Очевидно чрдали ногви чело-шо.

Сегоде идёй дождь и сиче близко суревит. Суранина закономерность: всегда, как только идёй дождь, больше суревит.

Взгля оказалось, что все инсигитур Академии оканчиваю своё существование в Киеве. Остаётся только Библиотека и малазии.

Человек

Личе инсигитур провалител в носели несколько дней. Заболела.

Потому и перерыв в дневнике.

Все эти дни тихо. Сегодня иде-то далеко суревит, но встречеть сичиче только, если дойдь в саду. Иных и по ногам.

Даже суранино зр. Изредка летают самолёты. Совсем редко отлет земляки, но это уже не считается суревитом.

Когда не суревит, качается, что наши дела кажутся. Крепко надежда, что Киев не отпадет.

Уже осень. Дали за Днепром делаются более прозрачными. Солнце менее ярким. Совсем козачилим сгустившей зми.

Киев не изменился внешне. Так же робилим сичовичи подмазая зми из поруб КРДС'а. Так же белесый дом на Подоле и в гавани. И так же бершии френу под мозаик среди земёных ещё берегов. Лето прошло, не знаем, какни оно было. Может дойдь и не было его вовсе.

За все эти тихие новы сообщений по радио. Боим всем прогусаем зрочна. 3го числа сообщили о сгате Шалина. Мы знаем уже, что если некогорое время не говачит в сообщених о направлениих, где идуть бои, значит что-нибудь снова сгалоу. Что обозначает наша издёлка?

Зелё много обнадеживающих начинаний. Во-первых, завтра начинаю во всех школах Киева учебный год. Начинаю заниматься десятилетки и другие ^{средние} специализированные школы.

Начинаю завтра начинаю регулярно работать. Она будет играть некоторую музыку и руководить предметной Комиссией ^{Киев} сержантом в Музыкальной десятилетке. Будет работать и вечерняя Консерватория.

С завтрашнего или даже с сегодняшнего дня начинаю работать в музыкально-драматическом театре. Ирань будет в помещении Оперного театра. Организуем военный драматический театр. Но за это продовольственный вопрос в городе все усложняется. В магазинах нет ничего. Тушеные приправы, и нефть даже продают. К концу дня в магазинах на Крещатикине появляется колбаса, иногда холодное и сырое копченое. Тогда идет смертоубийство - свалка. В очереди стояли по три-четыре часа, и газы уходили с пыльными руками.

Там же идет Ленинская очередь "огороженый" бирюзов. Она занимает очередь во всех концах. Ситоний, берет беллет из одной в фурго и либо приходит, нарушенная, либо разогнанный полевой иудаей. Иногда, проезжая в очереди семь часов, она пришла с трофеями: три литра вина, три голубки капусты, килограмм колбасы и... около килограмма мусора из мешков, в кождом в ширное время было перебиве. Шенерв отломки перебив всех сумидь, вместе с ветевнами, ценками и пр. продают. В очереди за погодными "перебиве" Ленинская была 13/6-я.

Спасают отлив самолеты. Их еще довольно много. Парней в них преимущественно какой-нибудь едн. Но это преуменьшено, потому что хлеба в столовых еще хватает.

Мы все получаем по 600грамм хлеба в день. И после раздачи хлеба по карточкам ^{его} продают еще оставшийся в магазинах. На базарах есть овощи, сыр, молоко.

Жидов нет. А имеются в продаже стидей недопустимо дорого. Крестьяне беззащитно подвергаются насилию за трудностями. Они выменивают у горожан белый хлеб за одно яйцо!!

Голода нет. Но приближение его ощущают призраком поднимаясь впереди. Спасити от него нас может только, если Киев будет осаждаваться советскими. Тогда будет и хлеб.

Сейчас к Киеву остались два незащищенных пути - от Керчи и от Полтавы. Если их отберут, мы останемся в мешке.

Оконная кампания закончилась в семье неожиданным образом. Еще 2го числа прошел слух, что отправка на охоту отложена до осеннего распухивания. Возвратили, что слишком много людей поехали, а радишь на всех нет. 4го вечером стали возвращаться по маршруту под Керчи. Они рассказали, что пришло их к месту назначения поздно, а военные и гражданские руководители отказались их принять, потому что не нужно уже сейчас охоты, и что не все их всех кажут.

Продумывал кто больше, кто меньше, все вернувшись домой, индивидуально или вместе, кто индивидуальном пешком, а кто организованно поездом. Из нашего двора вернувшись все, кто ездил.

В Киеве так же неожиданно окончилась и мобилизация по трудовым вопросам (на работу по городу). Записывали на них преимущественно женщин старше 55 лет и работающих. Когда эти граждане явились в окрестности ~~вокзал~~ Киева в распухшие валенки, их всепроникли ~~направлявшие~~ со словами: - Нам камен не нужно. Скорее отправляйтесь по домам! - Так окончилась и вся оконная эпопея. Говорят, скоро снова начнется. Пока же все идет по домам.

Третье и четвертое июля ездиле конать карточку на Консубарожское подсобное хозяйство. Увидел выгоды: конать за негрой килограмм. Была она вместе с сотрудником Консубарожки. А сегодня с ней поехали Гапка, Над. Вас. и А. В. Заработали по 9 коп. Успели, но очень долго.

Подражал туда иучно гёрбеле трамваем, а через мост идти пешком. Привезли ещё и много маслосков, сверху с запахом ^(сосисочного) леса. Руки почесали своей, словно забили крапивницей. Ещё ~~теперь~~ на некоторое время карточка, каждая очень долго ичуждо.

От уехавших ни от кого не писали. Не пиши и Люда, каждая ^{всегда} очень врань аккурация. Это ~~какаясь~~ беспокоит.

9 сентября

Никаких особенных новостей ни, кроме того, что после вчерашней осени, едут снова солнце, и снова тепло.

Новости есть, но я их ещё не знаю. По радио передали, что наши отодрали какой-то город. Какой - не разобрала из-за шума трамвая.

Вчера все школы занимались. В школах ещё думают, и дети могут примерно писать. В буфетах ещё в даче масло, о котором уже все давно задум.

Вчера снова началась мобилизация на охоту. Над. Вас. взяла весь вечер гинна гёрное баше, но её и А. В. освободили.

Вчера поехали открытку от Люды. Писала некая. Писала она в день сдари Днепронуровска. И у них уже делают по городу гёрные мафтыки. Знают, и там пишу гумани. А ни снова предедоний ехает заливие. Между они привез в Ворошиловграде, не редонийа. У них уже всё кончилось - и дачки, и продукты. Как-то будет она со сгариками и с маминской лесей?

10 сентября

Взятый город - Звенигород, недалеко от Смоленска. После трёхдневных боёв наши отбили его обратно у немцев.

13 сентября

Сегодня сообщили по радио о взятии Гумно. Ветером сказали, что вражеские войска идут в направлении Брестка. Это значит, что их линии всё расширяются. Нездаром говорим, что у нас будут ещё большие пертурбационные похеры.

Харьков бомбят. Об этом пишут уехавшие киевляне.

Одесса держится. Берлинская и мб.

Снова ^{иногда} везет целый день или войска по городу в одну и в другую сторону. Или они под шумовитки дождя. Погода была ужасная. Везде похемелло, но по-осеннему. Ноги темнее и комок.

В городе сравнительно тихо. Самолётов нет, но погуи всё время слышатся, правда с жертвами и далеко. Иногда вдруг слышатся бомбардировки и газды впереди. А потом снова тишина.

Слышатся всё время со стороны Ситашинки. В темноте ноги видят слышатся, словно где-то зарница блещущая или идёт трамвай. Но ни того, ни другого днём не может. Где-то бьются наши.

Город всё время тихий, приглушённый. Когда несётся трамвай или машина, тогда шумно, как в довоенное время. А когда нет их на улицах, тогда так тихо, как в деревне. И иногда громкий голос радио отглаголиво и далеко слышен.

Всем газды везера под рупорами содирает небальшая рома.

Слушают последние известия. Но в большинстве случаев Москву задируют немцы. И тогда в бульварных, свистящих звуках ничего не слышно.

Всё плохое ^{известия} передают в 6, а потом в 7 газды ундра. В семь везера повторяют утренние известия. За московские передают повторяют в 2ч. зит.

Радио - великая вещь. Озент много людей, не имеющих возможности своих, разбравшихся в ратке концы нашей страны, пачо-зды своих при помощи радио. Несколько раз в день передают письма на зронии. Одна моя сотрудница не имела известий о своём маленьком сынишке с самого начала войны. А шрёвено зны передали по радио письмо её сестры, у которой мальчик.

В газетях наших было известие о том, что в Киев под-

37
везут продукты. И это действительно так. Везде в магази-
нах появилось подсолнечное масло. А сегодня, tomorrow,
и свиное. Очередь невероятная. Обещают, что и
на продукты будут прикреплять по спискам, как ^{прицепили} на хлеб.
Но пока этого нет, тысячи очереди стоят у прилавков.
На базарах ценя растут немаловажно.

Общественные столовые радуются, но качество обедов всё
снижается. О масле нужно задуматься. В очередях можно
вызвать только нежность или отвратительное поведение.

Те кто радуются, как и раньше, ничего не могут доказать.
Судите ^{судите} сами, что хлеба вдоволь.

Оказываясь, Академия не вся выехала. Остались все
музеи, ботанический сад, библотека и магазины. Радуются
Николаевская школа. Редкий в школах кто-то кашляет.

Везде приняты в магазины два командира. Выразили
удивление, как спокойно киевляне. Говорят, что везде,
где они проезжали, изрядно тревожили, взволновали и
перепугали. А в Киеве все радуются и живут, словно
фронт совсем далеко. Это радостно слышать. Но поспешим
от нас на Киев в первых числах июля!

Каждодневный характер принимает отечественная ра-
бота. Даже те, кто радуются, далеко не все имеют по-
стоянную загрузку. Многие радуются похвально. И все же не хватает
на жизнь. Мало, кто радует по специальности. Средств
но приходится в магазинах отказываться просить работу.
Очень это тяжело.

В магазинах спокойно. И я постоянно пытаюсь благодаря
подаркам, которые меня в него определили.
Покупателей немного, но всё же торговля не замирает. Ко-
му покупаю у людей, и продаю в день рублей на 150-
200. Но-преимущественно, больше всего спрашивают медицину,
а ещё больше художественную литературу. Многие поку-
пателей знаю уже очень давно. Ещё вспоминаю, которые
приходят ежедневно. Приходит сравнительно молодой
геловек, с выразительными трагичными лицом и всегда несколько
пренебрежительной усмешкой. Он в военном ^{новейшем} костюме,
но без всяких знаков отличия. ^{он бесцеремонно раскрывает} блестяще знает литературу,
спрашивает изысканные редкие книги, вроде Фреда или
Пунинова. Долга ^{добавить бесцеремонно} ~~рается~~ в книгах, но денег не покупает.

~~Долга рается в книгах, но денег не покупает.~~
Долга рается в книгах, но денег не покупает.

Приходит толстый, крепкий молодой в грязном дер-
 тухе. У него упрямое, бородастое лицо с маленькими
 пазухами. Он всегда просматривает, не шуркая, все
 книги, иногда и труды А. И. Купцова Академии.
 Потом спрашивает классиков в старых изданиях и
 Третьяковскую галерею, обнаруживает великодушное
 знание всех старых изданий и изданий;
 Потом выискивает грязный носовой платок, вытирает им
 лицо аккуратно смоченные губы, и великий рас гит-
 тиндуде попускает.

Приходит картинный еврей неопределённого возраста, в
 пелюхах и вощёйся бороде. И, вытаращив за каждым
 словом - "дорогая", просит семье неотъкнотенные вещи,
 вроде китайского сиденья или военной топографии.

Приходит иногда суграшущие девушки. Покупались ~~се~~
 и уходили. Приходит ратогаровенные мифрады, иногда
 художники, которые много спрашивают, всё критикуют
 и писем не получают.

Больше всего приходит доить с упрямца, молодой комсомолец.
 И чаще всего в их отношении к книжке прохладно какими-
 то особым гудитом шепотом и благожелательством. Не могу припом-
 нить ни одного случая гудитом или даже просит книжки-
 гудитом замечаний в адрес нашей литературы, ~~что так~~ так
 часто позволяя себе неадекватно поучать.

За день насмотрившись на каких уродов людей. И в этом
 наимодернеем миз великодушно отражается наше русское
 горада - ровное, спокойное, пришибленное.

Уже мне кажется, что я давно, давно работаю в магазине.
 И если две недели ^{только} назад я смущалась при неотложности
 завернуть книги, то сейчас я гудитую себя неопытным
 работником приема. Словно я никогда ничем другим не
 занималась.

Никто не, очевидно они не доходят. Не может быть, тогда тогда
 не писала. Что будет со всеми уехавшими? Что будет с нами?
 Никто нам ничего не может сказать. Мы, во всяком случае,
 держимся.

14 сентября 1971

Думаю при тучном свете свечи. Гудитая ночь.
 Словно всё время сидели. Сидели так далеко и тихо, но
 непрерывно. Днём, когда улица шумит, выехать не так
 сложно. Но ночью их непрерывный гул слышен в воздухе.

И откуда от него уйти. ~~Тому что~~
 И не от гудиты канонады гудиты шурш, а от гудитого сознания, что
 вот мы едим в своих темных поездах. А так близко, за гудитой,
 гудитая непрерывно и днём и ночью такие же люди, как мы.

Бюджет и умирался. И десятилетия тысяч делений не увидит больше своих друзей,
а мажор своих сыновей, ~~и~~ молодых ребят с грустными глазами,
которые берут своими окочаленными руками с какой-то осо-
бенной теплодой книги, которую им нигде взять.
Воз от этого сознания нигде уйти.

А город живёт своей ~~жизнью~~ жизнью. Стоит очередь за маслом, за картошкой.
Радио громко поёт свои неслыханные песни или рассказывает
бесчисленные боевые эпизоды. Козытки сгущают белое и везут
обед. ~~Рад.~~ Угрюмые радостяки. Радостяки заводят, электростан-
ция, телеграф. Все идёт своим одиозным порядком, несмотря
на то, что со стороны Сивальки непрерывно доносится гул кан-
нары.

И снова, как казалось бы можно было уже привыкнуть, подступает
к гарму тяжёлый комок, не слёз, нет, а какой-то неловкий, словно
помощь боли.

С утра содрался дождь, а сейчас вышло солнце. С улицы
доносится весёлые детские голоса. Но автобус все умиляет шурш,
не переставая ни на минуту, свистит глухой артиллерийский
бой.

Новостей же нет вообще никаких. Ни с кем ни о ком. И эти по-
хожи один на другой. Молва сегодня таинственна, чем обычно судде-
ляют. Вокруг Киева огонь непрерывно.

Мои молодые попутчики-бойцы рассказали, что хотели
поехать в Харьков - их отпустили не несколько дней. И не
смогли выехать. Но все судя по карте проехать, но ничего
не вышло.

Вдруг начинается паника. ^{близко,} Истребитель поспешивает, совсем близко не-
сколько разрывов. Вверх по улице летит подвешенный с Кременчуга.
Кто-то подбежал на очередь, кто стоит за картошкой. Вокруг
это слышать, один или несколько, разрывались возле бес-
сарайки.

Неважные сведения приносят приходящие. Кочеры взяли
исландию. В Крымках, Романах паника. Их отлучают. И
самое ужасное что паника в Варшаве. ^{друзья} Мои попутчи-
тели, ^{от меня услышан} ~~и~~ следов, воевать только надрывами. Вовремя, что
есть слышать паники в комсозаве.

Дорога запружена машинами, которые центральная власть
сидит.

Страшно, очень страшно.

15 сентября

Сегодня весь день ушёл на покупку дров и покупку продовольственных картонек. Будем прикреплены к магазину и организовано будем покупать продукты. Это просто прекрасно.

16 сентября

Теперь мы действительно живём на улице. Вчера субрешил целый день, субрешил все дни, а сегодня утром без субрешил весь день началась канонада. Началась, как говорят, ураганитный огонь. Субрешил¹⁶ временно не только близко, что урочали окна. И близко слышны разрывы. Начали бегать бомбардировщики. Мы уже отвыкли от них.

Нюся не знала, куда идти в школу. Но Галина всё-таки пошла. Когда пришла в школу, была самая сильная канонада, и оконные стёкла в классе вылетели на улицу, ~~не~~ стёкла порезало руку.

Несмотря на запрещение, ребята убежали из школы, потому что на улице Сахаровского, совсем близко от школы, разорвался бомбовый снаряд. Сегодня снаряды рвались в лагере, на Лукьяновке. Несколько снарядов было на мосту, что идёт к Соломенке. Рвались у вокзала, на Рождественской, на Лениградской, на Пушкинской в 35-й поезде. Это то, что ближе к нам. А уж о Ситинке и Соломенке говорить не приходится. Как-то всё время тихо со стороны Луны, на Куренёвке.

Наша багара стая в Николаевском парке, в Боганинском саду. Субрешил отсюда. И в Бибинске все уже нападают снаряды в неё, поэтому что наводятся огневые точки, немцы будут идти по домам, как было уже сейчас.

О жертвах говорят немного, но они есть в большом количестве. Был немец из Нирогова.

В Николаевский парк всё время возят снаряды и не разрешают пешеходам ходить по той стороне, где парк.

Нюся задрала из-под мокрое бельё. Будет стирать на Андреевском мосту, поэтому что у них на Сахаровского не безопасно.

Вчера объявили о сдвиге Кременчука, Комодош, Говорили,
они сдан еще 9-го числа.

В городе говорят, что взят Кривуши и Луды. И это
подтверждается тем, что все удержания, ввозимые
из Киева незаконно, вернули снова в город. Вернули
Облаздров, Облесов и многие другие. Говорили, что
все ~~украинское~~ Правительством Украинь снова в Киеве,
а до этого времени мы были по сути без власти.

Правда, ^{но и сейчас} ~~мы не освободились~~ ^{еще} ~~своим~~ ~~своим~~

Правда, в газете напечатана статья секретаря
ЦК КП(б)У Лысенко о том, что Киев есть и будет
советским, в том он клянется клятвой.

Всю армию от Кривуш и Луды стянули к Киеву. Умень
существенно самые свежие сведения от военных, которые
по-прежнему приходят в магазин.

Кто не ушел все еще из Киева, уже засыпает. Мы
окажемся. Кто теперь будет с Киевом? Кто будет
со всеми нами?

Сражаться Киев никто не собирается. А на победу сейчас
очень мало надежды. Моя уверенность в том, что
Киев не сдадут, начинает колебаться. Это опасно.

Подсознательно ждем, что мы не наши друзья больше
силы и предвзят колесо. Но почему это не делается?
Будет ли это когда-нибудь?

Киевская масса бесполезна. Хотят же.

Продукты, которые ввозили раньше, сегодня снова
привезли в Киев.

Тревожитесь теперь город. Уют и шумно на улицах,
но шум этот взволнованный, неудобный.

Специально машин. Они сегодня несут больше и чаще, чем
всегда, и, как люди, имеют все революционный вид, само-
мультипликационные, грязные.

Очередь снова. Но если близко слышать разговоры, раздается
вспуганные в разрыве сражений.

И так кажется, что гаситесь все время промучаются с
весельем песнями, которые поют громкое радио на
всех улицах. ^{но сейчас} Передают "Гисвизо Игнатьев", а ~~журналистская~~
~~масса~~ ~~каждого~~ а аккомпанирует ей разрыв снарядов
и всеобщий шум.

Боились за Ситенана. Он прислал свои вещи и пишет, что очевидно с выдвинутой придется зацципать Киев. А между тем он месячу ездит вместе со своим дичицами на багарае и ничего не делает. И теперь он там же в колыбе вместе с огромной армией возле Киева.

Что будет со всеми этими десантными полками людей? С ними и с нами. Спасение может быть лишь в прорыве колыбы. Но для этого нужно чудо. Будет ли оно?

18 сентября

Весьма оживленно в городе. Колыба сократилась, оно всё сармадеет. Войска всё сдвигаются к Киеву. Кагалышки, которые хотели вбежать, все вернулись назад. Всех раненых, направившихся в Подгору, Прилуки, Лудивь, всех привезли в Киев. Шотты в одной женской гонимке возле зоологического сада их тысяча пятьсот человек.

Все продукты свозят в Киев. Свозят и все старья. По городу колесят машины. Губсбюро ведет воздушные во всем.

Увеличились очереди за хлебом. Шенель районные получают по 500 грамм, а остальные по 300. Уехали в район вокзала и Красноармейской хлеб привезли лишь вездом. Сегодня по городу малазник продают сливочное масло.

Все еще строят заграждения перед витринами малазников. Уже многие из них задний сверху досками доверху и застываю, внутри некое. Свозят доски и во двор. Товарищ, что будет задирать окна нижних этажей. Киев превращается в крепость. Те, кто возвращается или приезжает в Киев, удивляются тому, что жизнь внешне идет нормально, несмотря на непрекращающуюся бомбежку.

Уже почти среди ночи в ИТФУ, в мосту, что идет к Соломенке, на углу Саксаганского №2, на Ситенандвещию и в другие места. Всех не знаю, за их и не перечисляю. Пока много не говорю о попадающих в больницы заводь - "Арсенал", "Большевик", "Минская кузница". Имя завода Надешев, что они цель, наши заводы.

45
Принёсся слух, что на КРТС'е уже не угас, только сжатыми курами.
Но это очередная водюшка. Угол на КРТС'е есть. Все смотрят
во все глаза на Дроневое, который шёл по египетскому
мозгу.

Везде на Славном базаре дудни. Да подниме шевовки, в козюльке
немень отращивает к красноармейцам с предложением
сдать Киев, чтобы не губить жён и детей, потому что
иначе они будут разбивать город.

Но мы знаем, что Киев ещё никто не сдавал. И
каждый готовится быть может сражаться с отрядом, сейчас
радостное гудит, что мы не сдаёмся.

А суровым узором сурово. В течение часа дудни громко
уралились огнём. Вспыхнул свисток в один изеквадрантный
гол. И трудно было разобрать, откуда свисток. Казалось,
отовсюду.

Редьяна снова не пошла в школу, хотя эта удальная каюка
окопалась к вечеру часам утра, и теперь сурово не огнём
заго, но близко.

Служить разрыв в суровом Ситаники и Керемка. Но
жизнь попрежнему идёт своим чередом. Мраится маши-
на, и громко шумит огнём, которая зашла весь
прогуар.

Сейчас поехали, а поговя было холодно, морозно. Свечит
солнце, и пока вездель далеко, на них никто не обращает
внимания.

Сейчас поучаемся мало, но они всё же приходят. Один
пришёл и сказал:

— Принёс посмотрел на Храбрую женщину, которая
не боится сидеть в магазине в такое беспорядочное время.
Он же сообразил, что только что разорвался снаряд в
ограде Сошневского сада.

Снова готовили мешки №1. Очевидно, в модули машины
может наступить момент, когда надо будет засесть в
подвал. И неизвестно, можно ли будет выйти из него.
А что такое происходит вонде-определять невозможно.
На что рассчитывал руководитель армии?

Говорят, что Будённый был в Прилуках. Значит теперь
он, наверно, будет в Киеве. И что на помощь нам идёт

Тимошенко с полуграммой миллионной армией.
 Вот тебе же ишь, как и всё время, ровно ничего не знаем.
 Не могу себе представить, чтобы допустили такое
 большое армию, которая оказалась в кобыле возле Киева.
 И думаю, что всё-таки наши пробьются. И наше осадное
 положение не оковыреловно.

Ближе разрыва, и улица делается бесплоднее. Некаждые про-
 ходные бегут. Но большевикство идёт медленно. А очередь за
 маслом срывает.

Радио молчит. Вспомнил все на одинаковом расстоянии,
 слышать с перерывами в полминуты или подрез.
 Огнев ли ощущается паника? Скорее нет. Лица все равно
 улыбаются, и много весёлых, смеющихся лиц.

Где-то огнев близко раздается взрыв. Задрезали
 стёкла. Задрезали руки.

Шревоуно в Бидмоуе. Шам боится взрывов оттого,
 что немцы думают паниковать банями в Николаевском
 парке и Багачинском саду.

Через газ пойдут к нам.

25 сентября 1941.

Я сильно опидлав. Все ружьёно. Ружьёно больше, чем ишь
 могли предположить. И тогда, когда я писала всемирно
 ного письма, уже все ружьёно и ружьёно за сих пар.

Сегодня седьмой день немцы в Киеве. Мы седьмой день в оку-
 тываемой немцами зоне.

Начались все содвинуть ~~xxxx~~ тогда, когда я ещё сидела в ма-
 газине. Прибежали две взволнованные женщины и купили
 книги сразу на 600 рублей. Потом пришли из индустри-
 фронтики с просьбой взять у них для продажи их документы,
 так как банк всехал, и они остались без денег.

Это они сказали, что наши пробьются кобыло и войска,
 все, кто не должен оставаться в Киеве, срочно уходят из
 города.

Я побежала в Академию. Оказалось, что Карганина
 уже нет. Он ушёл с коммунистическим багачевоном.

А его обязанности уполномоченного Президиума
 Академии перешли к командиру здания Кавацкому.
 Он сказал, что под снарядами меня зажавшись торго-
 вать не могу, и я могу, если хочу, закрыть магазин.

17
Оттуда пошла в Бидможену.

Бульвар Шевченко представлял собою страшное зрелище. Повозки, машины, люди, походы в курны, пехота — всё смешалось в одну непрерывную безумную толпу, сдвигавшуюся через весь город в сторону Двора. Они задерживали друг друга, все клездрани один на другого. И это беспорядочное бегство производило страшное впечатление.

В Бидможене все плакали. Сидели в окнах квартиры, тихо, быстрее плакала девица, потому что дети остались дома, а сзади рвался по всему городу.

Ийти по городу было страшно. Сверху свисали над головами и падали, и рвались повозки, везде.

Когда я пришла в магазин, там с намерением зайти к его, там была Лёля, трясущаяся, перепуганная. Оказавшись, возле нашего дома всё брели рвались сзади. Одни из них, ухватились за руку Андреевского и Владимировой, убили сзади женщину нашего дома Сладкова. Она, побившись, улетела, и улетела кровью. Когда её нашли, она лежала в парадном 38-м номере, лежала, подперев голову рукой, и ещё дышала. Под коленом у неё была рана, и огромная масса крови расклевывалась по парадному. Возле стояли женщины, сидели, плакали. Но никто не решился её поднять. Приехала карета сзади помыла, посмотрели на неё, и сдвигавшаяся уехала к другим раненым. Увидели, что она безнадежна.

Было тяжело идти, свисали сзади, сбивались с ног, расклевывали люди бегали во все стороны. И маленьким, диким ^{зрелищем} была очередь за подсолнечным маслом, которую стояла у нашего гастронома. Люди ушли к сундуку, и стояли у входа, но стояли. И хвост очереди протянулся далеко в сторону телеграфа.

Дома все пугливо и взволнованно подкидывались в квадратиках наших друзей бойцового дома. Погон без конца слышались вены из нашего двора к Лёле. Масками носили, мешки с венами, продукты. Ушли в ночь поехали. Занялись все подвалы. В сарае (там у нас под бойцами домом) уложили зерно на ночь.

Тогда носили вены, Лёля бегала за нами через двор и неслыханно кричала:

— Скажи, скажи!

Потому что сзади свисали и разрывались без конца. И были такие слытые разрывы, что разрывались двери, и руки тряслись.

а Водоканал был взорван ещё с утра, и расчищать его на воду не приходилось.

С изобретением педаль утюга. Оно пришло серое, но сравнительно тихое. Канонада совсем прекратилась, только слышались отголоски истребитель и редкие взрывы. Никто не знает, что делается в городе.

Ноябрь пошла к позитивному за Валентиничи камбоджа. Она быстро вернулась домой, потому что над головой свистели истребители.

Со стороны Куренёвки, где до этого времени было тихо всего, доносилась гаская шумящая сирена. Сирены шумели с Александровской церкви.

Потом сразу стало тихо, тихо. Все неожиданно ушло, что взорвал дом ЦК, и снова все шумело восточных кварталов свистели в воздухе.

Но дома ЦК не взорвали. А только задорач дом, когда взорвали сиренный мост. Вспыхнули и погасли огни на мосту, раздался сильный взрыв. И мост как камень свалился в воду. Осталась целой только одна средняя дуга.

Пожар пошелому стихал, как стихал и ветер. Потонуло солнце. И кто-то пришел с известием, что в городе камбоджа.

Побегали все в север, возле Андреевской церкви. Там тогда увидели, что это правда. Но Красной площади медленно, ровной цепью по два человека в ряд двигались маленькие марширующие.

На них смотрели наши люди, сидевшие на Грохарах.

На Александровской улице, куда побегали они с площади, слышали стучит убитых свидетелей накануне. А кто-то пришедший из наших кварталов, сказал что по городу население разбирает, рассказывает из магазинов продукты, вещи, где это было. Мы, правда знали, что это неправда, ещё накануне, 18го числа.

В немцах двое живёт крикливая женщина. Её так и зовут — "Крикливая женщина". Она неграмотная всего. Сначала она принесла бутылку дамских туфель, потом несколько соломенных шляп, потом из дома ЦК диван. И вечером её сгарила дочь шалава к извозному экипажу с извозчиком ведром в зипуне шубы, легкой соломенной шляпе, в руках со стальной сумкой в руках и с детской сумочкой в зубах.

Такой контраст двух дней. Мы знаем, что бойние всего на окраинах, на Куренёвке и Подоле, да и в центре город разграблен маршантами. Экипажи не помещали ни свистели и рвали и слышались сирены, ни пожары, ни приход немцев. Мы не думаем об осуждении этих людей. Пусть лучше делается им, немцам врагам.

Камбоджа была Но она отчаяние и ужас от сознания нашей одиозной несправедливости от этого не уменьшались, а скорее увеличивались.

Немцы великими в город, а ещё много наших бойцов осталось здесь.

Одни из них с обезумевшим видом бежали вверх по Андреевскому спуску. Он бежал, как затравленный зверь, не зная, куда бежать и что делать. Его осыпавшие пулями, сбилы на карачки, французы вытёрли, убоавивали и переодели и спрятали. Он никого не слышал, дрожал, и долго ко всё спрашивал: — Что делают? Что же мне делать?

Молодой, веснушчатый парень, с открытым лицом, со светлыми, ясными глазами.

Принесли хлеба, принесли итальянскую одежду. Когда он пошёл, чего от него ждали, он упал на лестницу, головой на ступени, а ногами в сторону, голосом хриплым и трагическим закричал:

— Ах, зачем ты меня породила!..

Вокруг все плакали, так невозможно было спокойно смотреть на обречённые и слезы этого хлопчика. И казалось, что весь ужас происходящего вопиет в зной надтреснутом крике парня в выгоревшей военной советской форме.

Его переодели, задрали винтовку, военную одежду. И к вечеру он, щепкоосный уже, ушёл. Кармила его и переодевала, главными отразами, эта самая „Крикнувшая Желва“.

Итак, 19 сентября, около двух часов дня немцы вошли в Киев. Никто из нас в этот день не выходил в город. Только все ходили по долине в север на гору смотреть на Красную площадь.

А 20го числа утром начался наша жизнь в окружённом немцами Киеве.

Почары прекратились. Установилась хорошая погода. И тишина. Сидело тихо, совсем тихо в городе.

Этот 20го мы вошли с Юсией в город, чтобы добраться к ней домой. У телеграфа, возле гостиницы „Красный Киев“

стояли немецкие машины. На них, не обращая внимания на наш
 народ, возмись немцы. На тротуарах стояли лодки, брызги.
 И те, и другие молчали. Немцы иногда нервно переба-
 ривались между собой. А наши смотрели ~~на~~ во все глаза.
 Мы дошли до улицы Сахаровского, не обнаружив особенного раз-
 рущения. Шлово вокруг Николаевского парка вся улица
 была усеяна осколками снарядов и целыми снарядами.
 В Университетской ^{воинах} не осталось ни одного студента. Они все-
 тили, когда взорвали склад снарядов в парке Капроуев.

Когда ~~мы~~ шли дальше, мы сразу узнали, кто к нам явился.
 Раньше на углу возле аптеки стояла возбужденная ^{зданья} ~~из~~ теле-
 графа ситаруха Ситалина. На ней была одета каска, кото-
 рая издали казалась цилиндром. На груди висела доска с
 безграмотной надписью:

— „Довольно этому кровоопийце над нами властво-
 вать. Разувейте волыны Украины под зубы!“

Теперь эта ситаруха летала раббига на земле.

Когда мы подошли уже к усадьбе бывшей Десятинной
 церкви, раздался фикии треск крик. Это с той сторо-
 ны от раббитой ситарухи шел немецкий солдат, который
 тащил ситаруху-еврейку, бил её, а она кричала. В руках
 у немца была связка ремешков повязок. Ситаруха ворва-
 лась ~~из~~ от немца и спряталась в парадное. Но
 мальчишки, которые бежали за немцем и ею, показали,
 куда она побежала. Немцу ворвался в парадное, но
 его жертва снова ворвалась и побежала на Агдрев-
 ский спуск. ~~А в это время в крик она побежала~~
 Она вбежала в парадное 38го ноября. Немцу за ней.
 Но не нашёл внаюмах двери, всполил на улицу,
 вынул первое от двери окно и полез внутрь. Но
 еврейки он больше не нашёл.

Так мы впервые и очень быстро увидели, что евреи не об идеалах и идеях, а о грешках и пороках евреев неслыхали. Но страшнее всего, что эти первые действия оккупационных властей породили злобу и злорадство в наших сердцах. А ведь откуда она могла взяться у них, эта злоба, ещё два дня назад сидевших на кафедрах в советской школе?

Мы знаем о разных настроениях в разных кругах Киева. Люди так или иначе ущемлённые советской властью предались немцам. Я могу назвать ряд таких людей. Близкая мне семья Губ: отец, в прошлом богатый домовладелец, не верит в рассказы о гитлеровских зверствах. Он говорил:

- Придут немцы, они отберут мне мои дома.

Я слышала от него это не раз. А его дети слишком хорошо знали произведения Грейхубангера. И немгеский ужас охватывал их при мысли о немцах. Га-рика с собой увезли сегодня его дочь Лина и друзья. Но остались и другие точки зрения. Не знаю, сохранилось ли их уверенность в гитлеровских немцах после таких примеров, как данков на нашей улице.

В этот день вечером каждый кто-нибудь рассказывал из выдуманного и слышанного. Подтвердившись было о нём.

Мы узнали, что немцы несут нам "самое лучшее украинское" и что украинцы делают привилегированной нацией. С утра, оказывается, выдавали приёмники, которые мы сдали в начале войны. Сначала их выдавали в порядке очереди. Потом немцам надоело сидеть за порядком, и склад приёмников прося рассказали. Кто пойдёт и принесёт по два приёмника. Но главное, что там уже сказали, что приёмники выдаются в первую очередь украинцам. Ст.

Те, кто останавливаются возле немецких машин, многое могли
рассказать. И было о зём.
Всё у немцев не похоже на наше. И огромные машины, все ^{продвиг-}
повенно оборудованные. И цитки дома на колёсах с самыми
разнообразные устройствами. И волокушки, местной выкорки селитры
вид. Всё резко отличается вид этой армии от наших войск, наших
моделей. ^{Везде} у всех у них хорошая выправка, ^{бодры} в бодрости
они все огиб унизатель, ^{ручьи} ^{невозможно} ^{уничтожить} ^{этим} ^{что}
всегда на хлебах расконтрастной фронт.

Одежда они куда лучше наших. Кожаные куртки, скорее замшевые,
и цвета зелёного цвета. У всех погонь, и на правой стороне
груди вышитый серебряный расконтрастной фронт, а под ним
небольшая свастика. На отконтрастных солдатах тилки или
мягкие дурачки с козырьками такого же цвета. Шапки носят
рабочие западных стран. На одичавших высокие дурачки с вышур-
тым зном, замихаеки задиралошеся вверху. На них серебряные
кокарды.

Никто из них не ходит пешком. Газет из них на велосипедах, ко-
торые оборудованы по последнему слову техники. Сзади за
сиделом и выедом на велосипеде есть всё, что нужно сол-
дату. Всё в каких-то особо усложнённых рамках, сумках,
железных коробках.

Многие на мотоциклах. На каждом мотоцикле по два немца.
Они одеты в длинные серо-зелёные резиновые плащи с кле-
риной, все в касках. И в длинных этих плащах кажутся
средневековыми пёвротскими монахами. И на мотоциклах
все приспособлено так, что каждый имеет всё необходимое.

Останькие пурше-субарс в машинах. Останьких машин мы
не видели. Мелькнула лёгковне, громкой своей наполненной
снаряд, ^{кондур} несётся с невероятной скоростью по улицам.

Останькие же машины все закрыты, кузова у них огромные,
на громадных колёсах с ^{необычными} шинами. И что особен-
но отличает их машины от наших: у всех короткие передние
газсы, непропорционально короткие по отношению к кузову. И
оттого их машины кажутся курносими и неуклюжими.

В машинах солдаты сидят в большинстве на мягких сиденьях
со спинками. Возле каждого ^{места} пригнане вся их амуниция.

Все машины покрыты брезентом, и помудрено, что их солдаты
меньше наших ^{меньше} ^{хуже} ^{идут} ^{смы}.

На всех машинах впереди или сзади привязаны автотормоза, ^{дуб,}
и точных, ровных, словно стандартизированных, берёзовых или сосновых.
Однако это машинное имущество, которое они возят с собой.

Шашины мы увидели немцев на наших улицах. И ^{первые} дни
на улицах ^{всегда} ^{более} ^{всего} происходило взаимное рассма-
тривание: наши люди ^и ^{смотрели} на немцев, а ^{не} ^{рассма-}
тривали наших людей. Иногда, если находился кто-то ^{заведомый} ^{не-}
мецкий ^{эзек}, происходили ^{лаконичные} ^{разговоры}, ^{составленные} ^{из}
кратких вопросов и ответов.

54

И вид этих откопанных, пригнанных во всем завоеватель еще
увеличивая густоту глубокой горечи за наших людей, за наших
бойцов, которые идут и в одну сотню километров без радиодух
дорог, с каблуками в крови ногами, сапог боеком, несся в руках
неподходящие башмаки. И никаких у них не машин. А башмаки
еще только густота дыма, крики перед Родиной, за которую они
безропотно идут.

21-го числа появились на улицах первые приказы. Все они были
напечатаны на двух или трех языках. Украинский и немецкий
обязательно. В них население призывалось к спокойствию.
Предлагалось вернуть все взятое в магазинах, сдать оружие
и радиоприёмники (кого их только накануне выдали), соблюдать
свежесмысленно, не кричать, а выдвигать партизан, красно-
армейцев, коммунистов. И заканчивались все приказы тем, что
неповиновение карается смертью.

Тогда же 21-го числа появилась на стене возле "Красного Клева"
первая украинская газета. Называлась она - "Українське слово".
Внизу было указано, что напечатана она 21. IX в Червоном.

К редакция, их хозяев.

Тяжелое впечатление производила газета. В ней не было прав-
да, ни ругательства, ни насилия. Но то, как она просла-
вила немцев, великая их "свободомыслие" и "освобо-
дителей" и то, что в ней сразу явилась вся националистиче-
ская реакция с лозунгом "уничтожить большевизма и евреев",
это производило самое удручающее впечатление. Вле в
этой газете большевая печать, в которой подчеркивалось
борьба Украин за независимость. И рядом с лозунгом предва-
рительным украинского народа - Шевченко, Леси Украинской,
были в качестве "мужиков" и "спасителей" и Мазепа, и Петлюра.

Расклеивали газету чаще украинцы в руках наших
красноармейцев. Только на руках у них были чер-
нокожаные перчатки. Вспомнил, когда мы с Кисей подошли
к газете, ~~то еще~~ ~~какие-то~~ ~~украинцы~~ ~~в~~ ~~мѣстном~~ ~~и~~ ~~обрались~~
~~к~~ ~~каким-то~~ ~~камням~~. К ним подошли еще какие-то украинцы в
мѣстном. И мы слышали, как они сказали, что давно уже
их выдали, и что больше всего они ждут возрождения
церкви.

Киев начал настраиваться на какой-то новый лад.

22-го числа так же приказали на стенах что предложено
всем, кто работает до последнего дня, явиться по месту
работы и там зареестрироваться. Появились уже агитаторы
нового ~~и~~ ~~какого-то~~ ~~судья~~. И есть люди, которые уже усели
перегасивать с беспробудной ханжеской.

Лестница, как и прежде, подмалыва до верхнего этажа. Ка
ней оказалась деревянная обшивка. Но только лестница. А
далше нег ничего, ни ступи, ни зала. Остались только,
незнаваемые етень, а всё остальное провалилось. И висели
идеально на стенах расставившиеся кое-где идуры каменные
редь, да колонны, которые поддерживали балки, висели в
воздухе над провалом, лишённые опоры.

Вместо зала двор, потому что небо тень над ним вместо
крыши.

Над лестницей осталась паукох-это пол бывшей ханмаджарии.
Он нависает пузырями и грозный обвалом. С него свисают
металлические остри скелет мостр, которые скрутил и казале
от ветра. Но сохранившиеся лестницам можно дойти и до того
места, где был некогда великий каменный и ханмаджарии. Там
остались стены, но никто не напоминает того, что там был
рели, долин. Даже неба не осталось.

Но другой лестнице мощно подлилась к самой обломке,
каждая все обрушилась вниз. Может быть под грудой облом
ков и сохранилось кое-что из книг или пап. Но
нужно разрыть эти груды обломков. Кто и когда это сде
лает?

Следы и подвал, куда спрятались драгоценности и драгоценности.
Кто знает, что если бы всё это сложили сохранилось каменное
звучащими, всё сохранилось бы? Кто мог это предвидеть?

А драгоценности так сложены, как символы. Но это не они. Это
только стены сохранили их впамять и разрушаются при первом прикосне
вании. Сохранилась лишь каменная статуя негражданинского каменного.

Зачем она здесь?
Нужно и точно сделать, когда ступи среди этих разва
лин, которые огиб знакомы и которые больше не было убого.
Средние ученики ступеней, живших в одиночестве, не
гелю не помоги. Они срывали деревянные гелю отом

многие ходили без хлеба. И хлеб за прошлый день пропал. Позавтракав выдвинулись извне столовые. Очередь в них длиннейшая с раннего утра. Потом у входа начинается свалка. Больше сидят и нахалы идут на обед. Столовой обед дорого, но говорят, что в них не едят мясо. Плачу за них советскими деньгами.

Каждый день обходят село с радостью. Её нет или будет ещё очень мало. Работают только коммунальные предприятия. Говорят, что не успеют уже отремонтировать КРЭС и МЭУ, что скоро придут трамваи. Без них совсем плохо. Мы все странно чувствуем ситуацию, что огромные расстояния в почках радостно приходиться проходить пешком. А голодные паёк наш так мал, что многие уже встали из него. А ведь сегодня только двадцать второй день оккупации. Что же будет дальше?

Но Элену пошёл речной трамвай. Улицы снова оглашаются звуками радио. Оно заговорило для три толпу назад, заговорило по-немецки. Потом заиграла музыка и играет выдержанно с какими-то сообразными темпами. Музыка все что-то немецкая, однообразная, всё больше марши. И только раз мы услышали повсюду похвалу, которая была преподнесена нам как образец украинской музыки.

В домах радио не работает. Оно есть только на улицах. Услышим только по немецкому времени, не час позже, чем в Советском Союзе.

Каждый день обходят село с радостью. Её нет. Можно иногда увидеться на работу германцев. Но это большая редкость. Кто имеет знакомых, встречается при Шурдской управе. Там козлят, плавают зерно и дают хлеб. Вот так же работают единицы. Надежда на работу нет.

Никаких субсидий больше возмещать не дадут, их нет и не будет. Никаких государственных ассигнований, которые всегда получали все здания Советской власти. Предложения всем существовать на средства от самооткупаемости. Имения

62

и подчинялся распоряжениям и приказам немецкого командования.

Всё, что говорилось „шаровыми пистолетами“ (так теперь все называются), носило характер полной беспомощности. Вид выступавших представлял собой смесь жалости и смеха. Анкета была и честности добросовестности интеллигентность обанкротилась в совершенной степени под давлением. Во многих интеллигентных кругах ничего не осталось. И все равно это интеллигентство сводилось к роли, что все должно работать добросовестно, имели „в порядке выживания“. В 14ой комнате по адресу Шейкина, где помещался Наркомвнудел и интеллигент Академии, немец, занимая помещение, выдворил через окна прямо в прозвон все библиотеки интеллигентного, научного, издательского интеллигентного и замечательного библиотеки академика Кротова. Там же во дворе оказались расквашенные все материалы интеллигентства, картотеки, справочники, всё, что содержалось десятилетиями. Работники интеллигентства принадлежали в управление делами Академии за помощью, но им сказали, что сделать ничего нельзя. Им осталось только содержание уничтожения библиотек и материалов с земли двора. Все эти дни их можно было видеть через решётку задвора за этим забором.

Так точно немец получил и в помещении президентства Академии - в первом этаже в первом номере по Карлаеву. Там через окна лежали стволы со всеми патронами. И ничего уже не осталось от дел Академии.

А лучше всего немец „обработал“ нашу библиотеку. В ней помещался какой-то запас их вещей. Занятия были абсолютно все комнаты: и старинные издания с его чудесной медалью, и рукописные, и музыкальные, и научные искусства. Везде лежали матрацы, стволы кровати.

Маграть мучали на всех силах. Они развагонили всё в поездах немецких книг. А когда освободили помещице, в него невозможно было войти. Из Библиотеки сделали настоящую дворовую уборную. Сверху до низу она была залита салом невероятными образом. Там, где обогно мы работали, делаем выкладки, на площадках мезанин, в коридорах, во всех углах лежали кучи немецких экскрементов, всё было замешано, окислено.

Если бы мы не видели этого своими глазами, никогда не поверили бы, потому что наш народ, славянский и "свопнейше" народом нечувствительным, никогда не позволил бы себе ничего подобного в таком месте.

Работники библиотеки убрали её. Но работы нет. И все ходят боридай музыкально, когда это идуёт режиссёр.

Кемль назначили нового директора библиотеки. Это бывший работник отдела библиокооперации Полюх, который в советское время прежде занимался с работой за национализме. Он, как и те, кого мне пришлось видеть в Академии в роли какабоба, больше всего похож на демикула у нас, хотя все они режиссёры перестали быть "творителями", а стали "наками".

В Консерватории тоже новое начальство. Директором назначен Ивановский, толстый боковой человек. Получила консерватория помещение в новом здании Двнней 57-й школы. Вход в неё с ул. Гундухмеевской, как теперь называется ул. Ленина.

Помещение неплохое, но никакой Консерватории нет. Есть чудное место и масса чудесных студентств. Из чего делать Консерваторию? Решают собирать инструментальную ^{и кофь} цехав музыкальств, но некий Назененко, ^{который стал персона} уже определил их и собирает всю музыкальную литературу для новоиспеченного музыкального общества.

Судя по сообщениям газет и по россю, что у него всегда есть идея арктических, будущий музыкально-драматический театр скоро начнёт свою деятельность.

уже точно знаем, что кровь из Бабьего Яра течет и вытекает на расстояние километров от кладбища. И поднятие это продолжается и течет. И каждый день ведут все новых отрезанных на Лукьяновское кладбище, вели бег, позавчера, ведут сегодня, ведут, не прекращая, все дни с 29-го числа.

А немцы, покажавшие сюда с Запада, или поблизившие из каких-то частей, из сидевшие где-то двадцать три года Советской власти, вводят в школах закон божий и широкую крестную деию в "христианскую веру"! ~~Крест~~.
Крест сив!

Говорят, что венчают тельца будут только в церкви.
А мер тем со вчерашнего дня на колокольне Социального собрания с провозглашением в красном украинском знаменном появилось немецкое красное знамя со свастикой посередине. Это новое подтверждение новых слухов, которые ходят все чаще, что никакой "Самостоятельной советской державы" не будет. И что немцы "шандовым каналом" украинцам показали уже здоровой кухни.

И все менее видно, что пока наши вместе с германцами уходят все дальше на восток, здесь на оккупированной земле не наблюдается какой-то кризис, не на которую передали "шандовый канал", но не менее страшно.

Мн-раба, бесправные перни на нашей земле. Шакки нас согни иться. И что с нами будет? Кто скажет нам?

Все время перед глазами своей местности. Скарды и зьем все холоднее, а местика, как зеркала под открытым небом, почти без ^{мил и герман} еды. И так во всех местах: в Броварах, Гоголеве, Барниче, на Квросинской. После морозного снега, который лежит в субботу, земля в местах превратилась в ледяную корку. Лезь в эту корку невозможно. Услышав, носившие еду, говорят, что местике проводят пош на каминовках. И сидят вата прижимается друг к другу, и кажутся, что бы согреться. И все подтверждению после такого кагаша десетки народу остаются на земле.

А когда из германцев уже пришла, и все это уже слышали свидетели из запада.

17 октября 1941

Сегодня узнала, что 23 сентября во время отступления немцы
Твериаденин. Бедный случайный случай! Он не человек, страстный
показаний, почувствовал в нас горькую нашу ирацию. Он не знает
в то, что немцы могут занять Киев. Вместе с ним мы убеждаем
всех, что отступившие наши — только маневр. Тот же может и уехать
он от того, что Киев нами оставлен. Немцы стараются истребить
каждо мной одной. Кругом больше еще одного советского гражданина,
светлого свидетеля, верившего безоговорочно в наш успех.

У нас почти нет хлеба. Хлеба нет. Его в виде
дважды по две граммы на человека и уже больше недели ничего
не выдают. Изменили слух, что хлеб отправлен и по пути его не
дают населению. Но сами немцы всё время едят хлеб, очевидно
не боясь отравиться. Купить до сих пор ничего нельзя. Мала-
зна, все задрожало. А на базарах крестьяне пытаются продать уже
только на советские и другие вещи.

Сухая осень началась уже несколько дней назад. У Киева и там уже
будучи неделями нет никаких дождей и ни одного сухого. А есть
сильно, у каждого уже совсем ничего есть. И, главное, никаких
перспектив.

После завтрака слышу, как зашел Киев.

Сейчас всё относительно тихо из "безопасного" населения по-
тонуло в село Коняты кармачуку. Коняты где за реку, где
за полонину. Пошли и наши в Винники. Зюхи вниз по Днепру.
Мель, дядя Васильевича и жена. А я выжила. Делю много
слухов о том, что на дорогах небезопасно.

Об украинском правительстве больше не говорят. Газеты и слухи
утверждают, что наши расширяют на оккупацию войну в дель-
тажные недели. И тогда, говорят, предвостанем немецкие заводы вы-
дут из Киева. И что будет Украина немецкой провинцией с
немецким губернатором. Называют даже кандидатуру — немца
доктор Кох, который сейчас состоит в роли главы в городе

министра просвещения. Он вместе со своим помощником Дюроном ведаёт всеми делами науки и преподавательским Академическим именов с ним дело. Он хорошо знает русский язык, а отдаленный это язык, что он, оказывается, двинский помещик, имел ^{на} ~~на~~ каждого дом на Украине. Украинцами, то есть всеми нами, управляет непосредственно Горюшка, а уже его ведаёт это "внеское начальство".

Горюшка - учреждение, производящее самое удручающее впечатление. В помещении бывшего Коллежиза на Бухарьской Шевченко №18, с выдвинутыми стульями "на ходу", без егоров и ступеней, полке нами "управители" решают "государственные" дела. Существуют в Управе судья просвещения, здравств, искусства, пропатавда, торговли, гимнасий, приличествий, социального обеспечения и другие.

Мне приходится там бывать из-за магазина, кажутся зловещи, как и все прочие, но при каждом я зиселюв. Гитодь его охрону надо получить разрешение. Торговой судья Управы всегоско поощряет откупные всякого рода ~~подготовки~~ государственной торговле. Поощряет пока только абстрактно. Ни о каких "государственных" торговых предприятиях ~~никаких~~ ^{никаких} разговоров нет. Академическим магазином не интересуется, но не указываете его нет. Мне приказано получить на него разрешение, но это совсем не так просто. В магазине остались преимущественно советские книги, научные подати Академии и русская литература, которая вся вместе "новыми хозяевами" осуждена на сожжение.

"Должность" моя при магазине заключается в том, что раз в несколько дней я забиваю, как могу, сложенные стивки в окна со двора, а через день или два их свата ~~вплываю~~ ^{вплываю} неизвестные похищители книг и до конца расписывают классическую литературу. Уже на полках остались почти исключительно сочинения "Педологического"

этнологах "Богомолова", "Гейдуй" "Україні" и много других трудов результатов исследований Академии.

На улицах можно увидеть объявления ^{тогда, но здесь} ~~какого рода~~ о том, что "здесь ищется украинская" или "малазия суринских вещей", но где еще много не открыто и много не продается.

Разговоры немцев, которые они в первые дни призывали свои графские земли, сейчас прошли бы за океан для детей младшего возраста. Теперь они не могут говорить, что нас погубил "освободитель" от всякой культуры, от всего самого необходимого, от всего того, что у нас было. Уже сейчас ходят слухи, неужели, что надо задумываться о нравах, и что немцев больше всего земли нашей земля.

Мы ничего не знаем и не знаем об их так называемой "идеи". Но то, что слышишь от "низшей расы", как уже неоднократно известно. И уже конечно, если эти слышат по ним в качестве рабов, чернорабочих с ними они не будут. Во всем вынуждено население уехать "земельного благоденствия" и в тех местах.

Неужели, наша дилемма не может быть радужной, пока немцы не выдержат из нее все, что им понравится. Сейчас группа их выдвигает иммиграцию для отправки в Германию.

Поскольку на то, что кто национализм и беззастенчиво перед немцами, и кто их немцы и вознесем над русскими, покажем и продлим, ^{наряды} ~~наряды~~, но ^{обещанной} ~~обещанной~~ или "Самостоятельной и свободной" много не получится. Иначе почему так тихо сидит "Українська національна рада"? Завтра о себе она заявила. Но крайней мере вписка с тризубом на 55 номере ^{по Королевке в место} ~~на~~ Академии появилась. Это для нее, для этой самой "Рады" выкинули Академию в 37-ом номере. Потом "Рада" выкинули немцы, выкинули без всякого к ней погони. Предлагается она в 37-ом номере, а Академия в 44-й по Владимирской улице. И больше ничего о ней

руководства." В их руках сейчас все дела переги, полиграфиче-
 клубов, паразитных посодни и прочего. Необходимо сразу же
 упрощения - это все они "сотираются" деньги, всем этим
 "сотираются" замешаются и заправляют.

Стока же сидели "наши-пронаталицист", как и в других об-
 щинах Упрата в пустых, отодраных комнатах, без столов
 и без стульев, с парижскими табуретами на стенах, с прокла-
 мациями каменными словами. И всё вместе это кажется
 земным и несуществующим, а словно слышишь все и видишь
 добрый коммюнистиче-сон.

Бывает же такое, что слышишь какой-то пошурман и
 тихий сон, когда не можешь ни перевести, ни закри-
 чать, ни сбросить его с себя. Шан вам тут передать или
 передать нашего пенициллинового состояния надо предва-
 рить себе такой интрузивный, габитный сон.

Никакого развлечения на магазин не. Кажется еще прихо-
 дить сюда. Со мною они кроме всего прочего не ~~хорошо~~ ^{заставят} разо-
 вливаются, потому что то слово идиотско по-русски. Желено, но
 не могу заставить себя привлекать к ним. И
 сегодня надгробник ораи на меня:

* - * Не следите разговорами московского ледого! "

Основной жеи вези упрата на временно в временное помеще-
 ние Консерватории Губинской ^{или} Розеншуда. Зё нужно было
 унести итайком и немедленно, потому что слышали
 узнали что на неё посылает дубового союза коммюнистов
 Казененко и тут себе много помощник голова упрата
 Оглодники - Балазний. Знал, что Губинскому сотираются
 задраить сегодня, в воскресенье, и вези в воскресенье
 на руках за несколько часов перенесли её.

Итак же чувство не оставило нас во время переноски. Звучала
 разрушение, опускание, осаживание, как вези, как вези.
 Итолько мы еще и еще нас порадовали, что козев квартирь
 не оказался здесь. Иначе погибли бы вместе с гессидками идя
 в Бадкем яру на Мухомовском кладбище.

Библиотеки захваченные собираем urgently, в urgentной надежде
сохранить их до возвращения наших.

Уже несколько дней ходить можно только до моря к себе
вередь. Это очень неудобно, потому что ничего нельзя
уехать. Приходим домой уставшие и совершенно работоре
неработоспособны. Мы не обманываем себе иллюзий, что делаем
нужное для наших. Но надежда вовсе бесполезна, потому
что тогда не будет никакой возможности бороться с врагами.

Сегодня появился новый злобный приказ: все управленцы
должны сообщать в течение двадцати четырех часов, имеют
ли в их домах члены партии, работники НКВД и евреи.
Позже приказ новым командиром полиции, уже с украин-
ской фамилией "Врик".

21 октября 1941

Вернулись вдребезги и Любовь Васильевна и своих путешествий
за картонкой. Сидели сразу по дороге, а ты с бойцами
осмотрели наши пакеты в вышках 18 штук картонки.
Копать там не удалось. Но забавляет очень. И можешь вы-
браться, что картонка пропадет, а нам черт знает. Крестовые
за доставку отсюда хотя бы двадцать штук, её же есть всего
восемнадцать. Ну как выйдешь из траншеи.
Китай наши путешественники больше не могут. Они расклевали
ноги в раи.

Ходу и в пути. Всё равно от магазина идти не будет. Возле
сидеть ломом сорвали сиденья, два дня назад задние лопы. И
сидеть грабли кисти. И, кроме того, кто-то замочил на
этой магазин договор с Угравой и повесил на веревках думарку,
что магазин завет по адресу.

В Уграве видела новую газету "Литературна і мистецтво"
приложение к "Українському слову". 19 октября вышла её
первый номер. Это газета - никогда, без редакции, редак-
тора и места издания. В ней неизвестные авторы и пошлые
стихи. В конце статьи сообщается о возникающих худо-
жественных организациях и их руководстве.

Консерватизм, продолжаясь содранием разграбленного Диблю-
теки. Выяснилось, что бывшее содрание ирритиру Каа
перигидна воброем неувосно куда. В зругих месгах
в таком же роде. Все парвао, ратронгано, умигочео.

Всгда снова вонскиваем по квартирам евреев. Задрами
несколько украинских семейств за то, что кричали их.
Идет их иеишь украинская полиция.

22 октябръ 1941г.

До ввграницей газетие - взятъ Малаурог, "радиитъ наише воселив
армии Милломенко" и, как в тех же содрочеших, "немецкие
онграсии илаиво проточеи мержу Дочом и Азубским мерже".

Всгда дна, словно специально диким контрастом, гудес-
ная осенняя погода. Город весь в золотых листьях, каюорке
чешпани умишь и сады. Посмотррив на людей на улицах,
влицие как будто нитго не изменилось за эти гудеи месгца.
Моменгалии качерев, что многие люди задли, что где-то
вонка. И люди, как будто те же ходит, что и раньше ходили.
Но это все адман. И люди не ие, и город не рог, и земля
не иа, и жизни нет, а все то тержебви сдраниитъ сои, каюоритъ
голурен или в окоуиет, но не кончаеся.

Всгда получила разрешение на переугеи малазгича. По-
весили объявление на двух языках - украинском и немецком,
как теиерь по малазгича. Погум вгребале итам дурде сгекле
и пргваише книги. А к гверем все время подходеи каише
то президент на малазгича.

Бибмогска, ^{Академи} конгдас теиерь получила

Бибмогска, конгдас теиерь уже не Бибмогска Академии,
а Национальная Бибмогска, получила мандаи на конгис-
кацию книг из малазгича. Я уиэно сопротивляюся вави-
ногку всеи эти пологаревбуван, а конгидет, очевидно теиць
зем конгдасев уже некогдике "украинские гема-неиць
конгисенцюг и все". И содраниитъ малазгича в месге с соуклиге-
раиигрой до вгвбрауемюг наише вродим огев соиигскаго.
гидеи удамос.

Предупредили, что с 25-го октября украинская полиция начнет подальше отходить, чтобы с целью отпугивания друзей. Мы в урассе. Как-то дойдешь градежей. Мы же дойдешь за тех, кого считаем.

Кхеба нег. Многие уже начинают пухнуть. На Сидольницкую божеск итти. Там уже давно голод, а нести нечего. Оля распухла. Температура у нее 39°. Очевидно, много чирит. Что будет с ребёнком? Он тоже уже голодает.

Купить пофурцескому ничего нельзя. Обмен доходит невероятных размеров. За палево можно получить только несколько картошек.

Сегодня очередное страшное объявление. Сгрозмирррррррррррр оно так:

«Как репрессивные меры против саботажера, сегодня расстреляно сто граждан города Киева. Это предупреждение. За каждый акт саботажа отвечает каждый гражданин». Зага под объявлением 22 октября. Возникли нег.

Что означают это объявление? О каком саботаже идет речь? Какие сто киевляне расстреляны? Никто ничего не знает, страна всевозможные предположения. В Киеве уж мало радных и радийальных, что врозь им здесь дело в саботаже. Если это разговор о какой-то прольшестежи, то ее не водить. Она вывезена нашими или взорвана.

Вывоз делаем один - возможно начинают действовать партизаны или подпольщики. Если так, то легче сделать на думе и появиться какая-то надежда. Но может быть мы ошибаемся? А что расстреляных? Кто они?

23 октября 1941

Кемь, которая живёт над нами, в бывшей художественной школе, развлекается сиделкой в садок. Они утром уже слышно нашу дворовую собачку Жулика и много других. Одна из щипов нашего дома ходила к ним специально просить, чтобы не убивали её маленькую коммандировку собачку Казку. Они пообещали, а на следующий день убили. «Она разводит блох» - заявили они хозяйке, которая пошла к ним объясниться.

А когда она когдеша зертнул Норку в саду, немцы сдержали по ней. Кресельные уже тогда начинаюг зувсидованьд приеудиситвие немцев. В газетах приказ о едаре еолоока. Казня в птри раза болвше, чем при Советской власти.

Этеев все безудн без конца. Люди проеудт их, но немцы их ^{проеудт и закрывают} ~~проеудт и закрывают~~. И го сих наг ситчина сдержанба в Бабелм еру.

27 октября 1941

25-го вечером по радио немцы объявили, что взяли Курск. Болв иудн в 60 километрах от Москвы. Ленинград ужно держатся. Ураеено сознание, что такие замечательные русские еода в итакой опасности. В украинской газете сообщают, что екодъ еудраней от командования Водоминлов, что еменее и Тимощенко, а отгорожа Москва поруена Трукову. И ееще, что кроме Курска взяли ееще крупный железнодоудоческий еендр - Белгород.

По городу везде висели плакаты о том, что гит "ееекого населения" (шан ить теенерь называлася). Война уже окончена, а что Красная Армия уже победила. Не рано ли еадомить ^{ее} немцы? Почему же, если они так сильны, не могут взять Ленинград и Москву? И не евидеельнее ли гит все еудливалошавая пропаганда о том, что наши еодираюг еиль, а немцы еадъ-касаюг? И кто знает, бить может иот удар, еодрунн заса-вий немцев ^{еудановитъ ея} ~~еудановитъ ея~~ и покаудит еад, бить может зрнн удар уже недалеко.

Но нам трудно, ах как трудно что-либо предугадаб. Водруг внешне еерестур епокойно. Никто над нами не еадает, никто не едретает, никто нас не бомбит. Но лучше бн еомиди, за бнм ить е кашиши.

Еели уже поудотованьд на какое-то мгидвение адееудраеироваб ея от зувсита еитгаднич, ит одиудудиваюг, что еензав идет, идет, и еудадтвает в како-то ринки, гит кого приеимеите, гит кого нег.

Занимать все еашке дни и все огенб еудилог. Кто не иеимеет радидиолоном, занимаюг ^{рочесали} ~~еудановитъ ея~~ ииграше.

Шамбьина целый день, с утра до позднего вечера, варит еду. Пожолу это варийся идиотско похлебка, хлеба нег. И веригет всё на щенках, краденых с острайков каких-то задороб. Варийся всё в комнатах, и едкий дым и духага разддаёт глаза и мозги. Думия нечем кушить. Оно, бедное, точе вседе может ести и неает.

Лёля всё демаёт попытки годит еду. Везде несколько часов сидела в очереди за хлебом. Увы, это никому не поможает. В магазинах продаются только соль и макага.

Нюся и Гапка уже по-настоящему голодают. Нюся всегда ходила в Вийну за Пирогово мениид. Она дасиро сходила, и вернула в вера уже и принесла на себе боистие пуда картошки и кусок кислого крестьянского хлеба.

Пирогово сожжено. Там всемиреселит проценитов села сжжено, а в острайковом нег идиотской целой хагь. Всё разбито и разрушено. У них нечего мениид. И только где-то в Вийне Нюсе удалось вынести действительно пудку на картошку. Похлебка себе кони. Везде одуби ни у кого не нас нег. А у Лёли после похода в Вийнеиски на ногах рокизное воспаление.

Гр. Верега

Сегодня снота ходила за очередь на магазин в Ушилоуграва. Она в четвёртний раз переехала с Андреевского сучка на Оберважскую, оттуда на Новонавловскую, а теперь уже на Ушилоуграва. Уже входит в неё без пропусков, поэтому там очередь и давня как за хлебом. Хагь было объявлено, что преулачена вьгадеа одубов на какие-то квадратки, их всё равно вьгают (в Киеве много пустых квартир).

Председатель Ушилоуграва снота потон. Церковные дела делаются без очереди и священники идут безупределительно раньше всех.

На стенах висит объявление о создании левой кооперации. Пишется, что паищики получают в первую очередь, держатся и работу по специальности (!).

Всемутирешонтий взнос 30руб. и 30руб. наелвах

Потом снота мне пришло письмо свидетелем страшного

Зрелища. Слово или евреи. Они двигались ускоренно мед-
ленно. Шли молчаливо двигаясь по той же теме.

Посередине режиссёра человека несли на одежде молодого
женщины, с тупым, оцепенённым выражением лица.
Её безразличное тело таяло отвисало в одежде. Оно пока-
зывалось ей ходить, а жёсткие волосы распрямлены и
вспылились над одеждой. За нею двое несли девушку без
ног. Потом шли мужчины, сиделки, зрели.

Сюрреальная картина. Такое выражение лица мне пришлось ви-
деть в действительности у распухших, умирающих от голода людей.
Как тени или они медленно, с изнеженным выражением блед-
ных, бескровных лиц. Многие из них потупили глаза, а неко-
торые смотрели куда-то, поверх тех, кто сидит на подгузниках
в депогалии.

Что думали они, идя в это суровое погребальное
место на Мухомовскую Запозу?

Их глаза сияют передо мною. И всегда уже гудит стенов,
как навсегда в осипшем в ушах гудит звук полицейского:

— Не останавливайтесь, не смотрите!"

А мы продолжали жить.

Ушли из Вяземск Лидовы Васильевна и Надежда Васильевна.
Они даром ходили. Карточки все выкопаны, больше нечего
копано. Но, что они с Лёлей накопили в прошлый раз,
все украл. Карточки не. Такое наше интеллигентское
счастье. Голод.

Одна есть радость у нас. Намасв Насина семья. Сидели
незаметно прошле около ^{шестьсот} ~~шестьсот~~ километров - ой тамеца
до Подгавичин. Шли нации своих, но вместе с ними застри-
ли в отлучении в семье новой Иракеев.

Везде приехал Кезинор на двух лошадях. Приез это из-
везде и немого продужить. Такая радость! Пока Кезинор
здесь и с лошадью, можно будет перебраться Носе и Ганке
в новую квартиру. Они одни сейчас остались в доме, потому что
92.

он совсем развалился и естественную гробницу отвалили. Но через несколько дней. В городе масса пустых квартир, а урядов просидеть смертный папуриш невозможен.

Керингу оставалось в Киеве невеста. В их дворе знала, что он там партизан. Также же он здесь, они не смогли уйти из-за него и из-за лошадей. Караулы, конечно не задрали и не убили.

Не знаю, остались ли в городе еще голуби.

24го дня ввечер приказ об уничтожении всех голубей в Киеве и его окрестностях. Действительно боялись немцев погубить связь с нами.

28 октября, вторник. 5 ч. утра

Тину и боев писат. Уже неделю мы жили в ужасном напряжении. 20го числа под вечер услышали мы под одним знакомый голос. Меня задрожало от ужаса. Пришел, бегая из плена Миша Б. Ему тоже не удалось вырваться из Киева. Еще 18го числа он сильно поперечисел, как сидел весь август и половину сентября на гасах казачьими своей гасеи возле 13^{ей} школы. В 3 часа 18го числа их гасеи двинулись из Киева, все по той же дороге на Борщев, и все попали в плен. Их гнали в Украинку, Миша свалился в канаву, сверху прошли немцы и немцы, думая, что он убит. И он умер. Пришел в город.

не своим

Установивший в плену, что он еврей. Он не похож. Предлагал он у каких-то своих знакомых. Адрес мы знаем. Вот к ним можно только по идюлю. Пришел он в восточной стороне озера, без всяких документов.

Все эти дни мы коллективно изобретали ему одесду и документы. Дома у меня не знает, что он еврей, иначе ведь уже умерла бы от страха, принимая во внимание всяких подследов в нашем гасеи. Во время его приходов и во мне всё холодеет от мысли, что его кто-нибудь может узнать. Сказала, что он русский, бежавший из плена.

Уже его кое-как переложили в штабское. Утром. Он ослеп маленько. Я подписала граммулю в документе Красного мурца от окончания гасеи гасеи школы. Но Миша добился соединиться в граммулю. Слага-

ла он просит документ на чужую фамилию, чтобы вписать
на свое. Это делается с ним, у нас не приложим.

Люди, у кого он живёт, волнуются. Правда, у них никакой
защиты, что никто не видит входящих и выходящих. А Алёша
сидит в тёмной комнате, и хуже всего то, что всё время
хочет ходить по городу. Ни у нас, ни у Нюси его держат в плену.
Всё с ним как на виду, и, главное, много подлецов вокруг. Их
мы уже определили по указаниям Виссариониды перед началом.

Хотят отправить его к знакомому священнику в Умань и
получить, ~~в~~ ^в ~~задания~~ задним числом, справку о крещении.

А пока все в шарахе, чтобы его не узнали и чтобы не было
облавы, в карофу он может походить.

31 октября, вторник

Когда мы ~~снова~~ ^{снова} выйдем из деревни. Хотим купить картошку.

28го числа, пошли мы в Мрыги, купили за Внатой Митовской. Было
у меня туда дело. Кому-то нужно было ехать за своим куда-
нибудь. И мы пошли. Купить картошку по компанью. И найти
товарища одного. Возьми, что могли на отмен и пошли.

Шесть нас было: Кегинор, Манка с мажорью, Сийёна-человек
нашего дома, Маня и я. У Сийёны двое совсем голодных детей
дома остались.

Погода была чудесная. Греет солнце, небо светлое, безоблачное,
прозрачное, как бывает только осенью. И идти было легко.
Вещи сложили на воз.

На Замшевке (по нашему Сийалинке) не видно особых следов
разрушения. Давшаяся Куцаевская земля совсем, и до самого вы-
хода из города не видно, что была война. Но там раньше огорода,
там больше следов войны.

Вокруг дороги выложены разбитые бумажки от газет, подвальные
провода, разбитые ваворогетские и лесградские ситоны. В горах,
что спускается к Мышеловке, вырыты глубокие ямы - в них
прятались жители во время боёв. Мышеловка не город, но много
домов в ней разбито, особенно со стороны Митрова. Там есть
дома, заборы изрешечены пулями, как уредные митоны. Рядом

сидеть, кресты. Лес, садь разбит. Как острый иганский ножом
срезают деревья и толкают их бесчисленные безмятежные символы,
как аминутированные руки калек. Многие деревья сиюминутны
и лежат на земле. Никто ничего не убирает.

На дороге никак не убирают все следы боёв. Валуны отранжирки
бесчисленные невинные невинные патроны, полные пулемётных снарядов,
отрывки военной одежды.

И чем дальше от города, тем больше остаются следов полуразру-
шенного смертельного боя.

Казебаго остаётся в стороне от дороги на берегу. Издали до-
келья ~~рабочие, целые и доминирующие~~ ~~и на пологом берегу не видно ничего, кроме~~
~~небольшого каменного здания~~, ^{на берегу} и на пологом берегу не видно ничего, кроме
мелкого ~~каменного~~ ^{каменного} здания. И лес у Казебаго, там, где проходит
дорога, сидит, красивый, осенний. В нём сырые, идиотские дубы в
подъязычных местах стоят неподвижно. И с дороги не видно,
что оставила в нём война, кроме огороженных погребов и
маленьких берёз много палочек. А их настигла ~~шестнадцатая~~ ~~го~~
Взять. Все они с аккуратными ~~восточными~~ ~~красками~~, с ка-
чеством. И на каждой лезет каша.

Вокруг дороги к Виле вся земля изрыта ямами. Они кажутся
могилами, приготовленными и неразрывными кезарскими. Но
это примитивные окопы, в которых сражались за Киев и
сидели на смерть наши бойцы.

Бесчисленные зелёными кородками от шин и чёлками ярко-
красными мшиками усеяна вся земля вокруг. Неубраные
трупы лошадей, озабоченные собаки и чужие злобные раз-
носцы от них. Трупов людей не видно. Только в одном месте
виден ~~на~~ ~~под~~ ~~земли~~ ~~куча~~ ~~много~~ ~~застывшего~~ ~~землей~~ ~~теловика~~.
И снова бесчисленные отрывки одежды, пулемётная снадь, гаго
непронятая. Снова снаряды, мины, патроны, навшие лошади.

По дороге в воде сидят движущиеся люди. Изучив в Киев иду
теперь мешки с картошкой и другими продуктами. От Киева
несут всё, что угодно. Тут можно увидеть баб и вёз, рабы
и сидеть, подушки и зеркала. На возах, едущих от Киева,
вряд ли можно увидеть даже отбавленную земной комманду, и
горько звучат Шапши слова:

— Осуществляется непосредственная связь города с селом.

Голодный год и лётежи с похитками на обмен. У всех годовая
испытание от непривычной коды и тяжёлой ночи лица.

И над всем этим ясное осеннее небо, совершенно безразличное
ко всему, что происходит на отдалённой нашей земле. И как
каждое ласковым тёплым, осеннее небо, всё равно ^{одежь} голодно ^{наши} ~~наши~~

И золотой осенний лес возмущ. И голоса птиц звонко перекликаются
в нём, словно не было и нег воздуха, словно не лежал воздух едва
притыканные землёй тела наших солдат, мажор, и сёстры, и
женить каждого ждут их домой и никогда уже не увидят.

Война неслышимо сворела. Вместо как тамгали отгоревшие
остатки негет, и люди копошатся в отгоревших осадках, копаются
они не могут оставить, поэтому что здесь их дом, каждого нег,
их добро, каждое слово, но есть их земля, их Родина.

За Войною до Мрыгов тлеет лес. Он весь подгнил сгнивал,
и деревья, как дуреман, колени, болванки и мажоры. И снова
весь лес изрыт окопами-котлованами. И только маленькие
землянки, с аккуратными стопами и скамейками
возле них, сдвигаются контрастом вглубь на фоне бесно-
рядных осадков зимних боев. В одном месте огром-
ная груда сарая, вглубь в гору, осадки скрывают
и лучший до сих пор. А лес весь усеян горами и бесис-
сленными минами.

До Мрыгов добрались к вечеру часа. А вышли из леса и
не узнали Мрыгов. От фунда осадки лишь оторванные колонки
негет и одна хага, с каждой негет сзади кривую для своих
близнецов. В этой хаге в горах и тесноте живут оставшиеся
жители хутора. Живут, словно под андушным небом, поэтому
что когда идёт дождь, вода ивёдет в хагу ^{и вьёт} ~~и вьёт~~
на людей, на жалкие осадки их пощипок.

Люди теперь всё больше молчат. Они смотрят на нас,
неуверенных, непрощенных гостей, и ничего не отвечают на наши
вопросы. Наконец кто-то сказал, где искать нужного мне
землевека. Он ушёл в село Пидгырицы. И показали нам поле,
где может быть можно искать картошку. Мы пошли туда.

Туманная возмущ. Редкий лес, в который странно войти. И лишь
птица порой звонко и тихо. А весь осен уже.

Мы ничего не нашли на поле. Нужно было добираться в Пидгырицы,
другого выхода не было.

Пидгырицы.

Кешипор захотел возить сено и гриппом был под везер забрал нас назад в Нидирце. Мы остались на поле одни.

Облачное небо не даёт картошке по-настоящему ^{Уребеши, уре-} беши пускаться в рост - и нет урожая. За-то какое счастье, если вдруг обнаруживается картошка, конечно, после долгих поисков.

Было холодно, мушкетерно хотелось есть.

Квадрат описывал ~~запах~~, описывал, что временами свывался мокрый снег. С трудом развели огонь. Он тлеет и угасает всё время. Если полускрою картошку и был ей бесконечно рад. К концу дня кости разламывались от усталости, но на дне наших мешков было по несколько килограммов картошки.

Воздух стоял тяжёлым тишиной. Ни один звук не нарушал её. Умолкли певчие вьсы и грачи. Серое небо, мерцающий молчаливый лес, изрытое чёрное, брошенное всеми поле.

Трудно сказать, какой был час, смеркалось уже, когда почувствовали мы с нашими мешками назад к поезду. Когда уже давно должны были приехать, но его всё не было.

У самого съезда к воде на описываемом месте стоял дом. Конечно, по рассказам есенин, сидевших сейчас в нём, там жил не го лесник, не го охотник. Сейчас здесь свободно шумел в нём. Сидящий, двери не было. Не было и газы кутьи. В овчине двояе, у самого входа в дом лежал вздутый туши лошади. И мухи, хав их и не дожидаясь уже быть в эту пору, полусонитке облепили его. Смерд от трупа наполнил всё воздух.

Люди сидели в доме и болтали всего малыми. Кто-то расложил ковер на полу, в той комнате, что выходила окнами на воду. Каждый удаля возможности подраивал всего.

Здесь были крестьяне Нидирцев и Мратов. Изредка появлялись возы. Тогда с руганью и криком их прерывном драли те, кто посильнее, и они одни за другими уезжали по воде.

Было уже совсем темно. Видно было лишь как возы спускались с крутого берега, а главные всё погружались в темноту. И только некоторое время теск возы под ногами лошадей и колёсами возов разрывал тишину.

Снег, который днём шёл иногда, теперь пошёл мокрый и грязный. Завыл ветер. Он был в труде разрушенного, ^{дома, словно} ~~разрушенного~~

сидарамель ушли от тоску смугаиных его пожелавцев. Лес, ко-
торый с одной стороны близко подходит к доли, тоже зашуршал.
Люди молчали, подрастая в косяк осажки каких-то дере-
вчатых гасей дома. Потом кто-то залез на оверхья,
когда же по слухам прыгнул в лесах и пошул прийти на
огонь.

Потом из тьмы вынырнул какой-то незнакомого воз. Он
забрал последние наших смугаинов и ушел со всем лесом
в воде и темноте. Когинада всё же было, мы остались одни.

Когинада была, ну что было идти ломать ещё какой-
то кусок дома. Никому не хотелось идти. Казалось, не
труп лошади лежал за дверью, а пришла какая-то
страшная, и все об этом думали, хотя не говорили. И никто
не хотел идти. И никто не знал, что нам делать. Куда деваться
в эту мрачную ночь, в этом заброшенном неизвестном месте.
Здесь же сидели мы у костра, вокруг каждого веревка
всем кругом и встали похуже колодыть умовь сна, а за пре-
делами света была абсолютная темнота, злобная и страшная.

Пришлось ^{уже} идти искать помощи. Мешки и сумки, а там
никакого нет. Во убои, где у порога лежал лошадиный труп,
не пошла, ^{но боялась} ~~сидраха~~ ~~когда бы не было сидраха~~. Коса
урача. Уже оставались только угли. Они ещё тлеют. Через
несколько минут они должны были погаснуть совсем.

Что было делать? Ночь и страх, потому что вокруг леса,
в колючих незарытых шуршах. Сидрах с колючими не шуршах соз-
наше, но ~~а колючий~~ ^{по подорожью} ~~негем~~ ~~идеальность~~. И ещё потому, что много
разных людей продан сидрахе по лесам и дорогам. И хотелось
лезть в половец мыши одна сидраха группа.

Мы решили идти в долину Мрочи и там переждать ночь,
хоть возле той единственной хаты, в которой жились остав-
шиеся жадники, или.

В абсолютной темноте можно сбивая с дороги. Но к счастью
она разбита колёсами возов, и твёрдые края рывки под
ногами указывают куда идти.

Сидраха бесконечно тосковал вьюна, а лес шумел от холодного
ветра.
Когда мы пришли к хате, в ней было темно и совершенно
тихо.
Сначала мы думали сесть возле неё и не будить людей. Но какой
происходил ~~казалось~~ ~~насквозь~~. Вспомнить так долго ночь было
99.

20
Нам нельзя говорить о том, что мы гудим. Не могу
и не время. Да и не рассказываю об этом никакими сло-
вами.

Новостей у нас каждый день. Например, новый магазин
"Церковного снабжения". В нём иконы и ризы, и прогали
церковная утварь. Продаётся ^{она} ~~та~~ утварь, где раньше был
воспитан коллектор. По улицам ходят ошкоряченные
священники в длинных рясах. Конечно, где и когда усели
как ахорнитесь. Везде мы вседержим молодёжь, которая
бежала вешаться в церковь. Невежа в газе и в гимназии
каждо. Они вызывают всеобщее внимание.

И ещё новости. Мы в поисках квартиры для Юсы поехали
к хозяину большого мещинского дома. Оказалось,
возвращаясь уже такую крупную собственность. Сидит
один хозяин в специальном кресле, и за то, чтобы посе-
лится в его доме всего только требуется пять
рублей. Только за право поселиться. Можем ли кри-
кнуть к новым условиям жизни?

Деньги начинаю идти в ход. За огромные, правда, деньги
но уже много можно купить на базаре. Народ продаёт вещи
и покупает минимум необходимых продуктов. На базарах
многолюдно.

5 ноября 1941 г.

Без конца новости. И извне и изнутри. В немецких газе-
тах сообщение о взятии немцами Смижского, а порадо-
вья сообщают, что взяли Гродно и Керчь. Но мы знаем,
что хотя страшно бомбят Ленинград и Москву, они держатся.
Ворши Лава. Никто точно не знает, что там сейчас.
И слова очередной приказ Гейсгарда: слова о расстреле.

Началась срочная насмортизация населения. Заполнены
огромные анкетны с вопросами о происхождении, вероиспове-
дании, работе в партийных и секторных органах Совет-
ских учреждений, о получении наград и о регрессиях,
с перемещением всех мест работы при советской власти.
На анкете должно быть напечатано слово "ура" украинцев.
По сегодняшней газете - сдана Куре. Бомбей Москва и Сева-
стополь, Керчь и Ялты. Затем уже бомбей в Керчь, если её уже
заметьте немцы?

биологич. гербей.

Сегодня камуш Октябрьских праздников. Наверно там, где
~~уже~~ Советский Союз, завтра будут демонстрации. А мы, разв-
ко науживку собираемся вместе. Камуш идет в эти дни
применяя "диверсионных агентов". В Чиркове сегодня работали
до половины гербейного. Все эти дни по улицам распе-
шались ходить только до гербейных газет. Камуш
боялся.

Взрывом в лавре уничтожены сварочный аппарат и арка-
текурь - Украинский союз. Воздухали его немцы. Отвечая
тем, что яков под ними были мины, и они не могли их
разминировать. Нет больше заморозочного оборудования
сварочных заводов. Так разрушена еще одна достопримеч-
ательность Киева.

Арестован известный киевский старожил, врач-медик
Сичаевский. Он работает в лаврской больнице. Надлежит
слухи о том, что рассудили отлобик. Но поводу расме-
на воззвание Багача к украинскому народу. В нем он
возвещает "конца большевизма" и предлагает не верить
тем, кто пролив украинские националисты. Подписано

возвращение не голового управления, а "головного города Киева".

7 ноября 1941 г.

Никто не знает о Союзе. День прощанья. Было тихо, словно всё замерло. А вверху было несколько взрывов. Менее всего жалко и думаешь о том, что завтра света рассиренного сойти людей. Газетный цензурно утвердил о голоде в Ленинграде. Но наши не сдадут Москву и Ленинград. И как ни гудело нам, а всё никак - ура! Везде Гитлер задвинул на весь мир, что 7-го ноября возьмёт Москву. Кого-то верит, что там сидит парад наших войск и народа. Слышали, что Киев задан о войне. Как и сфарьх приличных латинских инициал лагерь французского одессы, как клеветы на нашу инициал жизнь на какой-то сфарьх, обвешивающий лад, которого мы не знаем. Что лучше в основе нашего переживания страданий? "Гитлеровские славяки, как клонов" - лозунг кубанского гитлера. Инициалы немцев идут каких-то белы, украинцы-новички Украина "самосудияну". Мб-отправки в Бабий Яр. Там уже не только евреи. Инициал-места расстрела.

Город попрежнему на осадном положении. Магазины нет, хотя сейчас уже многое можно купить за деньги. На базарах, в колхозных магазинах продаются вещи. Можно купить всё это угодно. Цены огромные. Они измеряются ценами на продукты. Но всё равно мы на этой стороне. Но сейчас сидим много надо бы сказать. Да и скажем.

8 ноября 1941 г., суббота

Оказавшаяся взорвана военной дом на углу Козловского и Срефенской, где был военный магазин. Идут ещё взрывы и, говорят, что в связи с этим все инициал к 15-му введут

из Киева.

Всех сейчас больше всего занимают базарь и цены, потому что голод уже приблизился к нам. На улицах слышно и на базарах цены поднимаются раскладки и всякой гребенки. А на самых центральных улицах в лотках продают бурбарты расквашенные ошпаренные с густыми целлюлозными грибо-кожицами. Мы там много раз освободились от безвкусных. Менее она влезает из всех улиц. А немцы падают на нее. Возле лотков стоит всегда толпа.

Кресельные уже можно не менять. Да и нечего, очевидно, и не менять. Немцы всё больше приносят кресел. Раньше они забирали только яйца и сыр. Менее забирают муку и картошку.

Мы приехали из ^{предприятия} ~~предприятия~~ иценничу в зерне, в маленькую яму, и мели её на каменной мельнице. С трудом за бег сматываем на катушки. А лён совсем живёт впроголодь, отказывается в нашу пользу. И всё мы всё ещё из-за этого всегда с чувством голода.

А ведь нам ещё совсем немного, потому что три раза в день варится нечто вроде похлёбки. Лён продаётся уже довольно дорого своих вещей. Нам с Машей нечего продавать. Это будет дальше, уже брёт. Но нам приходится менять, потому что это воздух уже много распухших ~~из-за голода~~ голодных. Тогда на них ^{не можешь есть,} кусок отбивается в гоним. А помочь нечего. И ждем о голоде вписывать все оставшиеся. И ещё страшно, что голод лишает нас человеческого облика. Какое дело, это за паренку похлёбки, за кусок хлеба гоним отдаёт всё.

На глазах бледнеют лица окружающих. В уличных срабатках невозможно есть, потому что это горькие глаза окружающих очереди, качают спицами тех, кто ест. И счастливые

таких огней мало. И если они не даи, как обычно, а если сидят, емоются низко над деревьями. Показов больше, чтобы скорее уйти. Силовых мало. Они одна за другой зацвывают. И если они робко при немощах, так называются, утробе души. Оказываются это грани хлеба - это огромная порция. Последний хлеб дали 30-го числа по гвеси грани. Обещали и того, но не дали. А теперь пока ведущих воровать его, иведные, не дадут совсем.

Боже мой, о гём ницу я в праздник Вифлеме! Сидно и страшно.

10 января

Вифлеме праздник прошёл. Уже сегодня гднго да можно было ходить по базам.

По радио ~~и~~ сегодня передавали, что немцами захвачена Аба. Кто-то сидит ирисе смухи о том, что война находится в стадии ликвидации. Наши оставили Донбасс. Это значит, что все Украина уже у немцев. Наши зашли перед уродом все шатры, смущают шлюзы Днепродзержинск. Сколько сил шенев нужно будет сдать, чтобы всё это восстановить, когда наши вернутся. А что если вдруг не вернутся?

Страшное зрелище представляется сейчас иша, ещё не вь месяцев назад цветущая, богатая страна. Разрушена вся промышленность. Разрушена вся центральная часть города. Во все стороны от Киева по дорогам кладбища машин, кладбища екара. Ви шёл по дорогам и пошбал без ницы, без помощи. Коровы телнили на дорогах и умирали.

Население продолжает жить без хлеба. Его дали по две граммы на две недели ещё тридцатого. И всё равно голодают ещё некто. А вон плешки, которые сохнели умирали от голода....

Организован Красный Крест, который собирает продукты, деньги, одежду для плешки. Но везде это камне в море.

Сегодня, в мессе магазина, сваленном в урну, в книге с автографом Александра Блока наша подлинное его письмо. В продолжение минуты оно не имеет такой ценности, как чаша оно до войны и будет иметь после неё. Но для меня это бесценная находка. Письмо писано 19 апреля 1917 года. В нём пишет Блок о надвигающейся новой эпохе пролетарской революции (хотя прямо это не сказано). Он предсказывает события, которые называет "ближайшими" и пишет, что ему "не страшно" и что об этом "не страшно" думает и Горький.

Как это далеко - это светлое, блистательное время! Я сидела в этом хаосе разрушения, в злобещей тишине развалин, от которых ^{идут сиреневые пары} ~~идут сиреневые пары~~, а в руках у меня было это письмо.

Тенденция камчатцев сейчас определённа направлена на уничтожение народов. И вовсе не только еврейского. Бабий Яр, в котором уже много не только евреев, но и русских, безмерная смертность в плену, уничтожение сражающихся в плену - это ярчайшее тому свидетельство.

11 ноября 1941

Газета за 11^е ноября - страна Лига.

15 ноября 1941

Третьего дня, по газетам, камчатцы взяли Шихвинский железно-дорожный узел. Вообще же бои идут в Крыму, главным образом. Очевидно, наши отбивали Керчь, потому что слова сообщаются о боях под Севастополем и Керчью.

Пронёсся слух, что в Барниче высадились советский воздушно-десант в 600 человек. Ужасно, правда ли это, никак не могу сказать. Через ночь не пускают без немецкого пропуска. Слова угасли похоронили. Везде вечером яркое пламя снова освещало Подол. Это горел завод Комбикарм. А в прошлую ночь горел в

добытый Шёнковити комбинат в Дарнице. Конечно, это нам могло гореть. Завод наши эвакуировали, а на территории его теперь лагерь восстановили.

Какие-то послабления в репрессиях. Тронёлся слух, что меньше будут расстреливать. А газету соотпустили, что грехов, написанных на кого-либо, грехов отъё подтверждать доказательствами. Как это можно написать? Бывали ввозы, что у наших на границе есть грехи. Такое предположение высказывалось много. А мы хотим, но боимся верить.

16 ноября 41. Воскресенье

Сегодня целый день слышим выстрелы артиллерии восточнее. Может быть это действительно нам десант, о котором вчера говорили. И ещё сегодня говорили по радио о том, что наши бьют немцев: это под Москвою их аэродром на сто километров. Москва и Ленинград героически держатся.

Уже зима, а "кампания" немцев ещё не окончена. Они здорово мёрзнут. Забирают у населения все тёплые вещи, какие увидят. Мы живём с чувством, что для нас кончена всякая жизнь и не вернётся больше. А когда, как сегодня появляются вести о наших, когда становится легче, что немцы простились, тогда снова крепнет надежда. Мы снова верим в то, что ещё не всё кончено.

Через несколько дней-пятнадцать месяцев война. Как писали в коммюникэ газет и воззваниях, для нас она уже окончилась. Но это не так. Потому что, если и не летим над нами самолёты, то от этого не легче. А легче было, когда они летали, но мы были среди своих. И не было кровавого призрака Лухвильевского кладбища. И многие из нас предполагали смерть, ожидание смерти, но только бы со своими, пережили жизнь такую, какой мы живём.

Что делается в Союзе? Мы ничего не знаем раньше, как много знаем и менедж. И те, кто на нашей стороне ничего не знают о нас. Где ро менедж все - Да, Люба, Ада и многие другие? Вернутся ли они?

Время шло так невероятно. Особенно это заметно, когда приходишь декурить погов. Менедж мы декурим кардой, раз в десать дней. И эти десать дней проходят, как день в часов. И ничего не делаем, а за ночь все до поздней ночи. Хорошо, что ходило можно только до 5 часов. А то совсем не хватало бы времени.

Магазин мой всё ещё закрыт, и, по всем данным, не откроется. В нём только соборные книги, которые по расписанию внешнего карабета все дружики вот в излож. Утожило в книгах, хотя их совсем немного. Но в магазине несуринно холодно. Лишь три дня, как нам удалось задний окна. До этого ветер свободно козыдил в магазин, проликая в него через входы все вилдрить и окна. Гендере для убирала грязь в подходе, поэтому это поуредтам освободили её для соседнего черогного магазина. Её кондирско-вали. Книги пришлое сродно убрано.

Академия поуреднему не интереседеся магазином, а много и поавно. Академическая симоловая ввела оконгаебно задрываея. Продуктов нет. Работала она всего три дня.

Ни крошки хлеба у нас уже давно, и очень давно нет совсем никаких денег. Ни где никаких денег не платят. Обдур могут только в Турве. Остаются все предожавлены сами себе, и мы уже оконгаебно вгубьхаемса.

Хлеб поурими врозой раз 12 тысяч. Никак коограми хлеба в месяц.

Базар уже пересмотрился. Это наполнила масса вещей. Все продасо, но почти никто не покупает. Обмен всё уменьшаеся. Менедж труднее меньше, чем покупать. Кресельные

В радиусе пятидесяти километров от Киева уже ничего не меняют. А на базаре есть всё. Только цены немалые. И здесь в газете были опубликованы так называемые "государственные" цены, "стабильные и обязательные для всех". Очередное подвешивание. Но эти цены килограмм масла стоят одиннадцать рублей, а на базаре он стоит пятьдесят. Стакан муки 1р.85 коп. — на базаре 12 рублей. И всё в таком же роде. Молоко сейчас стоит 40 рублей литр, но достать его невозможно. На базаре его только продавали, потому что полиция забирала. Дороже всего керосин. Он стоит 80 руб. литр.

Большая часть города без света. Его выключают лишь в немецкие квартиры. В нашем доме его выключили в квартиру "ответственных" украинцев: Мендрулю, командиром танков Гуренчука габарной гадюшки и полицейскому-художнику, работавшему в комендантуре.

Неожиданно удалось послушать советское радио. Слушать союз трудно, очень затихают. Но мы знаем теперь, что Сталин в Москве, что от Москвы немцев отогнали, что Ленинград осаждён, но свободен. Нужно ли говорить, что много светлее стало на душе.

Вчерами А. В. и Н. В. приходил к нам на посиделки. В связи с задержанием после гетманских часов только пели и закусывали, принимая все ордера без замечаний.

Вчера думайте, бесконечно. И всё равно ничего не успеваем. Пшеница засоренная. Нужно по зернышку её предобрать. Да было бы её побольше. А то кончатся вонючие мешки в ^{подвалах} ~~подвалах~~ полуде. Что будет дальше, неизвестно.

Дитя совсем нечем кормить.

Нюся всё ещё без приёма. Получила она ордер на полурас-
 руженную надсидрожку в доме №11 по Кузнецкой ул. Радовал-
 ась, что за этого там было учреждение и не нужно поселяться
 в квартиру чехавших или убитых. Она с трудом засеклила,
 вытаскив в магазине ситёкша из окон, кардоче ещё одалов.
 Но только стали носить в квартиру вещи, как явился какой-
 то украинец из книжных с бумажной огусяно и заявил,
 что квартира его. Накинул бумажку на дверь, а
 вещи носить водросили и всё.

Сидба покореннее безвыходное. В их квартире почти опасно,
 дом с минут на минуту рухнет. Лопнули трубы водопро-
 вода и канализации и залило всё этой гадостью. И колод
 немловеривный. Это гадать, ума не приложили.

Всё тяжко, и внутри, и снаружи. Все стали злые, раздра-
 жены, никто ни с кем не говорит спокойно. А ведь
 в такое время нужна предельная выдержка.

Самое сложное - это вопрос нашего отношения к работе.
 Ийти работать не можем, обязанности не нужны. А не ра-
 ботаешь, так как же жить? Уже совсем нечего есть. Негде
 кормить Шурку, Таню, Лёлю, а Нюсе Галию. Усились до
 сих пор продажей вещей. А у кого их нет, те умирают
 и уже умирают от голода.

И снова, повторю, мы не имеем права роптать. Мы счита-
 ем свободными, ~~мы~~ но есть не за коллегей проволокни,
 имеем крышу, и вывозовод, но едим. А меньше и сей-
 час под открытым небом. И сейчас с трудом получаем
 по две стрых картошки в день. Те, кто бывает возле
 лагерей, возвращаются полуумасшедшими.

И природа ополчилась против людей. ^{Позавчера} ~~Позавчера~~

это 7 колдун, для парад. Он ушёл в лес, но обещал ^{и. м. м. м.} вернуться. Не вернётся, это наше соболезнование может осуществиться.

И колдун, и девушка

Мало погружен дневник. Это оживило повествование дела.

Приходится гонять слабые и неукротимые вещи, которые вырастают в неодолимость из-за неодолимости жить. Приходится наши силы куда-то, а просто умирать, ничего не сделав, бессмысленно.

Очень много говорится о том, что вокруг продолжается упорная война немцев с партизанами. Каждый день из-за города ~~еще~~ слышатся артиллерийские выстрелы. Точно же, никто ничего не знает. Один товарищ искал партизана, но не нашёл. Возвращаясь в Киев и вынужден приютиться здесь.

О пожарах последнее время не слышно.

Временная газета официально подтвердила, что никакое "Вильно" и "самостоятельное" Украинь не будет. Издачу приказ Гитлером о создании министерского комитета Украинь. В него объединяются и бывшие раньше "самостоятельные" и "Вильно" украинские суданы. Как это "самостоятельное" понимается, неизвестно. Украинской будет управление Кох, Гот, что до этого ведал делами искусства и науки.

Интересно среди людей, реагирующих на происходящее, не весьма спокойные. Многие ещё не знают, как себе вести. Есть даже, которые охотно пошли бы в плен к немцам, да боятся, что большевики скоро вернутся. Другие стараются оттянуть время, чтобы поскорее добраться к немцам и у немцев не радоваться. Но очень трудно сопротивляться голоду, особенно если ещё маленькие дети.

О Харькове ходят самые разнообразные слухи. Последний

вероятно случь, что он не оставил одна Древо.

Знает, что происходит в действительности не в возможности. Рядом не. Своя везде выключить.

18-го числа приехал Кавлуша. В первую минуту не узнали его, не поверили, что это он. Он шёл с 24 отрядом из под Москвы, где был в плену десять дней. Он страшный, распухший, обросший щетиной, совершенно седой породой. Барик подавляющий и унылый. В плен попал во время разбоя на окопах под Москвой. До этого с мужчинами его возраста приехал вое Угличу от Марушана, а оттуда их повезли к Москве.

Там попал в плен.

Кавлуша. Поном кагал агучкаить по тема уех, кому более пятидесяти. Вырвана седая голова, распухшее лицо, ноги. Не пришло в голову, что сразу сшагну не ещё врага ноги. Шёл по сёлам, как щипит просит хлеба. Оборван. Пришёл в трясине, вырванном в дороге. Далеко нехоже, потому что без конца идут бегущие и плывущие, и нечего уже давать. Когда он ест, страшно смотреть. Озирается, как забавливший зверь.

Продовольственный вопрос всё осложняется. Везде с каждым днём падает в цене. И вообще вещей больше, чем покупатели. Безрадужна полная. Все ищут работу. С биржи посвящают на тяжёлые физические работы, строительств, всех подряд: врагов, ищущих и осуждённых. Посылают за Киев. Но в большинстве народ ботиса итти рещетриватся на биржу.

На широкую ногу развращается засидка и засады промывает. Активно зарабатывают на населении колоссальные магазинь. Их открылось довольно много. Открылись немногочисленные государстве и астве мод. Всё это носит отпечаток какого-то, неизвестного нам, культурного вича.

В магазин не черновичного снабжения выдвинули всевозможные материалы, книги, журналы и газеты. Газеты предприниматели не держат в наличии. На всех улицах висели объявления поэтских, уличных, кешенного языка и др.

И всё равно цены никак не падают. На всем уровне: супермаркеты, булочные, краснособленчества.

Академия снова переселилась. Месяц уже в доме 37 по ул. Владимирской. 44^й номер здания Чкаловская Рада, которую кешень выгнали из 55го. В городе всё равно ничего неизвестно о существовании этой Рады-инкогниго. Кроме вкратки никаких сведений. Когда собираются товщине детьми Академии, молча уходят в разные дома. Там сообщают, что Рада скоро займёт своё "искусственное" место в бывшем помещении товщине музея Ленина. По разговорам, появился в Академии президент.

Кто и где, неизвестно. Одно известно - денег не платят никуда и никому. Столовая закрыта. "Сноушнра кооператив" "Вильна паура" так и не родилась на свет. Моем магазином так много и не интересуется. Поскольку в нём угадаешь последние съёмки, как могла сама задела окна фресками от сжигания из подсудки. Месяц в нём кроме преза и колода ещё и тёмная. А холод, как в Фаутовом аду. Однажды вконец в форме ожигание, но вмести тёмна магазин залила вода. Рядом сейчас открылся цветочный магазин. В нём тоже многой холод. Однако, там появились цветы. И так дико видеть их в такое странное время. И мерзнут, и влнут цветы, неизвестно в том, что их существование ~~уже~~ ^{уже} бесполезно.

Я всё переписываю книги. Копиру эту работу, надеюсь, вместе с опорами вонь. Книг всётаки много. Книжки и статьи академических трудов бесконечны. Они так

защиты от окружающей действительности, что кажется
 произведенными марсиан, которые по ошибке попали
 на землю. Холод такой моты, что выдерживало от ко-
 лупора до двух часов в день и промерзало до мозга костей.
 Ойден пропала под управы треджес списки. Попытались
 всё время ступать в звети, сиранивало, когда же, нахо-
 неу, ойкродеет магазин. Они не знала, что он при немцах
 никогда не ойкродеет, потому что в нём только собрание
 книги. Иногда ойгаивше канадалу с такой силой, что
 решало просить магазин. Со стидронт, наверно, мои попытка
 сохранить его какуются смешивали или бредовыми. Но
 у всех у нас такое гувство, что нужно ойтотрут время, и
 всё надеется на новую в воде.

Носа так и мурает без квартир. Молодежь из гегано как
 запустил управдома, что носить вещи выдросили в руг
 же день. Она совсем измучивалась в поисках какого-либо
 приуба.

Говорят, начиналось заходить появляющиеся реальности и класси-
 ческие гимназии, мужские и женские.

В дубинюке Анжесичи такто, холодно, подмило. Верхние
 огаки заилть немецкой казармой, сойрудники все изурет
 внизу, в комнатах дившего снегоидега.

Насидросие подавляющие. Это и дело слышим о тибели людей
 в гегано. Радио нам недоступно. Ойдеивные еведеиния,
 которые го нас доходят неутешительные.

Мне предложили писать ввесеки в ремашином доро управы.
 Голод осевь мугает. Но я пока отказалась. Нику не знала,
 когда наступит повара в войне. Если же наше положение
 заженет, многие не выдержат. Придеет выдирать-рады
 у немцев или голодная смерть.

Еще известно, что В. Ч. Молодой выступил по радио с нагой, отращенной во всем цивилизованному миру по поводу бесчеловечного обращения немцев с пленными. Какие бы зверства ни упоминались в обращении, они меркнут перед действительностью. Ведь в эту двенадцатипятиградусную морозы все пленные ^{все еще} под открытым небом; ~~для отращивания~~ ~~полной~~ ~~причес-~~ ~~ки~~ ~~мало~~ ~~жал~~ ~~звук~~ ~~и~~ ~~звучу~~, какаются и воют. От их нечеловеческого воя люди в окрестных селеньях сходили с ума. После каждой такой ночи из лагеря выносили сотни трупов.

Лагерь теперь немцы отводят специально на расстоянии 50 км от жилых мест, чтобы не был слышен вой беднущих людей.

Нам всем кажется, что ничего уже не может нас потрясти. Все словно окаменело. И что могут сделать все люди мира против такого ужаса?!

Сегодняшний номер "Українського слова" вышел на южной границе. Из новостей в нем то, что евреи уже называют не "жидками", а "иудеями". Быть может это подтверждение слухов о том, что когда Гитлер распорядился бойком не трогать ни одного еврея. Говорят, что Бабаг не расстрелян, а уехал в Чехословакию.

А наша жизнь все одинакова. Вегеталием делаем пшеницу, а зерно уходит на добывание пропитания. Люди на работе за собой приводят на Еврейском базаре, пытаются продать вещи. Но ни вчера, ни сегодня у нее никто даже не спросит ничего.

Завтра обещают дать хлеб. Выходит, что получим по 200 граммов в неделю.

В газете сегодня объявление Райспозиционки, что в Швейцарском районе начались выгара найцикам найка по телефону №1. Найк состоит из томага, аптекарской пудры соли, сахара, мажорного масла и дрожжей. Подать найк, все, что необходимо для сырой жизни! (примечание "летописца": это гайтло га-

зудное соодущение. В действительности «наша» не выдавалась).

Для меня появились физические осложнения: распоряжение о приведении в порядок внешнего вида магазинов. Мимо до 24го будет согласован приказ вводить в отделе пропаганда, мимо магазинов заберут. Меня притирают к ситнику. Сколько и как смогу еще ~~отстоять~~ отстоять время, у меня не прищучу. Стыжалося на голод, козарты в самом деле нещелкивать. На улице десять градусоф мороза, а в магазинах только двенадцатый. Одежда слишком неважно, и могу выдержатъ внутри от полутара до двух часоф в день. Телиты мои позволяют раскитыватъ, тито отивватит содержимое магазина окопугу к весне.

Погода ститит сухая и ~~ф~~ ясная, но мороз олит еливать, и нет снега. По городу разтезчатот молодки в серых шитках и в шапах с красным лешком и кистью в мезо доитьшка. Это — последователит Петлярь, ибне еликуманшики.

Олю забрала полицит в мозг. Шитак и не содрали денег, ~~та~~ титот похорошит. Нет их ни у кого. А похорошит тителит олит дуром. Еит тито тителит вей равно, а цититит титчело, тито бросит еей титело, как бездомную собаку, подотратитугу на улице.

30 ноября 1941.

Мне помолит пощучатъ радио. Улитычала своимит улититит приказ номер пятъ из Москвы Верховного командующего тов. Сталина с пощравлением командующим Южного и Югозападного фронтит по поводу взитит Росита. Знаитит наши ототратит улитцев Роситов. В приказе пощравлением маршалу Тимошенко ~~и~~ командующей ^{Юго-западного} фронтитом

и генерал-майору Перевиренко, командующему войскам и фронтом. Сегодня внутри всё кричит от радости. И мы теперь точно знаем, что ни в коем случае не будем поддаваться слухам.

Вся немецкая пропаганда и ~~провокационные~~ ^{вызывающие} провокационные слухи создаются специально, чтобы деморализовать население.

И ещё мы констатируем один важный для нас факт: чем лучше дела наших, тем быстрее ведут пропаганду и слухи против большевиков. Неудачи немцев на фронте вызывают у них желание пригрозить англичанам. Вот последний вариант:

26-го числа по немецкому радио была передана передача. Передавали по-русски выступление какого-то, никому неизвестного, сына Молодцова - Георгий Сергеевич. Выказывался он по поводу своего имени, но и об имени сына Сталина - Якова Фрунзе-Виллы. Всеми словами призывал советский народ одержать оружие против Сталина, не упоминал ничего о своём отце. Говорил о том, что ехал, только в немецком плену узнал он что-то такое ужасное (!!!). По-русски он говорил ~~о~~ о том, как, что Сталина сказал:

- не сумели даже подойти к провокации поддразнить.

22 ноября - землетрясение в Европе и Африке.

Англичане угрожают Советскому Союзу бездельем, самими угрозами одражни. По всему Киеву расклеены извещения и угрозы с подражением, как озамблело, ^{бредовых} эпизодов "германской немецкой армии". В этих плакатах воззвания Гитлера, а рядом голубые лозунги с таким текстом: "Гитлер Адольф Гитлер сказал 3-го ноября 1941 года: "Мы ставим все концы, на случай нашей борьбы с большевизмом. Украинцы! Ваше место рядом с немецкой армией в борьбе за новую Европу!". Эти лозунги ^{воззвания} во всех нас мучают

о том, что мы в настоящее время абсолютно ничего не знаем о европейских странах, захваченных Гитлером. Но никто из нас не допускает мысли о том, что такие страны, как Франция, Чехословакия, Польша окончательно раздавлены и могут похвастаться существом Гитлеру в его "новом порядке". Неправильно ли какого процесса в этих странах?

Основные слухи в городе гласят о том, что Киев и Вышневая объявлены мёртвыми городами. Что то готовится, поговаривают повсюду, в частности в Академии, предлагается сейчас заполнить анкету, описав кратко, с ~~ею~~ основными вопросами "Укажете, чем страдает и Вышев и Киева". Куда и зачем? Никто не знает.

Про евреев в городе ничего не слышно. В газетах писали, что во Львове арестован квартал для еврейского гетто, куда до 14 декабря должны переселиться все евреи Львова. Из этого делаем вывод, что там они живут, и только мы вынуждены быть свидетелями кровавой расправы.

О поездах не слышно. Но вчера снова появилось злобное сообщение Общественности о том, что в городе повреждена телеграфная и телефонная связь, и так как виновных установить не удалось, снова рассредоточив гетто евреев Украины Киева. "Это снова предупреждение", сказано в сообщении.

Продолжается перекурёт марафона, где марафон не сдерживать. Сейчас слышали украинские последние известия. В них: упоминание боя возле Ровна и Малахова; известия о захвате немцами Кишинея и Волоколамска. Это в сра километрах от Москвы.

Понедельник 8 декабря 1941

Мне об этом, чтобы явился в Управление в рекламное бюро. Приходили узнавать, почему не явился. Сказалась болванкой.

В действительности же не могу рисовать по вью козье вале. И за-
 нималось совсем другими делами. Центре дни носили мб кни-
 ги и погу из квартир уехавших, а чаще ходили и ходили без
 толку. Мое в квартирах собирает и складывает всевозмож-
 ные документы. Могу приходить. Очень сильно мб уеаеи,
 долгие отто от общего неумения, тоски и безнадежности.
 И всё же заставляем себя что-нибудь делать. Как видимому
 какая-то радость на погу тем, кто вернется.

У меня всё хорошая новость. Выходит Р. Крист в ма-
 газин. Товарищ, что домой ^{к маме} прийти подался. Приходит в мага-
 зин уже несколько раз, но всё не застав. Была бы там не
 регулярно и не более полтора-двух часов. Очень одрадова-
 лась ему, тому, что жив. Он уеаеи 18го сентября с комму-
 нистическим байонетом (хотя он и не для этого партия)
 вместе с Каргашиньм. Каргашин удивл. А он уеаеи ранен
 разрывной пулей в левый локтевой сустав левой руки. Уже
 прошло почти три месяца, а вместе локтея зловонная гнио-
 щая рана. Просьба куда, что до сих пор не начала св гниения.
 Товарищ, что живёт полу-свободно среди монахов во
 Фроловском монастыре. Просила его прийти домой, что-
 то покормить его. Выказался. Никуда и к нему, увидели, что
 можно сделать.

В следующей газете приводятся статистические данные
 о населении Киева по проведенной переписи. Судя по ним
 в городе сейчас 423 тысячи человек. Это означает, что
 400 тысяч ушли на фронт и эвакуировались, а это 95
 процентов евреев расстреляно. А по сведениям, которые каково-
 то изряд, немцы уеаеи, что в городе сейчас
 только сего еврейской общины, из которых они, много со-

Гираража обеспечить работой и обслуживанием. Организации должны куда угодно уехать, потому что Киев нечего есть. На эту похорону, потому что это земляющие уехать куда-либо дают пропуск на выезд из города, а обратно не дают.

В Уманьщине население 40 тысяч, в Бердичеве 23 тысячи. И ещё в соседней гетто замечка, что много там евреев. Сидим, но что болезнь его, угрожающая жизни, страдают они население Советского Союза. И так немцы пожеланию идут на компромисс в своей пропаганде, потому что месяцем раньше они утверждали, что Ч. В. Галлики объявил Советский Союз и уехал в Вашингтон.

Кампания, несмотря на мажор, замечать три страны: Малая Архангельск, Литва и Новосёв. И ещё город Мценск. Это же Двина и Дубовская область. И выходит, что полоса фронта всё ещё движется вперёд, а мы всё глубже окунаемся в тьму у немцев. Все безнадёжнее настроение, хотя в последние дни мы уверяли в победе наших. Ведь некогда Наполеон даже Москву занял, а потом был разбит наголову. Логически рассуждая, чем глубже немцы задираются в нашу страну, тем больше шансов их разбить, потому что они растягивают свои силы и передают этот галлои монополю и джонированной силой, какой они были в начале войны.

Радио нет больше, потому что нет больше контрабандно подкинутого света. Книжки не знаем о Союзе. Не слышим больше Москву. Знаем все уменьшающую бедствия народа. Пленившие ищут и ищут. Они всё ещё под открытым небом.

Одновременно, похороны одни на другой, как медленно падающие камни в воду, нашим вёсера. В шесть часов совершится решено. У нас уютное освещение - красноватая лампа, но мы не имеем

права фальшивая. У друзей только кончики. У многих же нет и
таких. Мелко, холодно, идиотство. Всё время возглас сестры.
Шурка капризничает. Любова Васильевна критикует надежду.
Пессимистическая тоска.

Воскресение 14 декабря Ч.

Приходи. К. Вид у него унылый, но настроение другое. Он
уверен, что не взял участия. Притом храним вещи о том, что
переломить войну в пользу наших уже близок. Он голоден. Гово-
рил и много поест. Мы убедили его, что для малярия нечувств
киши, и под этим предлогом, собственно, дали ему немного де-
нег. Главное, ему нечувств поднимается настроение для получения
на работу. Он устраивает уреником в сапожничестве мастерскую.
Говорит, что за подписавшим обращается в бывшую библиотеку
и.в.к.и.д., где директором дежурит Меркельман. Райтуда его по-
просили выдать и забили что выдать отозреться шурка-
коммуниста, если ещё раз побудит в библиотеке. В бывшей
нашей библиотеке даже не нашлось желаемых подписавших.
Подписали ему акцию и подписались сестры Юся, Лёля и
Я. Лёля даже ни слова не возразила, хотя она всего нами-
гески боится.

Немелкие слухи сообщают только о боях местного зна-
чения. Наше радио нет. Приказ был слова сданы приёмни-
ки. Но мы свои ~~и~~ секретам. Все же всё-равно нет, и сейчас от
от беспомощна. Сегодня притеснен истребитель, что наши отбили
Одессу. Это ^{что это} ~~возможно~~ правда, поэтому что украинские
газеты с каждым днём всё больше кричат, что "бolshevиз-
му концы".

По поводу нагавшейся войны между Японией, Англией
и Америкой Ингер 11 декабря произнес речь в Рейхстаге

В газете за 12 декабрь она передалась под заголовком "Война между двумя мирами" и подзаголовком "Германия и Италия борются на стороне Японии против США и британской империи".

Газета безразлично сохраняет до прихода наших и обзоров речи узнают все. Она слишком велика, чтобы переписать её всю. В ней приводится сводка заявлений немцами городов и территорий нашей страны. Но кто внимательно прочтёт эту речь, увидит, что начало и конец её противоречат друг другу. Гитлер утверждает, что эти речи всё время бывали, тем не менее в действительности людей и возмущение у наших. Тем не менее его похвалять, ^{как полагать} кто же удивляется его на всей протяжении звучит слегка мажорного тона, кто замечает и не отдаёт Москве, Ленинград, Волгу, Урал и ещё много другое? К примеру, по газетам немцы уничтожили армию Тимошенко уже семь раз, а они всё ещё и ещё. Войну за своё великое нападение на Союз Гитлер возглавляет на Рурвентия и Зуриния; последний являлся скандинав на восстании в Нидерланде в 1940 году, что СССР восстание против Цеманна в 1941 году. Поэтому он решил определить нас. В своей речи Гитлер уже не называет СССР даже России, а новым названием "большевики".

Очень трудно сохранять надежду после таких сообщений, после переписания всех завоеваний немцев. И всё же, где-то в людские души усилить уверенность, что наши собирают силы. И что основные резервы людских сил и вооружения

еще не вступили в бой.

Наше заветное желание - дожить до того момента, когда эти одеты в броню немецкие полчища покажутся назад. Сражаться же, кто это увидит? Боуривейм или мы?

В пятницу, наконец, приехали наши. Они иное сужие додирались из Славян и вернулись туда, потому что уже несколько дней в силе приказ Рейхсколоса о том, что никто из гражданского населения под страхом расстрела не может предвзять даже в самых дальних железнодорожных пунктах, не говоря уже о проезде поездом. Немець водрасывалъ всех, у кого нег разрешения на проезд поездом. Тьбух всех ково-попало своими резиновыми дубинками, и даже немець не могут иттем помочь нашим.

Среди немецев, как и среди всех народов, есть настоящие симпатичные люди, но они терзаются среди зверей в сероземельных шинелях. Многие из них ходят в Седано. Нам известит слугам пройтесия пролив зверей над нашими людьми и пролив речисла. Люди, и немець, профессубавшие, забобашь в кандалы и их, как кагорцишиков, гонят на фабрику за городом раздетыми по морозу.

Малых мы видели, когда возвращались в город 30-го октября.

Наши приехали излученные и полные ратных выкаленин. Они рассказывают, что видели поезда, наполненные гитупами немецев и мадзар, которые намёрзли на дороге в центре России. Кемоншно тьбухко, поэтому их не хоронят, а везут куда-то. Везь у

Как говорили Манд, мы немцы и люди. Кисло ли, не знаем о пропсковджене. Не наши, естественные немецкое подножье. Ещё ли ещё кемоншно коммунист? Это пенуть с друзьями немецкой? Книги Маркса и Энгельса сожжены в абрамской тюрьме.

111
немцев всё предусмотрено и организовано: транспорт
кресел и кроватей, зарезервированы заранее организацией
"Моды", следуют за группой на газоне.

Ещё видели они, как немцы ввозят наши зоологические
сад. Возли слониху Мэри, ~~моды~~ наши моды наши
наших советских бедней. И так немцы продали нашу страну
об хлеба гр прихватить зоосада.

Когда много не привезли наши из Славян. И так есть
больше продукты, но привезти много не удалось. Керас-
решет.

Сегодня утром слыта откуда-то слыта о том, что наши
отодрали Одессу. Хотел вернуть, но кажется это мало
вероятливо. Откуда могли наши её отобрать? От Кривого?

18 декабря 1941

Вчера весь день слыта о том, что слыта о том, что слыта
отобрать, что был советский самолёт над Киевом. Свободы не.
Иногда на первой странице. Из Москвы много. Радио не.
С воскресенья входит новая газета "Кобе украинские слыта".
В ней начинают вступлением против националистов.
Пронесли слыта о том, что на днях слыта входит
русская газета и будут русские школы. А пока закрывают
все школы, и будут украинские. Редактор новой газеты
Ирина, в советское время педагог, а теперь, очевидно,
угодник немцам. Иредбав называется "Неправильно
почему свобода". Направлена она против русских
редакторов-националистов, приехавших из Западной
Украины.

Базары наполнены продуктами, так тихо приказ об их
закрытии газетноски аннулирован. Сегодня откуда-то
появились слухи, что упрятали украинского полицу.

Степа ходила за Обухов и вернулась ни с чем. В каждую кату
идею не менее двадцати гелевек менарь, а менарь укрестьян
через.

Судба струсайчий приказ о захвате. И ^{возвраще} ~~при~~ ^{при}
кас Геббельса о едате ~~неудачных~~ и ~~кастрики~~. Сказано, виде
те ли, "свердловские рыцари" на ~~то~~ ~~протест~~, как насе
ление оккупированное должно их развлекать!

В магазине сегодня явился из отдела пропанда.
Какие это будут и медь последствия для меня, трудно сказать.
На дворе совсем похолодело. Терез Динер писала мне
на расстоянии 50 км. Везде вокруг неожиданно вато
шли евре. Хлеб продается по 1/2к. в неделю. Денег
нигде и никому, кроме ^{мостов} чирата, не ~~не~~ ^{можно} ~~никуда~~
еще" не едут.

Мы очень устали от неизвестности, от безнадежности. Из
того, что без конца делаем непосильную работу.
Мы всё собираем и носим книги. Дней десять носили
дипломату Сахарного. В ней, примерно, тысяча до геслер
книг. Желаний носить мало. Мы все очень осладели
и движемся, как сонные мухи. Но дипломату ~~дну~~ захо
тел превратить брак, замеченный ~~квартирну~~. И мы вынуж
дены идти отросить в ~~сидроу~~ самоубийстве, и по
суть, носить без конца. ~~Тенерь~~ ~~можно~~ ~~в~~ ~~сидроу~~
её в безопасности, если всё ~~наши~~ ~~труды~~ не ~~лопнут~~,

как мыльные пузыри, т.е. если всё это содранное не
конечною вдруг немца, то же с рождением. Бывало
тяжелейше слуги, когда буквально самим приходится
идти на себе инструмент.

Девятого два дня оккупации.

19 декабря 1941

Сегодня уже девятнадцатое декабря. Ровно три месяца,
как немцы вошли в Киев. Внезапное и такое, словно
прошло три долгих года с тех пор. А меж тем время
идёт и всё идёт. Бесполезно представлять себе, что
происходит за герман, которая отделяет нас от
наших. Что с ними, кто уехал? Где они? Им, наверное,
не легче чем нам здесь. Марально только легче. Они
со своими, они свободны.

Сейчас снова суровое. Встрели походы на встречных
тяжелых орудий или зениток. Низко летит немецкий
самолёт. Значит не так спокойно на дороге, как в том
пылающем убедил нас украинские газеты.

25 декабря 1941г.

По двору вместе с варажскими ходят гудите серые голуби.
Милые птицы! Немцы приказали их всех уничтожить.
А они ещё живы. Это бессознательный профес и профес
варварства немцев. Голуби хотят жить, как хотят
жить это всё живое.

В городе ещё евреи. Они скрываются, но они ещё, не
смотря на все суровые немцев их уничтожить,
И всё равно они будут жить, как того хочет всё живое.

И никакие законы землерожденного общества не должны, тем они должны умереть, только потому, тем они евреи.

Немцы принесли миру удобническую доктрину, расовую теорию, которую научно невозможно понять ни одним из существующих землерожденных чувств и менее всего разумом. Она против всех жизненных законов и потому должна быть уничтожена до основания. Евреи сгибаются и чинуют - это сознательный процесс против версита немцев. И чем больше немцы будут убивать наших людей, других людей, евреев ли, поляков ли, русских, тем больше люди будут хотеть жить и будут бороться за жизнь, против удобнической безземлерожденности. Всё равно, пусть сегодня сила на стороне гитлеров, завтра она отвернется против них. За кровь левинских детей, еитарников, цескини, самой лучшей нашей молодежи они должны заплатить своей кровью.

Сколько уже лучших наших людей погибло в бою, сколько матерей и детей не дождались своих символов и агоний! Нет, невозможно думать, невозможно жить с этим сознанием, и с чувством нашего совершенного бессилия. Никакой связи с нашими. ~~В.А.К. не приходит~~ ^{!!!} ~~не приходит~~. ^h ~~не~~ - пока беспомощен и не может реально сделать ничего.

28 декабрь 1941

Завтра нашей Сталине двадцать три года. Что хорошего видела она за свою жизнь? Только Дальний Восток, о котором она всемогущая, как о светлом

115
времени. Но слишком коротко было оно. А почему? Там было
ужасное разогордование в том, кого любиле. И сразу война.
Не могу писать. Слишком тяжело.

Но жизнь не стоит на месте, несмотря на все её урод-
ливые стороны здесь, на нашей - не нашей земле.
Уже нет в управе отдела пропаганда, а есть какое-то
интеркомбиро. Всех западных украинцев, носителей
"самосудийного" духа, утратил уже. Похоже, что это
результат слухов о готовящемся восстании украин-
цев. Недавно так были веревочены после преддвой
"Нового украинского союза" с буржуазии национа-
листов в библиотеке в Академии и в отделе про-
паганда Управы. Сейчас подготавлива их изложение.
Окончили ~~уже~~ разработать о "самосудийной" Украине.
Её больше нет официально, а неофициально её никогда
и не было.

Но прислушались чему-то много гадости нашей.
В библиотеке Академии, например, при их помощи
недавно забрали, ~~выводили~~ и ввозили огов центе
книги из Украины. Урается ли их вернуть?
Все эти дебри у господ сразу предали обидаться
на обращение к ним на русском языке. Не хочу в библио-
теку Академии, откуда мне позди выехали в этот
единственный раз, когда меня отгнали за обращение
на русском языке. Со мной не поехали разговаривать
по этой причине. А вот сейчас русские и русский язык
занили равноправие, если не доминирующее положение.

Везде говорят по-русски. Все сразу перестали приоб-
ряться. Функции Управ свешив к нулю. И ходят чин-
ные слухи о том, что её вообще упразднили.

Газеты сделались ещё более агитационными, чем в пер-
вые дни прихода немцев. За каждым словом восхваления
Гитлера и драмными словами ругают большевиков.
Всеголосный номер газеты вышел на своей, почти обфигу-
рой думал. А сданы - решительный марш. С
огромной силой двинулся на нас реакция и унаследован-
ность от которых мы должны освободиться в 1940. Куда-шам!
Инцидент в Киев, Архангельск, Мережковский - же это
такая типичная вещь по сравнению с тем, что нам крепко
покажется тенью. Кроме агитационной идеологии ещё
и полное бесшабашное изгнание.

По последним данным выходит уже русская газета.

Ещё сообщение о том, что Гитлер отправляет Браухинга
и берёт верховное командование на себя.

Наши надежды на сотрудничество восточных евреев в
Европе не оправдываются. Пока Европа осудва-
тельно работает на немцев, обесценивая и любое
вооружение и подкрепление в этом году.

Больше всего в городе, что немцы намерены
сидеть у уничтожающих всякую жизнь в Киеве. Сно-
ситель, который привезли в Ровно (кстати: к счастью слухи
об удешевлении евреев в Ровно не оправдались, там евреи
живы). Попробуем все кувшины и пачки урещ-
дения Киева, также как и провозимые, законсерви-
ровать. Загадки не получаем никак. Судьба Анатольевича

Сурово пересмотрела свои записки и устало заявила, что
 оземь виновата перед своим консерваторским друзблем.
 До сих пор не написала о том, какой тяжкий труд
 выпал на их долю. Ведь оба звали Консерватории сгорели
 совсем, что в них было, сгорели все инструменты. И прежде
 всего перед Консерваторией встал вопрос, а как же существо-
 вать без инструментов? Где их достать?

Оземь помогла в этом бывшая преподавательница
 немецкого языка в Консерватории Фрика Модвиговна Майер.
 Сразу после приезда в ~~Консерваторию~~ Киев Генералко-
 миссария она считала радостью быть переводчицей. И
 вот по инициативе Юоси одержимая к ней с просьбой по-
 мочь получить разрешение на Конференцию для Кон-
 серватории инструментов и бидмоек педагогов, уехав-
 ших в эвакуацию. И она получила такое разрешение,
 и получила немецкие бланки с немецкими печатями,
 в которых нужно только вставить имена хозяев ин-
 струментов, адрес и кто получает.

И вот уже в пятой месяце оуайки консерваторского кол-
 лектива мурлажа, но собирают родни, платки, ~~и~~ ~~и~~
 и книги.

В книжных условиях - это немаленькая работа. Ведь
 нет ни грузчиков, ни транспорта, ни денег. Пренебре-
 жать никак нельзя упорядочить и утилизировать, замявшие кварта-
 ры уехавших. Оземь много сил ушло у Юоси и сотруд-
 ника консерватории Гудь на добывание каких-нибудь
 денег. С трудом спросили немного у Урава. И, ~~вот~~
 собирая всякий раз студентом и педагогов (нужно иметь
 в виду, что это больше всего ценится), своими сила-
 ми переоборудовали родни и платки, наплавали так
 называемые площадки ~~у~~ гастронков на Эбазе или
 в другом месте и везут все в Консерваторию.

132 а

(см. на обороте).

11830

Уже в содрами восемнадцати инструментов. Из них два
тщательно перевезли на возу Кечинора. Уже взяли инстру-
менты профессора Михайлова, М. Розенмуда, председателя
Фертве, ~~И. Крутой~~ и других. Плюс каждая совсем
выдана из сил, потому что больше всех друг заимав
ведёт сурожайный чреп, записывая номер каждого ин-
струмента. И всё делается для того, чтобы сохранить
Копсваджиню с её студентами и педагогами, и сохра-
нить инструмент для тех, кто вернётся. Могу ли они
представить себе, что это значит, внести ^(руками) из ~~руками~~ инструментов
холодом и голодом людей Тирельве инструментов?

~~И всё же~~

должна решиться к новому году. Но иного характера не будет.
В Консерватории, когда я менеджер на Куровской в помеще-
нии доброго Струтинского института, медной холод.
Так это классы, нагавные замирает, всё ещё в радостной кон-
серватории. Но инстинкты стараются вернуть уже сюда.

Сюда
оставить
страницы
132 (к делу)
слова

Что-то принесёт нам новый сорок первый год?

2 января 1942 года, пятница

Окончился сорок первый год. Уже прошло 9 ва-
дья нового года. Принесёт ли нам новый год окончание сорок-
ной войны? Или маленькой войны.

Неизвестность, в которой мы пребываем, делается с каждым
днём всё несдержаннее.

28го случайно услышали Москву. Нам приёмники донес-
ли с Франции, т.к. только там можно иметь приёмники.
И нет у нас света.

Москву мы давно забывали. Но с воем крикание и крики
мы всё же кое-что разобрали. Узнали, что Каминский
советский. Это о нём только сообщали, что оставили
его, выравнивал групп. Узнали, что Рогов намечивает
снова советскую жизнь, а на Кавказе из мимонд и амивеси-
нов везёт концерты для армии. И больше не слышали Москву,
сколько ни пытались.

Из украинских газет (входящий менеджер на серой думале) мы
узнаем, что в Москву на свидание со Сталиным прише-
тал Иден. Узнают Правительство СССР в Москве. Узнают,
оказом ²⁷⁰ ~~для~~ украинские пронацистские силы опровергли
все антисоветские слухи о расколе в партиях. И ещё

119
это знают, что немцев всерьёз отогнали от Москвы.
И в духе же газет об уменьшении немецкого наступления
на Севастополь.

Кто-то пришёл из Харькова. Там всё время летают советские
самолёты, слышатся звуки, а население жестоко голодает.
Фронт, говорят, в 20 км. от Харькова. Очевидно, фронт вообще
придвинулся, потому что официально известно, что
фронты на левом берегу реки Мише в исторических
случаях (на последние предельно, и больше
и меньше или по командировкам) и то Мише до Борис-
поля. У нас слышатся каждый день, но говорят, что будут
лёт, чтобы фронт не задыхался. И этому можно поверить,
потому что город всё также мёртв: никаких
слухов ни о партизанах, ни о десантах.

В плену попрежнему страшно. Никого не выпускают.
Только по 300-400 пленных выносят из лагерей каждую
ночь. Это рассказал сержант, который привёз Степану
записку из Ровно, от какого-то пленного. Но записка
без подписи, и Степан не знает, кому же он должен
помогать.

Кому власти преподносят нам новогодний подарок:
В газете появилось воззвание багавит такого содер-
жания: "Германская немецкая армия освободила вас,
украинцы, от большевистского ига. И теперь немецкие
рыцари бьются за вас на воюющем фронте против
большевиков за ваше светлое будущее и светлое будущее
всей Европы. Помогите немецким воинам тёплыми одеж-
дой-кофточками, валенками, шапками!" И так как

120

пеленка за всё одеяло (и приводеи в исполнение) расцен, что данное воззвание было немедленно реализовано властями на местах. Везде все по случаю любого года дома дома и во всех домоуправлениях были проведены одиозные содрания, на которых была предложена свирепая и неслыханная развёрстка: каждому сито жителю Киева должны сдать два кофуха, один кофундук, одну перу вальмов, одну шапку, куртку, свёрток и т. д. и т. п. И не какие-нибудь свёртки, думачки, вёртки вещи, а всё иное, мерзкое. И не деньги, а вещи. Сдать вещь нужно за два дир - за 2^е и 3^е января. И известно, что пеленка не шуршит, что жители дома, каждый несёт вещей дурно расстреляны все подряд. Это знаешь, что каждый, включая и чудовых детей, должны сдать по сорок рублей!! И при сдаче вещей ещё нужно подтверждение, что они не краденые. И всё сидит в зубинах, потому что денег нет, вещей нет, и что делать не знаем.

Киевца, 9 января 1942г.

Прошло рождество. Мы ищите богатство и правды камен. Это мы не знаем, что несомненно свободных людей. Хлеба нет, его вдали по карточкам один раз с 1го числа по 200 грамм. В Академии дали нам по 1 1/2 кг. хлеба, а в Консерватории, ^{на} водном транспорте и в других местах даже этого не дали.

Пеленка нас людьми не считала. Особливо хитро я это почувствовала на себе, когда в прошлом году петришчу пеленка лезовая мамкина влезала туфель на пелен.

Каскала смирнавно, и точно бланодет толку, что
 она небыстро шла, она сбивла меня споз, и не повернула
 дварда, и лишь подняла руки и ноги, но не покачелла.
 А немцы, ~~сидящие в машине~~, даце не пошевелились в
 машине, не открыли её, тавко подордали нога Ивост
 мене из под неё выгнали. Наши шоферы даце собак
 сшарасоуе обьезуеа, а немцы, гвдольи, сшечнально
 иезуеаоу на чешинир. Итан они развлекаюеа.

Поэтому ещё келене качуеа разговарь ирислу-
 тиваюеахся украинцев, кагдурье сшужаюу, что
 немцы уравниваюу их с собой, возвышаюу их над
 евреями, поляками и русскими. Касей русским
 национализм мочу уже уепокоуеа. Немцы всема
 продемонурироваи евреюеа своё предноуеение
 велиу русскому. "Невва самосейода Украина" тихо
 сшоглаася, ифродивиася. И последние свидуеа-
 сшвои того бшо то, что накануне открыли украин-
 ского драматического театра, ивсуд заеудими, и бшо
 не только не открыася, но даце шегого зисла ироуеа
 сшух, что его водуе заеудиваюу. 7-го зисла доуеа бшо
 итти ирешбера ивсуд Сшаричной-Гериеховской, "Без-
 маи Жирошечко". Но её заеудили, и будто бш немцы
 скавали, что гвдольно в Киеве адного оеудного
 театра. А в опере идёу "Тшквоаа драма", "Когв ивуд
 под бшудеуа", "Безуеудейи" и опере мого "Кваске
 Полгавка".

Бшла как-то замечка в газете ещё о русских (тшквуд

застыло двалоу такие замки), в которой немцы говорят о крадосии русских войск.

Тем не менее несколько дней назад в газетных kiosках продавалась брошюра Штуля (того самого, кто заведовал упряднёйками и не оидеом цензурь в отделе проклаанда, Уравь) под названием "Вики вбодриль". Это крайний очерк "истории" Украины по концепции М. Грушевского. Выдана издаеицею "Українське слово", и написано, что это переише издание. В этой брошюре "интересна" будущаека газет. Там говорится: "Мы, которые признаём националистическое мировоззрение, знаем, что личность (одиница) имеет такое значение, какое положение занимает она между гилнами нации. Судьба личности (одиница) неразривно связана с судьбой нации, к которой она принадлежит(!). Поэтому каждый должен определить не только себя, но и всю свою нацию в целом.

Нет ничего худшего, чем иметь чувство собственного бессилия. А это можно сказать о нас, нации безгосударственной, подчинёи неудачаеи. Не имеем возможности видеть будущаека наших современных судешени, поэтому тем более должны мы замкнуть в прошломе гедни, наци в них себя, своё лицо, свои возможности и увидеть свою силу."

Далее следует, известное всем, описание исторических событий, и, между прочим, следующее замечание: "Славянские племена, издавна живущие на нашей территории, в шестом веке по Р.К. обратили уже

украинское (курсив мой) государство и правили им князь
из племени дубобов". Дальше соображая, что это племя
дубобов и соседние племена полян и древлян, много
~~общего~~ ^{общего} им с москалями (русскими - курсив мой и рас-
шифровка моя), им с полянами не имели. Это предками
"москалей" были племена радимичей и ветичей, "ведского
рода", которые пришли "после украинских племён" на
заселённые ими земли и до сих пор были осесть на
"более бедных землях Москобичи". Это племена
"москалей" и тогда уже "редко отличались от племён
украинских, своими звериными одеждами", своим
отношением и связями с племенами гунскими и
воздвигшим, ~~тогда~~ ^{в то время}, как "украинские племена уже
тогда имели связь с культурной Византией и стояли
выше племени москалей в культурном отношении".
Не менее ни менее моего желания занимаюсь дальней-
шим разбором статей нового для нас мировоззрения,
следовать каждому, что не знаю, предлагаю нам или
нет. Но всякое случае, непонятно появление этой
брошюры сейчас, когда националистические разбои
совсем утихли. Повидимому, издава она раньше, когда
газета называлась ещё "Українське слово". А говорящая она
о том что внутриукраинская борьба продолжается.
Только мы о ней много не знаем и относимся до нас
только с надеждой её огласки. К сожалению, газета "Лугавръ",
принадлежа к "Українському слову", давно перестала
выходить. Это было т.н. "литературно-художественное

прилосеми, "когого никити и нас никогда не виде.
 Еше еше националисту, каждавше^{не} в курсе и того и прев-
 лени ветра. К примеру директор годинича, "Красивый
 Киев" (теперь наз. "Свободный Киев") пригласил на
 правдивание и того года артисты оперы, которые должны
 были дать концерт для немцев. Но несли украинские
 песни, всё было в порядке. Когда уже артисты начали
 петь русскую песню, директор предложил им прекри-
 тить песню на дом основанию, что у него в годинича
 всё украинское. Артисты оскандились и уехали.

А немцам уже начинает надоест украинизация и они
 начинают "взламывать" на всё русское. "Николаев да-
 ма" и другой Гайковский симфонический оркестр по радио
 также все, кроме украинские, словно медалитеских,
 немецких ~~музыки~~ произведений, "иной музыки".

Словно теперь в городе обезлюдил. Еше слыши, когда за-
 продуть, за другие немецкие подати, наши девушки и
 женщины предлагают свои услуги немцам. Наме слышно и
 болвно видеть и знать, что есть такие женщины и девушки.
 Куда они у нас?

Итакому поведению свободен открытый разрешение
 проситущим. Слых об открытии официальных публич-
 ных домов уже давно циркулирует по городу. Некогда
 время тому назад появилось объявление о том, что
 украинские девушки могут получить места официальной
 и казначейств в годиничах на выгодных условиях.

Когда принимали на фабрику этих девушек, их преду-

предели, что если какая-нибудь из них поправится
 немцу, зашмащущему помер, она доушла быть в полном
 его распоряжении. Многие из наших влиятельных ушли, а кое-кто
 оуаиса. Во всяком случае, иугай заповнен, а иувлема-
 теиваюсть девицек увеишннвааеет тем, что радостноу ои
 в украинских козулах и венках на голобе.

Газетъ сообщают, что немцы бомбят Керчь, Феодосию и
 Эвпаторию. А это значит, что весь Крым советский. И
 ходят удивные слухи о том, что наши не дадут немцам
 занять в проекте позиции и голет их. Из Москва
 передают, что немцев выгнали из Ленинградской, Ка-
 лининской, Московской и Вологодской областей.

Наша цензур попрежнему теснее и жесточе. Евреев
 попрежнему выискивают и убивают. Кто помогает немцам,
 выгавая евреев? Ведь слышны они ни за что не начли бы
 их. Все еще видят, как евреев везут на кладбище.

В городе тизнь и голод во многих семьях, Куренёвка, го-
 воят, обдавлена неблагоденственной и заирецеёк
 достижени продукциов в город с Куренёвки. Зинь грела
 на Позоле, спомоще зарацеённые сыни ~~пол~~ и брощиёком.

В Боввинце не берут, там нечем топить и нечем кормить.
 Они теперь несуте. Сутки боввинского седецеаишля
 стоят ~~на~~ 20 рублей, а даюг там посылъ миль один
 раз в сутки меренку бакаидт.

Кризис наша, дни наши займуть в тоской, как там
дьявол едим, коудити наполнелъ теперь наши бейки

квартиры. Цельный день на улицах вертится бакалея, потому
что из-за отсутствия дров она вертится газетой. Дитя
малое. Все ешь уходит на добывание каких-то средств
существования и всё погн даром. Денег нет, вещи
продаются с великим трудом. Меняются ещё труднее.

Вторник, 13 января 1942г.

На дворе вьюга. Ветер вост. Комовый, холодный снег
не уменьшает двадцатичетырёхградусного мороза.
Темно и холодно. Снега нет, вода нет. Три дня тому
назад была объявлена распродажа подари воды по районам.
Ноне же её ~~не~~ нет совсем.

Не могу писать.

15 января, 1942г четверг

В магазине со мною много вещей списки Льодов Васильевича.
Но сидим по очереди, потому что больше, чем по очереди-два
часа выдерживать невозможно. В магазине 6° ниже нуля.
В подвале обнаружены железные пень, но нет пеньки
и нет денег, чтобы ему заплатить.

~~Квартира~~ Снег вьюжным даже в тех редких квартирах,
где он был по специальным проекциям и разрешениям.
В связи с этим снова нельзя уехать в Москву.

Холодно, темно, главное же, голодно. Холодных особенно.
Курьер всё время ездит на своих лошадях в район,
километров за 150-200. И в большинстве случаев
привозит в обмен на вещи пшено и горох, иногда нем-
ного картошки. После того, что Москва и Валя оштрафи-
лись мерзлой картошкой и ели "граначь" из мерз-

24

лой же картошкы, но жаренье на парашине, а картошкы
эта при прикосновении к ней "сиренка" в поглом, го-
рох, привозимой Кезиндом, какседей невероятныи сла-
сывели. Это с воегда намачивалоу в болышой миске для
умывания, поюи варят и кашлет тех, кто уже голодаеу.
Всегда кто-нибудь кашлет у них, но всех, кто хогеу
есть, невозможно накормить, даже из самых близких
знакомых.

И всё же, среди тех, кого мы знаем, ещё нег слышал
самого катастрофического голода. Но везе ещё только
15 января и продукты на базарах всё ещё остались того,
кто остался от наших.

Приехали из Харькова כמה-то знакомая нашей дидимо-
тичной сотрудницы. Она в воезде из киевских базаров
и киевского благополучия. В Харькове несоловний и
сиренный голод. Ни за какие деньги на базаре нигде
го небуе едоуе. Там близко фронт и лежал
свержение самолёт. Они сбрасывалоу бомбы туда,
где сидеу немецкие гарни. Население их воезде
очень радостно.

Да, как на наше положение работало по-наевоуеу
не приходило. Ещё крыша над головой, вода повлелет
в правельной, а в других домах её носит за несоловья
квартиров и засели своу в очередь. Своеу у нас был
контрабандой некоуде времт, а у других его нег от
самого ухода наших. Хлеб полагали погуи всё время
в Агадешини раз в неделю по полтора килограмма.

Эта редёнка хвещало. И выкупаю нас рынок, который в-
меня нам беринга. Главное же, мы погуи всё время
слушамы Москву, хузь и редко удавалось услышать го-
лмо вацное.

Но если у нас одно вацное одеждетемство, коужого нет
у многих других. У нас есть много одинольшлен-
никотв, которые хожий того же, тило и мь, и цедут
тануе как и мь, лодой возмощноуи пайди свэзв е
нашим. нас поддерживаеу коллектив. Нет, нам цало-
ваеуе не приходится. Определённо.

Всё же каждой как-то приспособиваеуе и цештраиваеуе.
Кто продаёт вещи, кто цре цештроицея и радугаеуе, и там
исредка получаеуе немного крушь и хлеба. А кто покупает
на одном базаре у кресивели продукть, а на другом продаёт
дороже. Буночка купила луку и картошки у кресивели
десятьамл, а продав их, ^{пошугеко} заработала 50 рублей. Ну,
кажэ тило-тюдуб. Мося выгорзвала за вещи немного
денег и дала их Кюре, тюдуб она неела пироги и
продавала их на базаре. Мабьина и Сийенаи шубы
пургаки из ситарого коцуха и дешьные плабница для
базара. Все радощалоу на базар. А на нём есть всё,
что угодно. Оцолоную часеь базара занимаюу
толкуеке и "обцорка". На толкуеке огеь много про-
давецов и собел мало покупателяей. Продаеуея всё от
шубонамбивк пурок и нагедютивк и ласунок го зомоуа и
дринкиаиртв. Нет вещи, коуждой не взе дало дн купиуе
там. Судна появилисв бесчисленные пошневине от го-

лода, с отёкшими ногами, щеницинь, которке вору-
 иушев в димитре рядо раскладки. Предприимчивые
 спекулянтты открыли рундуки со всевозможными вещами.
 В заступе, на Еврейском базаре открыт рундук с кни-
 гами. В нём перемешианы издания „Academia“ с кнущ-
 ной мануладурой, классики с дубоваривыми задас-
 каньими романами. Вместе на голову продавец
 сыплет Дарвин и Библию, техника и поэзия, древние
 и современные писатели и поэты. И за всё это там дарят
 три шкуръ. И всё-таки покупаем есё.

Всё меряется по хлебу, а хлеб есёт лишь для немногих.
 Три-четыре раза в месяц выдаста по картонкам по
 200 грамм на человека и работалоушим по 1 1/2 кило в
 неделю. На базаре его очень много, но едут он 40, 50,
 60 и 70 рублей килограмма. Кто же может его купить?
 Всё шертуете нахседа. Общорки бойко тагуеда. Весь
 базар наполнен криками этого седгас наиболее
 доходного промысла. Горячие пироги с горохом и кер-
 тошккой, варёная картошка, каша, суп, чай, хлеб
 масло, котлець из конинь и даце свиные отбиване.
 Об приевход в ваши кар. Козытки есёт прыгалы и
 иляшут от мороза, а голодные поудедител радио
 насть шалаеда тут же на морозе, стоя, тагон есё, общи-
 гадсв и блаусенсвезд. Знают ли люди, которке никогда
 не испытывали голода, какое это униженное
 губсётво-голод?

На Бессерадке одчудке организотана даце скоманди-

130
том. Она в крытом рублике. И там за сиделами, к вели-
чайшему удивлению не только Харьковчан, но и нашему,
можно получить каглену с кертошковой всего за десять
рублей. Правда каглена конская.

Зуберг, 9 часов вечера

Несколько рано решили, что ещё возле нас не оконча-
тельно голодовка. Возвращаясь домой, я шла вместе с
Варлобёвой. В парадном, держа за руку, сидела женщина
13^й-квартиры, читавшая мажорские Езерский. Он был
погружен в одностороннем состоянии и слабым голосом
просил довести его до квартиры. В квартире Анна
Ивановна и Красовая Ивановна уже были предупрежде-
ны кем-то и шли ему на встречу. Его уложили и дали
посесть. Как говорит Надежда Васильевна, Езерский
первый не выдержал. Это голод. Решили содрать и
продуктов и денег. Сначала к кому ни обращались
с просьбой походить по квартирам, никто не хо-
тел идти. А потом согласился Лудина и Усенка
"горлачок". Только это были они у нас. Они содра-
ли уже немного продуктов и больше ста рублей денег.
Первым голодающим ещё можно помочь. А что
будет дальше?

С фронта никаких известий. Сообщения газет кражи
и относительны. Немцы мёрзнут, но нам от этого
не легче. Могось всё время сидеть, а позавчера и
в понедельник была совсем невозможная погода
— ветер, снег и мороз. Менее 14° мороза не было в эту

гни. Намного много снега. На площади он лежал
петропавловской белой земной и ослепляет блеском на
солнце. Трамвайные пути осыпаются снегом, и
улицы в большинстве своём не счищены совсем. На улице
лишь пешеходы едут в одежде по одной половине
мостовой. Вторая часть засыпана снегом. На улице в городе
нет. Купцы ничего не убирают.

Кем-то с трудом переносят наши морозы. Вид у мно-
гих из них довольно усталый. Побегать у солдат.
Многие одеты в заморские белые кофусы.
У некоторых меховые полушубки одеты под куртки и шинели.
Но солдаты все в лёгких шинелях и только головы у
них обвязаны тёплыми шерстяными платками под
маленькими шапками. Некоторым из них совсем ежик
от холода, ноги зёрнышки, как мушкетеры. Дно солдаты.

Мешки на улицах совсем мало. Трамвай ходит ~~обычно~~ редко.
Нет никаких уличных звуков. И только радио орёт
на тихих, безмолвных улицах один и тот же голос
или песни из репертуара Вертинского и белых эмигрантов.
Кочевническая кампания окончилась совершенно неудачно
Благодаря Возрождению, мы так ничего и не дали.

Педница, 23 января 1942г.

Область так: живём одиночно и однообразно, какой-то
более или менее однообразной жизнью. И вдруг в один день
или час всё превращается и перевертывается наизусть.

Шак, например, сегодня у меня уже нет больше никаких
отношений с магазином. Маленькая мысль удерживать его

вместе с содержимым до возвращения наших казачков
 мне сегодня такой же нереальностью, как получение известий
 от ухабовских. Магазины конфискованы немцами. Без всяких
 разговоров. Простое на двери магазина повисла и висит
 бумага с печатью немцев "Beschlagnahmt", что обозначает
 - конфисковано. Надо сказать, что удар неожиданный и очень
 сильный. Дело в том, что мы перевозим в эти дни бомб-
 ушку газет советской литературы из ДКА. И вот все
 пропало.

^{прошли к концу дня}
 В субботу ~~вечером~~ вдруг пришла Нюся, которая не балует
 нас приходом на Андреевский оулак. Везет с собой в
 посылке нашего двоюродного слепого казачка. А утром
 вместе отправились в Лики в немецкую комендантуру.
 Директору Консерватории Ивановскому немцы отдали огром-
 ную газетную библиотеку Дома Красной Армии на уоп-
 ление квартир вместо дров. Сказал об этом Нюсе муж
 одной сотрудницы консерватории. Там несколько
 десятков тысяч книг. Ивановский согласился отдать
 газетные книги для библиотеки Консерватории, если ему
 за это привезут книги для точки. Конечно, решили
 воспользоваться помощью Кегмюда и первого партизан
 книг перевезти в магазин, так как это было ближе,
 и, кроме того, была некоторая надежда на сохра-
 нение этих книг. Немцы поставили обязательное
 условие - либо заберем все книги, которые они считают
 изысканными, либо от все эти книги отправят в точку
 когда первого отделения комендантуры.

С утра было холодно, как и все эти дни. Морозы
 стоят ровные и сильные - 15-20 градусов. С площади
 III^{го} Интернационала ходит, как и раньше при наших,
 трамвай, тоже третий номер. Мы поднимаемся в блинны
 трамваем. Он останавливается на тех же местах, где
 останавливается и раньше, на обоих углах Садовой,
 хотя почти для административной необходимости. Кемчю
 посылку-то не занимало это замечательное здание,
 чудесное произведение академика Громова.

Мы не были в этом районе с момента прихода немцев.
 Он почти не изменился, только безлюднее и темнее
 стали его улицы, и снег на них лежал, как в
 деревне, неубранный. И только узенькие тротуары
 протянулись в нём. Возле городской военной коман-
 дирь, которая теперь в добром доме Красной Ар-
 мии, много немецких машин и немцев. У входа га-
 собные в касках и шерстяных шапках под ними. Под
 ними перья у них колючи, а на ногах огромные
 сухонные валенки на досках, десятисантиметро-
 вых подметках. Везде, где это валенки на соломе,
 отшнурованные сухие, одевающиеся по ветру сапог.

Столбы у командирь воспримается. Проследил
 столб на другой стороне улицы, а принимал их
 с 3 до 5 часов. Тем не менее они стоят с утра на
 морозе и ждут. Позже возле командирь граждан-
 скому населению столбы запрещены.

Теперь вошли в командирь Носа по-немецки отъез-

иша, ^{поговору} что нам нужно. Он вызывает солдат, которые пове-
нас в команду переводчиков.

Экв могут не изменился внешне. Только ввиду всемо
наших немецкие надписи и на первой площадке лестни-
цы на сусе, закрашенной кремловой масляной краской,
жёлтой, злобный, но графический жёлтый раскрасили,
орёл со свастикой - эмблема фашистской Германии.

Не помню, что было раньше в коридорах Экв. Там же
еще они чурки, казённые и русские. И только в наиболее
мощном из них хорошо графические рисунки, изобра-
жающие немецких солдат во время боя.

Переводчики - оба из Западной Украины или совсем по-
хожи на выходцев оттуда своим ангинальным видом.

Там же немец в солдатской форме, весьма пре-
дупрительный, занимается над каннами - то
картами. Мы не нашли того, кто раскладывает кни-
жки, и ушли с тем, чтобы найти его в Генерал-
комиссарате или вернуться к трём часам.

Генералкомиссарат помещается на Бакинской 9, в доме
Давыдова Шара Округа. Там у входа тоже много
машин, а в дверях стоят солдаты, кажутся, как
швейцарь открывают двери всем входящим. И все входят
свободно, и немец, и наши люди, никто никого ни
о чём не спрашивает. Внутри всё голо, казённо и
русско. Безаполго естественным видом немец в чёрных граф-
ических формах со свастикой на красной по-
вязке на левой руке. И ничего нового не знает. Мы

ходили по лестницам, по коридорам всех этажей, встречал
мало людей, сами искали того, кто нам ^{был} нужен и в
результате узнали, что его нет.

Мы спустились вниз по Лютеранской улице, по нашей
улице Диченко. В первый раз за три месяца увидели мы
тот же развалины сгоревшего Крестовника, улица
Свердлова, Пушкинской, когда же спустились отгорель-
ми толпами гёрных ситов под белым ~~капюшон~~
сверкающего на солнце снега. Мутная, зловещая,
незабываемая картина.

На Лютеранской, меж сгоревших домов, катаются
дети на санках по широкой расклеванной полосе,
а кругом от дома к дому лежат и вонючей снег.
Это некому прогалин. И видно пахнут недавней гарью
кирпичные отгорелье развалины.

На улице Ленина (Гундухлевской) нас догнал
Давидович похунаев с магазином, директором театральное
института, который теперь играет с театром
в театре им. Садовского (то есть в театре нашей
Русской драмы). Он предложил нам контрамарку на
просмотр премьеры театра. Начало было назначено
на 12 часов. До трёх часов время было свободно. Мы
решили пойти.

Мы опоздали. Было больше двенадцати. Там в театре,
в бесшумном ошваряют двери всем входящим ланем в су-
рвях вонючих ливнях, вонючих, очевидно из режиссу-
ра, вонючего давящим-давно за неурядицею.

И таким контрастом выйдут их преиспещенные позу-
меда в пыльном и холодном вестибюле, кажутся ^{сроч} ~~важн~~
замученность и неподвижные огни гваго.

Мы думаем сосредоточены в театре, а в нём холодно и
раздеваемся одетые. Каранда огней маня, все
родственники артистов. Ни одного немца в театре, ни
кого из управского начальства. Только Осипов Ль-
сенко в первом ряду, директор Музыкального театра.

Шёл второй акт. Давали всё же ту пьесу, где никак
не разрешали немцы, "Герман Фурманов" (Сержи-
кой-Германовской). Спецбанк производит самое чудное
и удручающее впечатление. Ни одного сколько-нибудь
способного актёра. Ни одного действующего лица, кото-
рое привлекло бы внимание, не говоря уже о каком-
либо удовлетворении. Деревянный режиссер, по ходу-то
своих мучение переживающий вращаясь, где
задирает высоко вверх голову и так ходит по сцене,
словно аршин проглотил. Ученики переживали
больше, чем сами захудалые провинциальные актёры.
И ещё более трагично казался спецбанк оттого, что
на актёрах были прекрасные новые костюмы, эти же
контрастом вышедшие на фоне оторванных деко-
раций и плохой игры.

Авеса слаба, националистическая, наполовину не-
политичная или ладная, стремилась дождаться
двух десятилетий существования, судились в зале, что
украинцы свободны, независимы, горды и всегда
свободны. Ещё одна уродливая гримаса национализма.

Вздергали тогда один акт. К трёх часам снова
добрили до коммандарута и на ~~той~~ той раз поехали
по назначению. Как проводил переводчик в подвал,
где огромными тучами в полном беспорядке лежали
тысячи книг. Там была добрая библиотека,
которую советские библиотекари содрали годами.
На этажерах, стоящих в рядышком, были ещё книги.
Возле них стояла касса в овечьей шкуре, в которой
кто-то говорил с музеем сотрудничать. Консерва-
тивши на музейном русском языке. Но разговоры
мы поняли, что этот музей блестяще осведомлён
обо всём, что издавалось в Советском Союзе на
протяжении ^{всех} двадцати трёх лет. Индивидуально
они для всего порисовали. Сейчас на полках он
выбрал себе все книги по искусству, экономике
и географии СССР, складывал их в аккуратные
сидки, а советского художественного литературы
броем в груды, лежащие по всему подвалу.

Ни одной книги или брошюры Ленина или Сталина,
ни одной политическое брошюры или книги не было
видно. Не было и классической литературы русского
или зарубежной.

Как указали на груды, лежащие на полу, и мы
принялись увязывать книги верёвками, везём
из магазина. Мы выжили до тех пор, пока не при-
шло специально утиралось, тогда добрились до
до запрещённого времени.

138

Наутро мы сибѣ были у комендантур уже вместе с Кешинцом и Лоцадом. Таскали и возили книги. Возили целый день, и весь следующий день. Но при-мерным подсчетом до сегодняшнего дня мы перевезли в магазины свыше пяти тысяч книг, а всего возили пополам - воз Ивандскому, воз нам. И вот всё проша-ло. С утра магазины кончились.

14 февраля 1942.

Сегодня ещё предстоит день оккупации. Не писала ещё этого дня. Это было трудное время. Передавали магазины, а главное всё возили книги. Кешинцы уехали всею, и мы с Юсей всё возили и возили их на маленьких детских санках. Больше трёх или четырёх парок не помещаются. Санки перевозятся, пока скользят. Много страшно. Слово - не слово. Но перевезли мы в общей сложности в Консерваторию свыше двадцати тысяч книг, да в магазины больше пяти. Кем-то уже было оставлено много на сожжение, если их можно было задрать. И такую миграцию! Больше всего Маяковского, Осиновского "Как закалялась сталь" и великое множество другой советской литературы. Возили вдвоём. Книжки не помогало. В эти дни, пока мы таскали книги, произошло много важных событий. Ушёл первый поезд в Германию с добровольцами. В семье у нас ужасная повсюду: Сидман похитил в полицию. Татьяна плачет всё время. А она

139
князей, что это необходимо, что земля он будет
заниматься только уловками. И что он нам еще
пригодится. В качестве нового задания "ехать в бо-
рское ловить воюв. Об этом этого нам не легче.

Закрыть "наглухо" базар. Книжку купить нельзя. Земля
какого, газон уже кончился.

Позавчера вечером немцы вдруг выключили по всему горо-
ду радио и передавали обстрел их тяжелой артиллерией
Ленинграда.

Как замк не можешь двинуться, сбитый взломом земли,
и не можешь на смертельном огне не бегить, так
и мы не будем в силах выключить радио, слышали
несвертываю, неудобно передачу. Все, что осталось
в нас еще живое, потрясено до глубины души этим ~~у-~~
~~добен~~ удобным рассиреном нашего великого города.

Независит наполняет нас, но независит наша бессиль-
на. Везде поперекному нет никакой связи с нашими,
ничего.

А ночью немцы выключили передачу обстрела и сообщени-
ю о новоназначенном комиссаре Украинь-Могучини и о
приезде на Украину Гублера.

Мамани передан вместе с книгами из ФКА. В библиоте-
ке Академии sciences Получил и вместе уже новый
медь-конец по границам Бенцини. Помощница его
- Луиза Карловна Граубжевич, которая была совсем не-
замечной машинисткой в библиотеке. Возвращение ее
произошло с удивлением. Рассказываю, что для

через три после прихода немцев, возле дома, где она
жила, оставилась микерная немцевская машина
и вывел огнев вахтовый немецкий солдат. Оказалось, что
это её родной племянник, сын сестры, которая жи-
вет в Берлине. Через два дня Луиза Карловна стала
переводчицей в Генералкомиссарате, а вот теперь -
помощницей директора Библиотеки Академии.

Каши все ушли всею за продуктами, а мы остави-
лись волноваться.

С 8-го видна несколько раз. Он посылал в сапожничью
мастерскую челенком и одной рукой производит само-
изготов. Много представляю себе, как это возможно.

24^е февраля 1942

16 февраля снова открыли базарь. В тот же день
говорили о приезде Молчанов и Шубера.

В улье охотничьи безрадостная, нигде уже не слышно.
Магазины закрыты охотничьи и немцы его открывать
не будут. Так соотв. Луизе Карловне Бенцкинг, ко-
торый ведет и издаётся в Академии и жить в
не всей Академии.

Арестована вся Урава несколько дней назад. Все
переходит к немцам, и тем, кто не знает языка,
работать нег. Возле переводчицы слухи о том, что
безрадостных всех будут отправлять на работу в Герма-
нию.

С 1-го марта предуг. каких-то событий. Очевидно, это в
связи с негавишемся наступлением немцев, о котором

на и предательство воздуха. Шак, наверное, кто-нибудь
выдаст тех, кто сейчас висит в одной деке на Бесса-
радке и на Кержене. Невозможно понять, как это:
„висят, повешены, наши люди“. Но грань, сдвигившая
грань на мило.

В газете слова каждый день перегаеда во всю ширину
последней сдвигившей приглашение додробово егер в Ци-
манию. Не знаю, отойдет ли в одной поезд с додробовыми.
Но они, очевидно есть, потому что в еще больше
прогрессии, чем безработица, возрастает число голод-
ных и нищих. Проселки больше, чем тех, кто в соза-
нии или подашь. На всех улицах, на всех углах сует
старые и совсем молодые женщины, дети, старики.
Кемель, красное, черное, надменные проходят
мимо, словно мимо деревьев сурдов, а наши люди
низко опускают голову от стыда, потому что не-
чего дать и невозможно видеть голодных, которых
не в силах помочь. Это в двери сдвигившей голодные,
исможденные мужчины, вероятно идущие из плена.
Все просит есть. Особенно обескуражи голодную не две
недели, когда были закуплены базарь. Для чего их закуп-
вали? Единственный ответ - для неживых существ.

Сейчас от слова праздничного. Который не так, как в другие
собрание времена на рундобном маре. И слова не
ни все есть. Только ни у кого нет денег.

Сейчас идет процесс по городу. Карманов она 20го числа
Мен, кто не имеет насмерть, в связи с этим выданы

трёхмесячные свидетелства. Для получения их замолвилось
семь анкет, которые свидетелствам обязались
двумя поручителями. Поручителями должны были являться
в домоуправление или в полицию и подтвердить, что
рекомендуемый не красный партизан.

В библиотеке в последние дни "царствования" Понуря,
произошло сокращение. Уволили З.И. Семашкину и Шибренко.
Шибренко не выдержала этого известия и повесилась,
оставив старую мать и погубив совсем ослепшего двенадцатилетнего мальчика. Настроение в библиотеке
всё время ужасное. Понурях хотели уволить и Дибу
Влад. Волошину, но не успели, только понизил её
зарплату. А она с матерью и звучит деиблами и
так голодает. Вот какое сейчас время. Кто его
перечислит? Индешка свинорка ~~всё~~ и брюшница всё
усиливается. Воздух нег, свежа нег, мила нег.

Понуряно совсем. Ещё в перницу нагало таять и
солнце. И таяло дружно, словно уже наступил весна.
А в тени было всё равно двадцать градусов мороза.
По утрам в воздухе был чудный морозный туман, как
зимой. И пронизывает он до костей. И так и природа
словно в слове с нашими врагами, всё время против нас.

Среда, 25 февраля 1942,

Воздух не виден ещё за вчерашний день. Всё время смер-
тельно холодно. Засыпаю сидя, стоя, в любых усло-
виях. Спала днём, ночью у Кюси но все просыпалась ре-
шительным своим всем вестер, а ночью и всю ночь. Так рама-

ривает голод и холод. У нас еще кос-как тепло. А у Юси все время 3-5° ниже нуля. Снеги все в куче, как? Даже трудно себе представить. После этого сил словно три месяца на голых, ногах, спине. Или словно пере-хаживаем на ногах тяжёлого больного. Только бы не озвереть от этого всего, не пожелать того, что называ-ется землетрясением достоянием.

Сегодня, быть может, вернется лёна. Она уехала с братом Керинада Бенедом за продуктами. Уехали на санях, а сейчас идёт. Идёт дождь и сильный дурной запах исходит с кар-той шиповой. Сегодня серое небо и южный ветер. Сил ай дождя подует и сделается грязным. Еще один-два таких дня и выехав из Киева не везут дурной ни на санях, ни ввозом. Везде кто-то принес новость, что весной война окончится и что Украина окажется у немцев. Что нам тогда делать?

Как подрастет до наших?

И еще притесним новость, что в Харькове немцы так же, как и в Киеве, уничтожили всех евреев. ~~В Харькове~~

Точно вернутесь на несколько дней назад. Уехал Керинад, совсем. Ему удалось с товарищами по прежнему работе устроиться на селекционную станцию - Весёлый Подол. Это в сотне километров от села, где сейчас Юсини сестры и сестра с детьми. ^{своей родной} ~~оставившей~~ лошадь Керинада отдал ~~сестре~~ брату Бенедо. ~~они же Юсини Филипп и Клеменца на второй день войны и пропали пешком своим восточным километром. Она же за что не хотели оказаться у немцев, но так и не увидели от них. Окружение в районе Оржицы загнано их в~~

~~селе Старый Урсавец. Там они и расставят тележки.~~
 Товарищи Кегинада знают, что он коммунист. Но никто не выдал. И вот тележки их несколько человек уезжает из Киева.

В субботу вечером собираем в путь Кегинада. Этим их девять человек, едут поездом. Кегинад раскидывает сразу допрашивать до Урсавца, а в начале марта долгие идти отсюда подводу, так может быть мы узнаем, что сейчас с Кюшиной семьей.

На вокзал, несмотря на такую же вези, погори безрамки. Вокзал пустой, возле него ни одного человека. У ворот старого вокзала часовой. В старом вокзале комендант. К нему пошли отъезжающие. Он выдал билет. Оказалось, что у отъезжающих худшей судьбы по телеграммным временам командировки. Они могут ехать поездом.

Мы уехали у ворот, в которой беспрестанно везут немецкие машины. Капролив сгоревшее здание погубь. Пустынно и дико. Никто не напоминает Киев. Здесь некогда жили. Ни одного украинского лица, кроме нас. И немцев тоже нет, кроме тех, что в автомобилях, и часового.

Приехали отъезжающие с билетами и мы сбега бегом побежали на вокзал, в ворота, где когда-то был выход на перрон. Там уехали ~~представительские~~ Мы вошли в вокзал. Он стоек вверху. А внизу путь, разбитый ~~он~~, словно задрожанный двоя. Недросель,

кашки и доски. И ветер шумел. Ему никто не препятствует. Команды дежурных по станции остались целы. Там собрались немцы и редкие гражданские пассажиры. Айтинда в соображении гасового вошли все на перрон. На первой платформе, уже с паравозом, стоял маленький немецкий поезд. В нём всего пять вагонов. Из каждого купе двери открываются прямо на платформу. Окна впереди и задние, дикром. Везде немецкие надписи. Гасовой сказал, что вагоны топчат. Пока электрички управивались, мы стояли на платформе. Подошла какая-то женщина с сумками, с пущой на них казиминой был дух.

«Вот проситесь?» - спросила она. Эй удивлённо ответили, что не. Тогда она стала просить у каждого вагона, у немцев, чтобы её взяли. Но тогда в назначенное время поезд отошёл тихо, без всяких звонков или свистков, а она осталась на перроне, как и оставалась правоуказание.

Значит, можно «проситесь» на поезд, несмотря на расейрей, который просят всем, кто ходит даже только возле железнодорожных путей?

Мы ушли с вокзала, никто нас не останавливал. И никого не осталось с нашими уходом на пустом вокзале. И на вокзальной площади ни одной живой души.

Никто не может ответить, почему у нас немецкие поезда. Посмотрели ли так быстро здесь узкоколейку, или у них тоже были поезда, приспособленные для наших рельс?

В пятницу я была последний раз в редакции Академии, где сохранил аж на передачу магазина. В редакции оказались хорошие люди и выдали нам за месяц перекуса хлеба и смет. Неожиданно в четверг получили три килограмма хлеба в редакции, а в пятницу последние три килограмма в Академии. Сразу так много хлеба, что даже не верится! Но это последний хлеб.

Ушла из редакции, и на злом окошке мое отношение с магазином. Он стоит с оголенными внутренностями, разбитыми осколками сарафана, и с розовой шелковой наклейкой о кондитерских. Он стал совсем чужим, магазином, а еще несколько месяцев назад в него приходили бить с грубой и просили дать им "душевного кнута" перед боем погубить, или перед смертью.

Да, лучше не думать.

25 февраля, Гасов вечер

Две новости соотчим мне сейчас. Первая - что закрывают все курсы немецкого языка, так как угрожая на них, ягоди, скрывались от трудовой повинности.

Вторая - невероятная. В газете на днях было извещение о том, что все камни, безрукие, безногие, мушкетеры. В возрасте свыше 45 лет, а камни-тренировки независимо от возраста, могут явиться на биржу и получить право бесплатно хлеба. И вот сегодня, сегодня сказали, что вместо хлеба их отправят на Лукьяновское кладбище, в Бабий Яр.

Поверни ли нам хоть один здоровый человек, если мы

об этом когда-либо расскажем? Но по мне 24го сентября
всему можно верить.

А во вчерашней газете есть значительное сообщение
по поводу трёх повешенных. Это в "казнах" за
подвиг немецкого шпионства. Как мы увидим.

Воскресенье, 8 марта 1942

Международный женский день у всего передового ге-
ловечества, а у нас это семидесятый день оккупации.
Вчера и сегодня снова весна. А позавчера вчерашний
день ощущал северный ветер, пахнул снова массой снега
и снова температура упала до 18° ниже нуля.

И всё-таки уже весна, потому что вчера с утра снова
присрело солнце, и, хотя в тени было холодно, на солнце
тепели руки, а небо было синее, весеннее.

Мы слышали вчера первую музыку за всё время с нача-
ла войны. Это была лекция-концерт в институте
Аксенко. Который вроде музыкального семинара, как
некогда бывали в консерватории. Только много не на-
полняется во вчерашней лекции "русских консерваторских
семинаров".

В неуютном зале театральное искусство всё вышше:
канцелярия, урядная часть, сцена с одобренными демо-
рациями и студентами института и консерватории.
Студенты театрального института все с баулами, вме-
сто галстуков, с кобцалами на руках и с мешком.
Студентки жемянские. И все они русские, правда го-
варят, а во время лекции пишут драматургические этю-

ды и мешают слушать. Студентки консерватории здесь в гости. Они сидят тихо, когда музыка умолкает. И всё время разговаривают во время исполнения. Лекция была о развитии вольнолюбивой сонаты и о французском романсе. Конечно, тихо у немцев и итальянцев хорошая музыка. Не так обидно, что теперь только их имеют право слушать!

Говорят Крахно. Он говорит так, как сказала Галка, громко не слушать. Поном и врач Беклемышев главными и тоскливо. Вокруг все разговаривали. За кафедрой где канцелярия и учительская, шумит Асангуров и во весь голос басит Гриммондов. И никак не сосредоточиваясь на сонатах Боккерини и его предшественников. И кажется совершенно неслышим, что в такое время мы слушаем музыку. Совершенно не до нас!

Удивительное, загадочное впечатление. Студентка сказала о работе на лекциях, гисел в институте. ^{Израиль или из них} (Когда и когда полове Кинь и Караитович? Не даром у всех у них длинные волосы и бороды. И говорят они только о высоких материях, словно нет никакой войны, никакой неволи.

После короткого перерыва Осипи Авсенико открывает второе отделение. Ему показалось странно вступительное слово. Но оно у него не очень понравилось. О нём он не говорил ни слова, поэтому что много о нём не знает. А в Рахарде Израиле говорят глупости. Родри возмущаются всеми педагогами, ищущими, кто сообразил Авсенико такое плохое его слово. И от этого всего делается ещё тоскливее.

От всей ответственности ещё острее ощущается удобство тех, среди кого мы теперь оказались. Всеми теневыми в правде. Сидрашное дело-национализм поднимает на свой ступень муринх председателем подлинной украинской культуры. И вворачивается так откровенное сидрашное их шваресства, что превращают в национализм таких подлинно интернациональных председателей украинского народа, как например, Шевченко.

Нен Филимонов. Его пенне державляет нагрознее удобствстве. Живёт он в комнате, в которой замерзает вода, а он всё-таки поёт.

Мятинца, 13 марта, 1942

Снова зима. Снова холодный ветер и сильный мороз. А ветра шало, тепло, снег совсем подурел, сделавел грязным. И снова испугались сениа дорога. "Обоз Гинлера" двигался ветра сдобными трудом. Все эти негаситива сапожники-нищие бредут, падаа от уста-лости, в дачёкие теперь сёла. В близкиа ничего не меняа. А весна в этом году никак не осилит суровую зиму. Это должно было бы помочь намим, но ничего худого не слыш-но с зрониа. Ничего не знаем мы о наших. А немцы всё время соотдают о налёдах на Москву и о пробреще-нии в центре её важнейших в военном отношении объектов, об отрудном умиротнении нрфёк советских армии и т.п. Московское радио очень задивалос и сводок Индизин-бюро совсем не удаётся учитывать. Попадаем только на Госвне Днязодь.

Люди живут надеждой. Какова же она у нас? Многие

надеялись на окончание войны в скором времени, но если объективно смотреть на вещи, то близкий её конец скорее принесёт победу только немцам. Отлив боинской кулак наших солдат они захватили. И скорее нужно им теперь нашим, но отбросить их назад. Выходит, что нужно надеяться, и драматизировать терпение и ждать улучшения наших дел. Парадокс, но очевидно в задержке войн сейчас залог нашей победы.

Понятно сделать что-либо для наших крестьян и рабочих. Никто не знает, где же те подпольные группы, которые оставлены здесь для работы. Их ищут, но не находят. Все боится друг друга и сидит в кругу.

Недавно приходил "А". Он пришёл в немецкой форме. Говорит, что это необходимо для работы. Сейчас он интересуется некоторыми сведениями, которые я даю на эту работу.

Когда он пришёл в такой одежде, сердце у меня одёржилось. А вдруг я ошиблась в нём? Но он говорит, что нужно терпеливо ждать, выполнить то, о чём он просит. Когда будет нужно, к нам придёт.

Организацисское мероприятие составляет Ф. Он уверяет, что нашёл уже связи с нашими, рассказывает новости с фронта, и уверяет, что победа наша приближается.

Бывает у него чудно. Несмотря на рану в локте, он научился одной рукой шить обувь. И мы ходим к нему под предлогом починки туфель. Также весело ходить с Иуркой на руках. Немецкий комиссар, где он живёт,

развораживает действительность.

Я пишу, так как пришла на себя обязательство всё рассказать нашим, когда выйдут. Но понимаю, что если замеси понадеялись в руках наших друзей в предагеленные руки, сколько я могу погубить. Поэтому все замеси держу в специальном железной коробке под дощками в сарае. И знают о них только самые близкие люди.

Немцы ведут ^{уже} ~~уже~~ самую немилосердную политику уничтожения нашего народа. Угнетают всякой жизнью. Каждый день приносят новые свидетельства.

Закрывать все магазины. Уже не торгуют ни одни комиссионные магазины. На всех их висит такая же думачка, как на магазине обувном, "моём": "Bestehlagt durch Generalkommissar!". И только сегодня и завтра в последних трёх комиссионных магазинах производится распродажа всего по пониженным ценам. Ковры, золото и бриллианты концентрируются немцами.

Меня в все жизнь народа только в одном месте - на базаре. Там есть всё. Там продают последнее. Там, как Эзерские, относятся на базар последнее, что есть - кровати. Спать будут на полу. Молва долго ли еще будут спать? У них последнее вещи и последнее есть. Продают последние шубы, шубы с собой, пальто и кофты, продают то, что было сиротами на гёрновой день, поэтому это чернее дня не придумаешь. Пославские, полураздетые женщины сидят засади в грязи под мокрой снегом и за это не выторговывают даже десяти рублей,

чтобы купить такую вещь. Взирая у Довыцкого заодно
 пошла сюда и интересного вида украинка. Она стояла,
 уткнувшись в лицо в изгородь, красная от стыда. Про-
 сить милостыню не легко. Вспомогательница на базаре
 в грязи, ~~сверху~~ ввезла лицом. Вокруг стояли людиной-
 ите, безразличные к ней зрители. Они смотрели, как
увеличилась поспешные губы, видные из под майки,
 каждой ей закрыли лицо. Она продавала эту майку
 и не продала. Нищо не поднимал её.

А тут же рядом сидели сменщицы и ~~подсказали~~
 сигналы девок. Их кожаные майки, вышитые на
 шивоте, и в состоянии спрятали все кучи денег, ко-
 торые закрывали они, по поводу голодом.

Среди напивавшихся ещё мавзышки, которые тор-
 гуют каширскими сигаретами и сахарном. Они
 ставят сигарет под дверями домов, где расваржи-
 рованы мадьяры. И последние охотно ~~торгуют~~ торгуют
 сигаретами, сахарном, содой. Выбравшиеся девушки
 и абдурты, которые никак не замешают сахар, сигарет у
мавзышек лишь рублей десятков. И не только на ба-
 зарах, но и в тишине пустых улиц можно услышать звон-
 кие мавзышеские голоса: "Кому сахарина?", "Кому
 сигарет, "Луна"?", "Кому сигарет, "Леванте"!"

А киевские умирают.
 Работы не обеспечивает тех, кто работает. Промышленники
 не хватает даже на несколько дней. Работы поучающей
 очень мало, меньше всех. Ситуация неидеального Довыцкого,

но все ценится за радостью, потому что с каждым днём всё больше и больше закрывается учреждением и число безработных катастрофически увеличивается.

Академия закрыта. Уже всякие дела в ней прекращены. Сохраняют работу в Чираве и в других наиболее важных учреждениях. Немцы упорно ведут политику удручения всякой жизни в городе.

Самое страшное в нашем положении не безделье, а не жизнь, а лишения. Нет. Тяжелее всего ратозарование (нет, это совсем не радость) в людях, вернее самое тяжёлое то, что мы открылись перед бездной полной аморальности, окружающей нас.

Пришли враги, с моралью человека неависимости.

Но это чудовищный наш мир, с которым векуны в единство советский народ. К социализму, в единство.

Поэтому это наши надежды на революционные силы в Европе пока не оправдывались. Об этой морали нечего говорить, кроме того, что постарайся её нужно уничтожить.

Но это скажите о людях, которые воспитывались в советском обществе, а вот теперь мы видим столько ужасных, непоправимых вещей. Конечно, советская молодежь молода, и, быть может, не успеет до конца считать моралью всего нашего народа. Но ведь в основе её лежит всё самое благородное, самое прекрасное в советском обществе.

Итак как же получилось, что в тот же день, когда немцы вошли в город оказались дети-школьники, ещё не успевшие считать пионерские записки, которые

нарушили все понятия, воспитываемые в школе, - понятие интернационализма. Это дети, в та скрывающие еврейку для немца, убивавшего её.
 Как получилось, что советские девушки, революционерки Оксидрия, вместе с немцами и доказываю, что это в порядке вещей, поэтому что так они понимают интернационализм? И как, наконец, получилось, что среди наших людей находятся предатели, выдающие секретов коммунистов и евреев, и откуда все это, словно из другого мира ослепление национализма, продающие нам ирод не хуже Теглерь?
 Вот так тлусело сознание всех этих страшных вещей, окружающих нас, которые не понимают никак. И должна минут, засть полного отчаяния и полной утраты всякой надежды на возвращение наших, на то, что вернется наше ^{родное} ~~домашнее~~, советское.

Николай Мосиндубин работает теперь в ЗАГС'е Подольской Управы. Недавно ему принесли триста паспортов умерших в ~~Наваховской~~ ^{Киримовской} области. Среди этих паспортов был и паспорт моего дяди Родиона Ивановича. Мы скрывали это от Лёши. Поэтому что уже известно, что немцы убили думовно бойцовых на электрической силе. ~~Иван~~ Евреев помещавших тоже убили, итак же их немцы не регистрируют. Да, немцы делают всё для уничтожения нашего народа. Закрывается всё, что могло бы быть в малой мере способствовать улучшению или хотя бы ~~у~~ ^у сохранению

жизни наших людей. Красивый Кресу у празднён. Ещё
 теперь только какой-то малознающий коллегу
 взаимопомощи. Но и о нём ничего не слышно. Обшир-
 ная работа, которую на первых порах плодотворно
 вёл Красивый Кресу, теперь прекращена. Никто
 не ищет больше пленков и пропавших без вести.
 Безрадостных слишком много, чтобы им можно
 было помочь. „Слишком много!“ — это стало те-
 перь символом наших дней. Клеба всем не даёт,
 потому что нас слишком много. Работы всем
 нет, потому что нас слишком много. Немцы
 отказали работникам библиотеки в помощи на
 том основании, что их слишком много. нас
 слишком много, а немцам до нас ^{очень} слишком мало
 дела. „Борьба благодать в руках девололовых
 фанатиков“ подвергает народ в глупое уныние и
 безнадёжность.

Сколько семьдесят семь дней оккупации — вот это
 действительно слишком много! Но сколько ещё
 это может продолжаться, никто не скажет.
 Никто не скажет.

Взглянув лёжа ходила на работу к немцам
 во вновь организуемую секцию торговли Генер-
 алкомиссарата. Помещается она в здании здания
 Пионеров. Там сказано лёжа иучна машинистка,
 знающая немецкий язык. Вернулась она ни с чем.
 Там иучна молодая, не старше девятнадцати

кара леб, при этом владеющая языком в совершенстве.

Во вторник была я в библиотеке. Там я узнала, что высшего ссыльного срандоль Полурехом директором назначен Николай Владимирович Ценкер, а библиотека перешла в ведение Ценкер-коммерсанта. Восседающим на работе четырнадцатый человек, уволенный Полурехом в последнее время, и записанный всем сотрудникам хорошему зарплату за евреев. Муиза Карювля и Ценкер, котые я их об этом не просила, сами говорят Бенцинугу, чтобы он принял меня на работу в библиотеку. Но Бенцинг сказал, что место для меня он найти не сможет. Так что сами собой решаются мои мушкетерские вопросы: идти или не идти на работу к немцам.

А в среду ходила тоже по поводу работы в редакцию Академии, но никого там не зашла. Оказывается, в этот день везде работали с 7 часов утра до часу дня в связи с отпуском Шевченко.

Мы с Кюсей тоже поехали на водилей.

В первый раз после прихода немцев мы были в опере. В театре холодно. Мало помогало и то, что он весь был наполнен народом. Сидели все в кайто, и только невидимой хоровой канцель в одних украинских костюмах разносили программы. Вся современная украинская верхушка была там. Управа со всеми своими органами, театральный институт, оидеологические представительства Института Академии, музеев, библиотек и еще какой-то народ. Совершенно непонятно откуда берутся

в Киеве оказалось действительно людей и слово интеллигенции. И всего три немца в театре, Среди них - Гезанг, руководивший всего "искусства" Киева. Эти три сидели в мраморной ложе безафача, и в противоположность всей нашей публике, сидящей всегда в самых неприступнейших позах, сидели, как деревянные, все три одновременно наклонившись или откинувшись в креслах. За их спиной всё время стояла переводчица. Открыли сцену. Не знаю кто подвизался в одеждемении. Большая подброду скульптура Шевченко, та, что раньше стояла в ложе безафача. Она на фоне карнавальных пуських колосов ^{- соломы} и видному изобразивших плодородное поле, на фоне голубого неба с облаками, бо́льшее походящими на реки.

Впереди публы, украшенные рюшечками. Величавое слово сказал тот же голова Киева - Градоуверенный. Он изрыдался проклятиями несколько проклятий "предоболшевикам" и стоголово все благодарнодей "немецким сверловолостям освободителям". Потом совершенно пуськую и немощнейшую тенденциозную биографию Шевченко прочёл неизвестный нам дотоле профессор Завишневич.

Начался концерт. Сначала неважная капелла "Думка" - мензю в старинной хат под управлением Гонгарова. Начали с "Зановита". Все встали. Немцы от хрюхно, закончили канфандой Лысенко.

Это был первый и последний приличивый номер концерта

та. Ещё хорошо пела Купчугорская в сопровождении
 народных инструментов. Но основное! Бесека какое
 искусство! Вот когда видно, кто устал и кто остался.
 Немцы слушали до конца беспощадно, словно специально
 подобранный заучивный репертуар. А переводчица
 ни всё время что-то пошевелила. Запомнил концерт
 кантата Лисенко "Бог в доме". Немцы её отзвучи-
 вать как Гольдберг и Орфей под управлением
 Шараханова. Успокоили её из рук вон плохо. И весь
 концерт намёг Шевченко для юных и взрослых
 нашей ^{менее} ~~дурковатой~~ интеллигенции и искусства.

С Академией ^{кажется} ~~никак не заговорила~~ свои отношения.
 Которая сидела в ^{там} ~~Академии~~, уже запомнила редкую
 и никакие сведения о магазине ей больше не нужны.
 Работники разбрелись по институтам, как на каждом
 из них появились немецкие надписи о конспирации.
 Академики больше нет. Остаю Лисенко добивается раз-
 решение на продолжение работы его отца.
 17 марта, вторник

Зима упорно не желает оставить нас в этом году. 18 мо-
 роза и светлый вечер. Солнце не в силах подогреть
 холос. На нашем Андреевском спуске так душно, что
 кажется идёшь совершенно раздетым. И так мучитель-
 но холодно везде. До утра не удаётся согреться.

Света нет и упорно гонимы, что с 20²⁰ ею выключают
 даже у немцев. Нет топлива.
~~Остаю Лисенко добивается разрешения на продолжение
 своей работы в этом году.~~

В субботу мы отметили именины Антонины Фёдоровны. "Празднество" по расписанию началось в два часа дня. Праздновали вкратце. Вернее как-то принеё здохнуть грешного приобщения. Это всё было сделано из мажоры. Лучше или хуже, но всё съели и были очень довольны. Выпили поминала самогона, того, что Лёва привезла из деревни. Он отбражделенный, с запахом земли, но все же выпили, что его мало. Антонина Фёдоровна съела кусок от лучших времён несколько кусочков сахара. Был предложен чай вприкуску. Выпили чашечку именины. Сидеть поздно не полагается. Все ушли домой в брасов.

Очень странно, но немцы не возвращают против празднования именины Лосенко. Пробавили же дело сами украинцы. Бензин не просьбу Консерватории выдать для выставки витрины в великой дурме оказал и заявил: "Украинцы сами виноваты. Господин Рейнгардт хотел всячески помочь организации именины, но так как украинцы не явились в назначенное им время, он повернул к нему интерес". Когда Лосенко сегодня пришёл к Рейнгардту, тот сказал ему, что именины они могут устраивать на Украине, но помощь им там-либо он не может.

Вторник, 24 марта

Появились в последние дни неожиданные новости и повод полон слухов. Уже многие говорят о том, что две школы займёт бегущими из-под Огря

и Вязьмы. Там идут ожесточённые бои, и немцы эвакуируют население - крестьян с детьми.

Свежа ещё, непогодное время не слушаем радио, и кроме слухов ничего не знаем, что на той стороне.

В Броварах, оказывается, ещё две недели назад появились партизаны, но точно никто ничего не знает.

Несколько дней назад снова были пленены по дороге.

Говорят, их было тысяч пять. Насильно спрашивают в пленении, что плакали все проходящие, и мужчины и женщины. Антонина Грёзубовна плакала поном веза берер.

Она рассказывает о том, что пленные собирали последние силы, чтобы дойти до леса. Один дружок говорил:

«Собери последние силы, надо дойти, а то тебя добьют, если упадёшь». А тебе не могу помочь, у меня у самого ещё больше сил. А если они не выдерживают и падают, их тут же добивают немцы. Тех, которые прощивали руки за хлебом, колбу давали что-нибудь крестьянское, немцы колотили палками в спину. Никто не вмешивался в обращение с пленными.

И ещё видим наши соседи, как несколько дней назад по Львовской были сброшены советского матроса, а он нем советские революционные песни. И снова все плакали и плачут вокруг. Плачут даже те, кто охотно встречает немцев. Условно не помогая никому жить сейчас.

Преземали люди из Львова. И теперь пришли ограда. Оказывается, уже можно пользоваться погрой. Писать

можно во многие египты в сторону Запада. В частности, в
 Каменицу - Познань, откуда Кросс родом. Во Львове ценник
 немаленькая ~~не~~ больше, чем у нас. И евреи живы, хотя по
 ногам их увозят в неизвестном направлении. Мусихин во
 Львове также дорога, как и у нас. Но там больше неа-
 тивит тем, кто работает.

Мы теперь совсем и медовые буржуи. Получаем мед ажуром
 два раза в неделю по 250 грамм на человека. Выходит 500
 грамм на семью. Разве мало?

На работу центрострой все так же трудно. Концы всё кро-
 дучасого закрывают учреждения. Драматический театр
 закрыт совсем. Ондра работает редко, раз или два в не-
 делю. Театр мёртв. Это не оживил даже Мосенков-
 ский юбилей.

Моусеу доть от того, что юбилей состоялся в воскресе-
 сенье, но народа было много больше, чем на Кевсен-
ковском. Билеты были парасеж. На консерваторию
 дали всего лишь 50 билетов на все три её отделения.

Перница, 27 марта

Вчера по радио передали немалое распоряжение
 о том, что все управдома должны до насхи проверить
 каменные вшей у населения. Бедная Воровьёва! Она
 вчера была уже в 13^й квартире и спрашивала, а где ли
 «отбываемых» у Евревичих. Конечно, никто не мог от-
 везить на эту вопрос. Всех, у кого будут ^{обнаружены} насекомые,
 предложено управделам немедленно отправить в баню.
 Интересно только в какую, если все бани закрыты

из-за отсутствия воды. Город получает воду в очень не-
 большом количестве. Не работает электростанция. Нет
 топлива. Сегодня утром в краевой воде температура едва-
 едва и стояла у края бассейна очередь. У нас берут
 воду ввчители всех соседних домов. В этом году нет
 ни одного дома в Киеве, где не замерзла бы вода и канализа-
 ция.

Земля весной и даже летом пойдёт такими же темпами, что ско-
 ро всё расцвет. Весна прекрасная день весна, а уже на глазах
 снег остаётся только в ложбинках. Днепр подурел и возле
 гавани бассейна голубые заливь обработана вода, коро-
 рая незначительными порожками вливается сейчас из города
 в реку. На нашем Андреевском мосту через мостовую
 мезбза. Бурный огромный порок несётся всё время
 вниз, громко шумит. Возвращенная улица замора
 воды от дома до дома. В неё стекает вода с газ и
 течёт, глянцевая белая и чистая, сплошным потоком
 до самого базара.

Долгожданная весна пришла, наконец, тепло совсем.
 И только всё ещё не вернётся, что уже будет тепло.
 Кажется весенняя растущая, и нежные самошки
 совсем водиваются из сил. С трудом теплут они свои
 санки по грязи и воде.

Ужасно говорят о том, что немцы со дня на день
 собираются начать мобилизацию молодого населения
 для поставки в Германию.

Сегодня видела "А". Он был в Карькове. Идёт сведения о

169
о своей семье. Знаешь, у него есть связь с нашими. Говорит,
что Харьков разрушен меньше нашего, но много поврежденных
виден на улицах города. Евреев там тоже уже нет.

Волнуешь, что его поручили мне совсем неизвестными.
Говорит, что в Союзе всё по-старому. Никого не слы-
шлось с Правительством. И есть у нас теперь самые
подлинные сведения о том, что И. В. Сталин действительно
в Москве, что вступил на подорожном параде ~~и~~ и что
речь его соответствующая тому, что мы знаем из немецких
и из журналов. Но и другие случаи тоже огласить
подтверждаются: митрополит Сергий действительно
возвращен в Москву.

Я просил ~~и~~ поддаться у нас. Он живет поучительно.
Работает где-то у немцев, и всё время боится, чтобы
его не узнали. Стыдно за него.

Воскресенье 29 марта

Во вчерашней газете рядом со старшей дирекцией
«Нового украинского слова» «наметки з нами на
Стефанову дирекцію» в траурной рамке довольно
следующее объявление, по поводу которого мы только
разводили руками:

„В неділю 29 березня, після Архієрейської літургії,
яку відправляють в Кафедральному Св'ятого Апостола
Андрія Первозванного Соборі, Преосвященний Вла-
дике Киканор, Єпископ Ізиринський і Владика
Тар, Єпископ Уманський, відбудеться о 12 год. 30 хв.
урокиє на каменя з приваду створієня з дня народ-

где-то недалеко попереченному не на жизнь, а на смерть
бьются, убивают, - скринами и грают, невячь поют. И если
когда-либо казались, что искусство лучше, то как
дикое звучит оно сейчас!

Я была в начале концерта. На улице снова снег и
холодный ветер. Всясь нег и качается, что вовсе не при-
дет она в этом году.

Поутру был миль с Юсией у Юлии Николаевны. У неё месяц
назад снагопосудило ущемля март. Она огулаась совсем
одна в утрасном соудалии. Мы сидели у неё и вспоми-
нали всех своих, особенно Аду. И ~~всё~~ без конца говоурили
всё о том же. Читали письмо Миши. Ему хорошо в
Умани. Он имеет много уроков. Просит прислать
ему пость. Никто не знает, кто он. А отъ Александра
Мурковика давно уже нег известий. И это очень стра-
но. Можно думать всё, что угодно.

Четверг, 2 апреля 42

Сегодня льются бесчисленные потоки воды, дует юж-
ный ветер, но небо серое, пасмурное.

Сегодня субрасной четверг. На новом моём месте
работы даже раньше окончими работиу, тогда все могли
пойти в церковь. Через две дня всюдная пасха. В
этом году все пасхи в одно время. Но эту поводу
многие язвят, что нецца даже пасху и ту застави-
ли явиться тогда, когда им захоелось. В связи
с праздниками цены на Базарах снова возрасли в
несколько раз. А работалоуние получили к „празднику“

огуредной хлеб и по килограмму муки! Масса возмож-
ностей для празднования пасхи.

Но пусть работавшие будут довольны, потому что Киев
должен уже дать тридцать тысяч безработных от 14 до
50 лет в Германию, и я сразу же попал в эту очередь
вперед.

Но мне крупно повезло и я оказался, ~~я~~ потому что уже
работал, благодаря протекции одной доброй сотрудницы.
Когда попал словно на крепостную монастырскую фаб-
рику. Это художественно-промышленный союз. Из
его организаторов знаю одну руководительницу
масурской Маргу Тимофеевну Чередуку, ~~одну из та-~~
лантливых художниц-вышивальщиц и мастеров
народного творчества. Работает мастерская на немецких
магазинах. Производятся кушеры и художественные вы-
шивки. Помещается союз в усадьбе бывшего Михай-
ловского монастыря.

Слово "нан" висит в воздухе, как мгла, которая
бьет по голове. Работница получает по государственному
оплату по немецким тарифам - восемьдесят про-
центов платы, т.к. они женщины. А нормы должны
выполнять огромные. Дисциплина починена, тем у
крепостников. Месно, одна подле другой, точно слов-
но крепостные, сидят ряды девочек-подростков, угаде
вышиваю. Им ничего не платят, но после трёх
месяцев учёбы они будут работать здесь в мастер-
ской, ~~а это должно означать отправки в~~
Германию.

И все это добровольно, потому что полуграмм в килограмм хлеба в месяц, 200 рублей денег, и, главное, не поехать в Германию.

В комнате, где я работаю в должности художника, 22° жарко. Здесь краснеют и сушатся головы, руки и ноги кукол. Их жаром лепит из наивысшей бригады лепницы. Там ещё душнее и жарче. Запахи ливаса, мяса и скинидара делают жаркий воздух совсем несущественным. А работнику все невздор. НERVE подгоняют. И чувство крепкой зависимости слаще-вадет лишь ~~твое~~ сознанием, что многие ~~Антони~~ значительно хуже.

Сегодня вилрой день моей радости. Начиная с того, с чего когда-то начинала своего трудобучающую жизнь: рисую дробы и ресницы картинкой и куколкам с глупыми физиономиями.

Смотрю на новенькое. Советского радио нет. Только немецкое. В нём сообщают, что немцы отпугивают атаки большевиков и ~~тихоньким~~ дураками обстреливают Ленинград.

Багровый 42

Агросы Гиглер госатам веруемым величайшее удовольствие. В погв под наску было дозволено ходить беспрестанно все погов (удивительно, даже не по-добным диверсия!). И заутреннее случилась в час, когда ей положено. Ну это ж, пошлой так: Гиглер-пошлой, который не пользуется все средства для расположения к себе населения,

И вонь мь, „гдѣ одцего одразобаниа“ тѣмъ носилим
нахаибннго смущеду.

В Андреевской церкви - украинская церковь. Это та
церковь, которую по-слухамъ иконозничешной мурро-
полки „всел Руси“ Сергий призналъ недействительной. А.
Гендере архiereя или ~~ф~~ архимандрита (не разбирался)
украинскихъ (ему гжевно возражали здесь газеть).
Смущеду на украинскомъ языке кажется намъ еще бо-
лее чуждымъ и чуждымъ, нежели славянская. И сму-
чителей украинцевъ подобрали все какихъ-то нево-
годящихъ. Молва была что не даржественная смущеду,
а просто словно содрались иконобаже, мшѣнныя смуха,
музыкажи, и затѣнули песню, кто в лес, а кто
по гроба.

В церкви холодно. Народ, который надлежало в ней охва-
та, не согрел ее. Многого и невыразительно гуляло
засты. Народъ враздрод или кипрос. Народъ зряго вози-
ливъ, вотаскивалъ инащеничу. И много не пом-
мал, что это делаютъ. При этомъ начинаея гевла
и какие-то смарушки заголосили, что их придуч-
нили. В церкви сжали чель, украинские поли-
цейские, воевшие в рядахъ украинской армии. Такихъ
мь увидели видевое. Силомъ веруающие, ~~неверуа~~
неверуающие, просто лодокатриве.

И с сербѣзными мѣлами смущама эта толпа людей
гучуко, непонетну казуебну, которую или
■ аменующую смущдой божей, которую, какъ на

театра вьх подмосках, исполнили люди в блестящих облачениях, из под кожухов мантий европейские брюки модного покроя. Иудуно нам было смотреть сьезно на эту маленькую комедию.

~~А~~ А господь бог, несмотря на такое усердное возвращение к келью, никак не представляет радости верующим. Из колодной церкви сноба на холод. Не двает зима, мороз и скользкая. Ручьи, которые текли в прошлые дни, замёрзли. "Великден", а холодно, как в январе. И огромные сугробы снега никак не вселяют надежды на то, что скоро придет весна. Все кругом нас. Еще о том, что келью воскрешаюу на наших землях решено.

"Сидроной" церкви. На месте бывшего Михайловского монастыря много будней сидроной по всей церкви и поэтому туда запретили сбрасывать мусор. Аппарно разворачивает деятельность Архангельский уездный монастырь. Бригада художников командирована в село для постройки и реставрации церкви. Там же валят. Появились лавочки (при том, что все закрыто в городе) и даже киоски на улицах с церковной утварью. И художники теперь "подрабатывают", главным образом, изготовлением икон. Понарядились для образов "портреты" всех святых, великомучеников и членов святого семейства. Теперь эта иконография наиболее ценна. Единственный соперник у святых - Гитлер. Он занимает везде почетное место. В Урахе,

наприме, между Швренко и Богданом Кимельфельдом.
 Для себя же немец, по выдуманному, гитлеру бога не ие
 много добше, чем добшевники. Там немец открыт-
 ые специалиты театры „ниг für deutsche“, специалит-
 ые магазны, кафе, парикмахерские, в которые вход
 нашим людям воспрещен, о гём свидетелствуют
 специалиты надписи. Но кирха, которая в на-
 ном порядке, не открывает и много об этом не
 слышно.

До чего же мы гоним. Нам пританцали из Европы
 всё самое гадкое, самое уродливое, то, что гавно
 нам перед влезе с крахом Росмановых развела по
 веру. А вот немец это этот крах, облегченный
 в смысле шимми и блеснувшие рещ поповские раса
 гавий на нас вековой твчесрво.

Понедельник, 13 апреля

Кампания мобилизации в Цинсацию начинае приодре-
 тать урожающий характер. Берут всех безразличных
 и даже издвешев-щён, в возрасте от 15 до 60 лет.
 Все просимся искать работу.

Сегодня была на бирже. Слышав о ней приходилось много.
 Пришлось и пойти туда.

Занимае биржа здание Художественного института
 на Вознесенском спуске. На первом сохранилось
 его стёкляные вьскы. Но над воротами немецко-
 украинская надпись. И всё время идут без конца
 люди. Когда я подошла к бирже, оттуда вели

группу отправления в Умань. Все они или украинки, украинки. Стояли в ожидании. Прохожие плелись с сокращением на эту медленно движущуюся колонну. И каждый думал, думая о том, что каждому минутой и его судьба такая же судьба. Шла молодежь и старики. В большинстве женщины. Все наизусть мешки и корзины. Горючки среди них почти не было видно. Говорят, что раньше им одевали на зиму померз, и люди пересаживали в лодки, а ставились померзали. На бирже масса народа. У комода, где регистрируются женщины со специальными, имеют огромную толпу. Это безработные женщины всех возрастов ждут какого-нибудь подработка. У зверей девушки, выпускают и выпускают из комода. Внутри за многократными столами биржевые служащие, тоже женщины, регистрируют безработных. У стола весьма энергичной заведующей всё время толпа народа, толпа молодых, просивших, просящих своих сводились карты, женщины. Тут же красноты, последние и женщины с распущенными волосами, в военных костюмах. Они громко разговаривают с заведующей и с иронией смотрят на нашу украинку, голодную толпу. Они оторванные, самоодобовольные. Не подозревая их трагедия, разгорячающаяся вокруг. Одна из них пришла, чтобы взять с биржи и передать в женщины для работы в Комиссарате по переноске книг. И вот каждая из них

вся дрсагря с криками к дзери. Уреницонъ гавитъ дужу
друра, умоляюу заведующую, немюк, протъчиваюу свои
сипше картюжки.

Когда безработитъ полуреае работю, ешу обмени-
вают сипшоу картюжку на розбучю.

С 8го числа агмениено сипше с урета дурци по липитъ
требовашем. Никто не можее поступитъ на работю
и тем спасенъ отъ отправи в Цуканшо. Если кро-
мидо, как я, крпосий тредванне с оитмеркой орам,
тшо он поступит на работю до постаовленни, он долкен
получитъ революцию дурци дурци с разрешеннем
сипши еш с урета.

У дзери дурци дурци огромная очередь. Люди суют с
клетч часъ утра в холодное каидаре, где не на тем
сесетъ. Над очередь возвошаеа тисовой досит
Гайковсого. У него отбит нос и поделу, вернемо,
так цусидно тледит на очередь еш шуде глза.

Люди муришешно цедут. От времени дурци дурци
зависит селгас их судоба. А он не торошит их
приниматъ. И часо за центъ час с тудом про-
ходит один человек. Я беруае в масурскиш
не огранмившес и буду пока без тудовой картюжки.

15 апреля 1942

Голод приодрегае украситне размеръ. На базрах ничего,
а тшо чшо поввидеет абсолютно недосущно. Сипшак
тцена срут от 17 до 20 рублей. Из города на одмен
вонит не втл ш. за расцудитъ. Крестьяне не едут в город

по той же причине и еще" далее управли в Эрманию.
 Весна неж и неж. Погода украсил^{возра} ~~возра~~ ванима макронт
 снег и елова все" было ~~мы~~ застало снегом. А вврга
 и сегодня едким молочном тирман. Он сейчас съедает
 снег и людей вместе с ним. Люди умирают без конца.
 Нищо не можеш есечидайб количестве украинск людей.
 Пришла вврга взволнованная Вуродтёва. В связи с тем,
 что в Килве действует подпольная коммунистическая
 организация, трей всего где возвали всех управленов
 в полицию и предложим дать сведения от всех членск
 партии, комсомольцах, кандидатах партии. Было
 сказано при этом: "Мы всех их вселим и унидрочим."
 Канниадра, или ввргее продолчаедр, огуедная
 сираниал кампанна. ~~А мы так и не плещи никакака~~
~~сфидтот.~~
 Снова идёт снег и дождь. Погода словно специально
 придумана, чтобы еще усугубить и без того невыно-
 симое состояние полной безнадёжности, которое
 охватывает всех нас. И голод всё усиливается.
 Людей и вода Люговские распухли. Ицанья Георгиевна,
 с каждой мы работаем в мажуской, еси картошка в-
 ные мушайки, водрошентые тугговками. Люди на-
 дают от голода, и не видно просвета. Озимых хлебов
 не в этом году, а яровых в снегу не посеешь. Да и
 заберут его немцы, если они и дурят где-нибудь. И не
 ели бужайеся с этими мушительными бессилием и погуби-
 мы, погни зертныи земляном еснб.

С фронта никаких новостей. По поводу готовится ве-

семеня насухли и не мешаю заливаться, это в будущей кампании их интересует не захват территории, а уничтожение живой силы. Здесь у них в этом несомненно больше успеха.

В понедельник 20 апреля день рождения Гитлера. Говорят, будет свободный день. Выше два свободных дня подряд.

17 апреля 42

Ужасно говорят о существовании в Киеве бойцовой коммунистической организации, но никто этого не знает, и связи попрежнему никакой нет, и всё ограничено лишь в области разговоров и предположений.

Рассказывают, что все же возле Макарова в одну из ногей появилось сообщение с самолётов извозки с воззванием к молодёжи не ехать в Германию. Но на следующий день туда выехала бойцовой отряд немецкой гандармерии. Никто не знает, что произошло дальше.

Уменьшили количество хлеба для работников, а в магазинах ~~мы~~ его никто не получил ни разу в апреле месяце.

Вторник, 21 апреля 1942

Вчера отпраздновали "именины Гитлера". Шан, но крайней мере, все "поздравляли" друг друга. Емму в действительности исполнилось 53 года, о чём и возвестили вчера радио и газетой. Но этому случаю

понедељник ^{дан} одливали ^{не} парадним ^{днем} и већ ^{на} неде-
 љне ^у Киеве ^{получило} аж ^{по} 500 ^{грамм} ^{муки} на ^{економично}
 номии ^в качестве ["]подарка["]. Об ^{этом} ^{также} ^{было}
 одливлено ^в газете, ^и ^{не} ^{примирили} ^{замедлить}, ^{что}
^{выдавая} ^{мука} ^{именно} ^{по} ^{этой} ^{поводу}. ^{Кроме} ^{того},
^{разрешили} ^{со} ^{взглянутого} ^{дня} ^{ходить} ^{до} ^{всех} ^{часов}
^{везде}. ^И ^{пара}.

Везде ^{по} ^{радио} ^{выступал} ^{Гейбель}. Он ^{произнес}
^{речь} ^{по} ^{случаю} ^{дня} ^{рождения} ^{Шиллера}. Кто ^{знает}
^{немецкий} ^{язык}, ^{говорит}, ^{что} ^{речь} ^{была} ^{весьма}
^{скромная}. Гитлер ^{редко} ^{упоминался}, ^{был} ^{всё} ^{говорящий}
^о ^{пероде}. ^{Свои} ^{речи} ^{сводился} ^к ^{тому}, ^{что} ^{всю}
^{тяжесть} ^{руководства} ^в ^{стол} ["]союзное["] ^{время}, ^{как}
^{теперь}, ^{Гитлер} ^{несёт} ^{одна}, ^{без} ^{подготовки} ^{помощи}.
 После ^{этого} ^{из} ^{какого-то} ^{большого} ^{зала} ^{Берлина}
^{передавали} ^{девятую} ^{симфонию} ^{Бетховена}. Не ^{рассказы}
^{ли} ^{замысли} ^{дирижёра} ^и ^{солиста}. Но ^{это} ^{была} ^{неоды-}
^{зачная} ^{музыка}. ^{Невыдумому} ^{играи} ^{грандиозной} ^{оркестр}
^и ^{огромной} ^{кх}. ^{Кем} ^{замоглаживайте} ^{солиста}. ^{Никогда}
^{не} ^{приходилось} ^{слышать} ^{девятую} ^{симфонию} ^в ^{таком}
^{исполнении}. Но ^{до} ^{теперь} ^{еще} ^{чувствую} ^и ^{тычилось} ^{было} ^{от}
^{сознания}, ^{по} ^{какому} ^{поводу} ^{эту} ^{музыку} ^{могли} ^{играть}.
^{Эта} ^{музыка} ^{большого} ^{человека} ^и ^{революционера} ^{господствовало}
^{многого} ^{человекоопенавистика}.

Гитлер ^{был} ^{парад} ^{немецких} ^{войск}. ^{Парад} ^{был} ^{идти}
^{смотреть} ^{на} ^{парад}, ^{оценивая} ^{от} ^{немецев} ^{его} ^{угодно}.
 Но ^{кое-кто} ^{был}.

Парад проходил у здания Университета. Там за день до торжества выстроили трибуны. Она сделана очень просто. Обтянута серой парусиной с красными и белыми кантами. На парусине два красных знамени с чёрной свастикой на белом круге. На колоннах Университета немешущий орёл со свастикой в клюве. У входа в Николаевский парк на высоких маршах ряд красных знамён со свастиками. На трибуне и под ней свои Генерал-командир ^{Ун.} Парад принимали инаугуранты, очевидно Могучий, Розанов, Бенгардт. Просто смертные не могли пройти на такое расстояние, чтобы рассмотреть лица. А по улице проходили войска. Говорят, что это было неотрагическое зрелище. Мундир немецких войск отчужденна. А на параде они выглядели, ~~говаряли~~, как гаси одной, безотрадно движущейся машины. И словно специально для них собола чудесная погода. Но что же значит, если от вида ступих, добровольных немцев под синим небом, на улицах нашего города, ещё нескртимее демает сознание нашего позорения.

А ~~люди~~ люди радуются, что "дали" по 500 грамм муки. И все несут корзинки, и верят галочки. И радуются тетеу, потому что солнце не только светит, но и греет даже.

28 августа, понедельник

~~В воскресенье после обеда встретились радия~~
 У нас у всех угасное настроение из-за доноса на Р. Не знали, что демает - предупредить или не предупредатсь в его. О доносе может быть ввиду малю,

а человек с ума сойдёт. А не предупредит - вдруг
возьмут. Надежда Васильевна, после отчего совета,
решила предупредить его и П.И.

А вгера вдруг оказалось, что приехал Миша. Его
выдали в Чмани. Это теперь снова предчувствую,
ума не приложу.

А весна всё равно не в этом году. Опоздала на нас
природа. Сегодня холодно, словно вот-вот выпадет
снег и зёрно-серые тучи поглотят землю и кровли домов.
Днепр всё расширяется. Уже почти не видны его древние
берега. За неделю вода подняла на полметра, а за
субботу на метр. И Днепр от серого неба совсем
свинцовый, бурый и словно презабный. Из ветра
шершавый и грозный. В городе, правда, сухо, но сно-
ва все в зимних наметях.

30 августа

Новости, новости. Каждый день новости. Вре подер-
жёнты! Никогда, как сейчас, не удалишь мь сгольво
Без, как сейчас. Уже новое важное распоряжение:
всю молодежь от 14 до 18 лет в Германию. И вот
забирают детей от матерей. Пока ещё не берут
урающихся. Ганку освободили пока урёба в Консерва-
тнши, но новость она позавтра всё-таки получила.
И военный был вполне достижимо, пока Мессен
вгера дошли освобождения для своих студентов.
Сейчас Ганке в среднем порядке управляет ~~на~~
рабочей бригадой на работе где-то возле аэродро-

мы. Если шаш не войдет, пойдём на завод посидеть Горбу.
 Работы не лёгкая для четырнадцатилетней. Но как угодно
 и это угодно лучше сделать, а ехать в Германию не везет.
 Мы знаем, что в Германии наши люди на положении бес-
 правных рабов, за которыми престола. А здесь мы всё же
 темнимся и мнозем, что мы только завоёвывать, но не
 победить, и что где-то там за океаном земли
 есть ещё огромный Союз. И задача у всех
 одна выжить и дожить до возвращения наших, чтобы
 немцы не грабили всё взято от наших людей, а по-
 том воевать за независимость. И чем больше умрёт
 из нас, тем лучше для немцев. Мы это уже хорошо
 знаем.

Правда, умереть теперь тоже роскошь. Похороны
 умершего не никакой возможности. Место одно
 лишь стоить 600 рублей. А гроб заказать и вовсе
 не везет. Хорошей людей в нарядных кадрах. Деятели
 и просто. Богачи, правда, слушают торжественных по-
 хорон. На днях хоронили какого-то почтарника. Шёл
 священник, несли кресло и играли оркестр. На всех
 улицах шли евангелии. Для нас это всё ново и дико.
 А умирают всё больше и больше народа. Не выдержи-
 вают, главным образом, ситарники. Многие имеют урас-
 ный вид: распухшие, с отсутствующими глазами.
 Резким контрастом выглядят немцы и наглые насе-
 ления, которых их обслушивают. Некаждые девушки
 в обильных кадрах юбок кажутся полуголыми.

Снова говорят, что закрыты базары. Но, всё равно, они не достигли
 бы большинства населения. Дороговизна и их ужасно дорого.
 Энерг всё ещё расходуется. Уровень воды поднимается в нём
 на семь метров. Почти совсем не видны дальние берега.
 Он гёрбит все эти дни от свиного неба. Вспеть всё нег.
 Сегодня снова всё ослепит дождь. Он всё же не переставая
 ни на минуту. И небо безнадежно затянуто, как в лужной
 ослепило.

Меряют землю для огорода в Киевлянах. Наши огорода
 будут возле Святошинского моста. Трамвайная линия
 нет, ходит далеко и не в зем. Легко будет ходить
 басиком. Это примерно 12-14 километров.

Тяжело и трудно. Рёбра у всех обнажились. Но
 сибтам Сани, они стесни, как тара. Но всё там
 нам тяжело работает.

^{Только} Но никакой связи с нашими. Сибтам не в Киеве
 никаких современных людей. Им же нам не верить,
 никто не приходит к нам. Ср. одежде, что свзвб
 будет. А гавно не дол.

4 мая 1942

Итак мы отпраздновали первое мая. Кемперы
 тоже отпраздновали этот праздник. У них он называ-
 вается днём освобождённого или свободного труда.
 Но нам праздник вышел такой же чудовищный, как
 и наше настроение. Мы (дождь беспросветный)
 Он не прекращается ни на минуту. Демонстра-
 цию перенесли с первого числа на второе. Первого

гисла все работами, как об этом. И только немощным
 учреждением повезло - их освободили с часу дня. Первое
 гисло не сожжилось, а второе - сурбужа, было испарено.
 Всем было предложено идти демонстрировать
 своего признательности Германии за освобождение!
 "Было указано место каждой организации на площади
 возле Университета. Подвиги места не попадались.
 В Киеве осталось так мало народа, что даже эта
 небольшая площадь, где прежде было тесно студен-
 там Университета, была не до конца заполнена
 "демонстрантами". Собирались шумно было к зданию
 гислам. Это предполагалось на первое гисло. А поскольку
 перенесли на второе, то пошли не все. Нашу мастерскую,
 например, отпустили домой. Мы с Зиной пошли
 посмотреть на Днепр. Разлив в этом году всего
 на сорок пять сантиметров меньше, чем в 1931 году.
 Вода залила уже ЦЭС и Кабаченно-Кремляшну-
 куло улицу. Грандиозная набережная мучь и а
 мур возвышается над водой. По улицам ездит на
 лодках. Зашиты дома всех улиц, входящих к Днепру.
 Муханов осудов весь над водой.

5 мая 42

Немцы старательно скрывают, что на мостах авария.
 Наводнение ли повредило их? Или партизаны?
 Или, быть может, правда, что вытеснили загнившие
 парходы, и, несомненно водой, пошатнулись бочки. Только
 одно известно достоверно - через мосты все эти дни

почти не было движения. Пропускали лишь три-четыре
легковые машины одновременно. А грузовые стояли
на берегу, и даже военное снаряжение не переправ-
ляли на левый берег. Грузовые машины все повера-
живали назад.

Сейчас в городе всем организационным формам передты
на картошки. Это - месячный паёк работающих
(8 кг в месяц) и посевная картошка для огородов - она
ре. Землю уже размечают, а посевного материала
нет. И вот эту картошку никак не взять погрузит
с той стороны Днепра, а на эту сторону передты
не дают. Поезда никакого нет. В связи с тем, что
посевов из семян, как и из города, не выпускают
ни одной подвозы.

На базаре есть всё, но по сравнению с довоенными
ценами. Сейчас пшеница 20р., рожь - 12р. хлеб - 70 руб-
лей килограмм. И всё в таком роде.

Везде слышали землетрясения. Откуда - не известно
слыши, что болели Дарницю. Говорят узнали об
обсидении Машинка и других станций. Советские са-
молёты всё также посещают нас. Но с фронта ни че-
го не слышно. И где теперь фронт, не знаем. Сводки
пустые и туманные.

В газетах пишут, что в Ленинграде умерло уже
миллион человек и трупы лежат во всех кварта-
лах и скверах. А неофициальные сведения говорят,
что немцы от Ленинграда очень далеко и что уже
освободитель от немцев गई Япония и Латвия. 197.

Ветер приносит камни холодного дождя, кажутся, как
осабу, стугані в окопите шісна и медлительн сфуд-
ли сдѣлаюу сползаюу вниз. И снова кажутся, что не будет
тепла в этом году.

Сегодня день маленьких пшениц. И кажется, что сама приро-
да нежится вместе с нами. ~~Видно~~ ^{сейчас} Ветер ^{сидит}, как
живое существо, как маршальскя думя, как наши думи.
Но оуего поскобаго и маршальскя вѣду? Он вѣдь счастливее
~~нас~~ ^{нас}. Он может пошегалъ на ту сторону. И никто не в силах
его ожаловитъ.

Через город что дил в день идут немелкие войска.
Говорят, что ерши в пятъ миллионов двинулись к
фронту. Оукуда то пршели шведские, что Совет-
ский Союз увеличил армию ар дв миллионов человек.
И снова, как всё время, разное смухи ходят по городу.
Говорят, что Ленинград не в окружении, что в Союзе
нет голода, что там уже много антишиского и аме-
риканского возмущения. И много говорят о том, что
немецкя проигрывают войну. Только это никак не отра-
жается на положении оккупированного населения.

Как Киевом каждый день советские самолѣты. И люди
оуе в халѣт вѣрнѣ, ~~и~~ в то, что авария на железно-
дорожном мосту вызвана бомбами с советских вѣрредов.
Но мы ничего не знаем, как и всё время.

Вчера прошла комиссия Квиря. Зѣ нашли годной для
Германии. И сегодня в восемь часов она долужна
была уѣхать. Хорошо, что Ганка работает. Не знаю,

ушей и души. Тогда нужно зайти. Носю себя плохо
 губеивуеет, хуже других. Из нас хуже всех выглядят
 лёля и Нюся. И одна, и другая голодала совсем, всё
 ешараются отгаить Гале, Шурке и даже мне. Как бы
 у Нюси ничего не было с лёгкими! А вокруг сидовко
 страшных от голода людей. Качеица, гило на многих
 из них лежили уже перага смерти.

Нестко и токииво. Все вспоминается мама. И словно
 нероно ветер, воеи и воеи.

Уже совсем официально говорят в городе о том, гило
 в Германию будут забирать детей от матерей с
 восьми и чаще с негичегого возраста. Слухи, гичиые
 слухи, как отбратимевитке гадь, ползут по городу
 и разносят бредовые идеи. Детей якодь заберут
 от матерей, гилодь навсегда негичениить в народе
 всякое воспоминание о болшевизме. Выходит, гро
 мой путке о том, гило поедут в Германию Алексан
 и Шурке, принимае вид гудовичной действительности.

Но ести и халоине вести. Много слухов о том, гило
 Ленинград еце в явеве освободился от окружения
 и гило Крби освободеден. Говорят, гило земля дрожит
 вокруг от Ленинграде от отсрема, но гило население в
 городе нет, а ести только войска. Как гичивы ить
 освобождения нашему великому городу, городу Ленин,
 городу Петра, городу русских! Его балият, но одедре
 миваеб уже не могут, потому гило немцев отогнали
 добовно далеко. Гило по слухам. А гачеб, действитель-

ко, говоря только о бомбардировках и ничего об обещании.

7 мая, суббота

И-да!... Это еще предстоит выяснить нам "освобожденным" народам? Сёла и города сиюномского. Кемперы ввозят население. И если несколько дней назад казалось, что кампания отправки в Цимлянско пошла, то за эти два дня накатилась новая волна.

7го утром все учреждения получили приказ в тот же день позвать списки по определенной форме. И известно совершенно однозначно, что это для отправки в Цимлянско. Позвать списки должны все украинские учреждения от самых мелких до районных и городских управ. Списки подали, а город не знает. Кто не знает, кого будут отправлять, все ждет новостей. И это мучительное ожидание терзает всех.

А пока ввозят детей. Вчера отправили Витю Кабанца, и все, кто слышал об его отправке, все плачет. Колесник не пошел, что у него ^{были} сеновалы одежи и ребра. Заехали ребята на пункте на поев. Посадили в кукурузу команду, сказали пожить на пол. Дети возвращали. Их были полешейские. Витю удалось убежать зрелой, а мать его Машу за это арестовали. Он плакал всю ночь, а утром его отвели прямо на вокзал. Там весь народ зашуршал голодными, босыми крестьянками. Железнодорожники уходили бегом надбитые детьми. В таких жеманках впереди два вагона с гусановцами, а сзади два вагона с нами-

вейскими. Ситон и тлаа наполняют вокзал. И не только вокзал, весь город, всю Чухлинку.

Двенадцатого уходят эшелон с девокками. Из нашего двора идут на коммисию Анна Митовская и Анна Тимовка.

У них нет знакомых немцев. И никто им не может помочь.

Шестого уехала Клора. ^{И ей} ~~Клима~~ не смог ~~ей~~ помочь.

Она всё время плакала. Полмезейские, которые ведают отиравной, груды до предела. Урабатывает некому.

Провозила Клару Косю. Она говорила с одним из немцев на пункте, который сопровождает эту эшелон.

Везут их в Баварию в город Вюрцбург. Куда они там поведут не работнику, он не знает. Посоветовал предпринимать Клару, чтобы берегла еду. Ехать дней семь, а

едя у них на три дня. Разговор о газетей еде в пути оказался очередной выдумкой. Во лтботе все ~~привидели~~ ^{привидели}

самоудрадику, но немцами „обезвоживающее“. Говорят, что в Германию привезли уже вшей и сыпняк, если

они у них не свои собственные. И не мудро: кусок мяса на базаре стоит 250 рублей.

На этих днях придти эшелон возвращённых из Германии. На всю Чухлинку их великом 750 человек. Было, говорят, их восемь тысяч, да по дороге и пятьдесят увидели

от голода. Дорога шла в семь суток, а еда не дама никакой.

Красивые слухи расхути день ото дня. И ещё страшнее делается от них.

Понедельник, 11 мая 42.

Новосаи без конца. Ни одного дня без новостей. Вчера нам разрешили ходить уже с 4-часов утра до 9 часов вечера и приверживали новые приказы. Говорят, город о невыезде и невыходе ~~из~~ за город без специального пропуска, который выдаётся районным управлением. В этом же приказе предусматривается всё трудоспособное население в возрасте от 14 до 55 лет о том, что все должны по истечении биржи явиться в семидневный срок на работу, предписанную биржей. В противном случае виновные будут наказаны как саботажники, а имущество их конфискуется. Это всё случилось кольцо вокруг Киева. Выхода нет. Германия висит над головой, как Боденокот мег.

Среда 13 мая

В следственной газете немцы пишут, что на Керченском полуострове немецкие и румынские войска начали наступление. А в газете за понедельник, в русских "Последних новостях" есть статья по Гелленбу, которая называется "Керчь в надежде второго фронта". В этой статье в промышленной сфере тоже говорится о помощи англичан высаживаться на восточном берегу Ла-Манша. Люди их было несколько человек, в дощатых на резиновых поддонах, с подержанными лицами. И при первом окрике ~~забыв~~ постовах патрулей они побросали в мешок атомарные револьверы и бегали в лодках назад. Но главное в этой статье не промышленный тон по адресу Англии и Америки, а то с каким неочиданным благородством и уважением

после 4-го апреля. А я сегодня, наконец, получила издую карту.

14 мая, Грабовь берега

Ошеломляющее взвешие пришло сегодня из Брестаров:
 в связи с успешным партизанским действиями за Брестаром,
 арестован Лужевский и другие радужники лесничества.
 Взять от в качестве заложников, Тамара, которая
 была отправлена туда к отцу в виде спасения от Царя-
 ми, не смогла продвинуться оттуда в Киев. Ковчег
 это огнев ступающая. Их, арестованных, обещают расстре-
 лять, если не выйдут в доброту. Это имеет значение
 — случилось ли поединок, о котором говорили, под дулом, или
 произошло взрыв на пути, никто ничего толком не знает.
 Нужно сделать за Лужевского и других заложников,
 а между тем радужное гусиное расчёт в сознании,
 что наши не складывающ оружие, что не всё ещё потеряно.
 Сегодня первый действительный темный день и вечер. Не-
 стало молнии и радужные молнии. Далеко сегодня спокойный,
 серо-голубой. Всё сразу зазеленело. Но не веселее от того.
 Не помогаю утешению насрощение и вид Киева.
 А, если бы уехали Киевские могли бы вернуться сейчас
 на мёртвый город, который слышно слышит нам заме-
 гательный когда-то Киев! Они не узнали бы его и
 ужаснулись.

Трашваев нег. Во многих местах река в подрыльств
 ржавиной. Машин в городе только немецкие и
 те огнев изредка проезжают по улицам. Ни гуд-

сах, а теперь (мы стараемся отсюда) они согласны на
 бессидронное отлучивание немцев. Особито кадрируются
 на немецком фронте смазливое девчонки от 15 до 19 лет.
 Намне не боится отправки в Германию. Не боится и послед-
 ствия. Известно, что многолетнее отделение доблестно
 никогда не знала такого количества адутов, как сейчас.
 И всё это благославляет властью, которые ввели только
 ко одно мероприятие для издана - репутация для орга-
 низованных худших форм. Мы не можем только понять
 одного: кто эти девушки, вы они дети? Неужели
 много не осталось в них от советского воспитания?
 Шанс теперь наш город. Его заселили немцы. Их
 бойцы, гетто киевлян, заправленных, голодных, при-
 занных по фронтам.

Синие, голубые, серые, грязные мундиры несутся на
 улицах. И резким контрастом выглядят на фоне их
 откорректированных, выхолощенных физиономий, неужённые
 лица наших людей. Последнее время появились толпы
 пухлятые немцы в шпайских костюмах. С ними ходят
 тоже откорректированные их драгу. Они ходят с видом козлов,
 осматривая город. И ещё появились украинцы, в зе-
 лёных, как бутылки, ^{военных} ~~шпайских~~ ^{шпайских} с огромным количе-
 ством блестящих пуговиц. Этих пуговиц наших вез-
 де, где можно и где нельзя, даётся на задку. На голо-
 вах у них розетки, на западный манер, шапочки
 с маленькими козырьками или караку смужковые
 кудряшки с увеселенными дольниками. И под этих голов-

ных удобств торговли замечательные гуды. Шаши выде-
лишь либо в театре, либо в карикатурах, подражав-
ших мажорскому или мажорскому бандю. И еще
есть западные украинцы, которые пришли с немцами
из западных областей Украины и, которые, в Бель-
жиасте своим смодули на немецких господ с подо-
бострастием. Это они сбивают чью и одевают рвань
подв на свои под свои западные и немцы.

^{республики}
~~Для~~ ~~два~~ ~~назад~~ в пошла на своеобразное, или неиз-
вестное, зрелище. Молодцыя толпой провожали
из церкви архимандрита мгауского рожа, в мно-
вом ксодуме и заграничном плаще, с посохом, ше-
ствовавшего вашио в кругу своих пошугайцев.
Я решил, что это какая-либо демонстрация или
поуар. А теперь вижу, что это ежедневно повто-
ряется. Его окружает еще и светлые, новостриженные пош.
Кавказом, теперь и дейи нагнут свои чредные уши
с "Ойце наи". Объявлено, что дейи допустить явля-
ся 18го мая в школу, потому что начинаются занятия
в первых четырех классах. Коллегство школ уменьшено
до минимума, а дейи теперь допустить привести в
^{туда}
~~школы~~ в обязательном порядке. Там или "обещают"
давать обед и завтрак, и воспитывать в духе пол-
ного забвения и искоренения из памяти следов
Бодьшевского воспитания. А кто же ухитится в этих
школах? Пока ничего об этом не знаем. Только ма-
тери в учасе: боится, что дейи соберут в школу

и организованно везут в Урмашно. Приказ об отмене, как и все теперь, строго обязательен и строго притупителем.

~~Итак, теперь мы знаем, что, несмотря на огромные
труды, все же и у нас есть~~

Сегодня принесла газету. Она ударила, как отухом по голове. Мы все же надеемся, что весной наши начнут наступление и будут перелом в войне, а в газете только сообщенье о новом наступлении немцев, и судья сообщают об их ~~победах.~~ ^{успехах.}

И трудно, очень трудно в такие моменты сохранить надежду на нашу победу.

Сегодня Зина плакала от счастья, когда рассказывала о том, что немцы били ее отца-сидарника. Мы же люди гитлеровцы. Они злы на Урмашно. Расстреливали наши здесь несмертные богатыри и покорность, а наши разлучения и кеновничество.

~~Итак, теперь мы знаем, что, несмотря на огромные~~

19 мая, вторник

Только что принесла известие, что заморские в Ленинграде освободили. Оказывает их действительность взяли переставший человек, потому что партизаны действительно существуют под дулом пистолета с немцами. Им грозит расстрелом, если не найдут виновных. Но паром, говорят, привели человек сотню арестованных. Кто они, нам неизвестно? И только заморские отпущены. А кто-то придет

слухи, что Будко в под Вулицами повесили Мерно
Бенченко и пять партизан. Кто Бенченко для организа-
тором партизанского отряда. Правда ли это, никому не знает.

Сегодня всё время какое гудело, что либо все сошли
с ума вокруг, либо у меня в голове мутилось. Только
еще менее понятно происходящее вокруг.

Весна. Или весеннее лето. Сразу стало жарко. В воскресенье
для первая жара. И сразу всё зазеленело вокруг. Киев
красив, как всегда весной, если только не идти никуда,
где бродить. И шум телевизора доносится через открытые
окна. Только шум эти неподвижные для Киева. Криками
детьми, хотя их и много меньше телевизора. Полагаться. И
бесконечно поёт свои доверять радио.

В ресторанах, которые телевизор на каждом столе, играют
джаз. И рестораны, и джаз самого низкого ранга.
На улицах продаются курьезы и зефирная. Еще больше
появилось кешев на улицах и девчонок в сверлях платьях.
Они все смеются, блатают, а не ходят. И всё это на фоне
целых армий нищих и голодных, которые сидят на всех ули-
цах, в Николаевском парке, на базарах, у церкви. И
еще более ярким контрастом вопреки нам народ, на
фоне расцветшей весенней природы. Ведь голод еще ^{не ушел} чувствуется.

Еще не ушел голод

В мае, Витруник

Снова не пишется дневник. Телевизор перерыв из-за работ
на огородах. Мы в пятницу, воскресенье и понедельник
копали огород. Кто ^{та} ~~та~~ новал камнями, корнями заливает
сейчас весь город.

197
27 мая, среда

По газетным сведениям на фронте: „Окружены возле Каргова три советские армии; два генерала, много солдат с собой; Каргов окончательно занят немцами (?). Севастополь - обороняется. Возле Керчи (всё по тем же немецким данным) взято 168 тысяч пленных.“ (Мы видим, что пленных ведут через город. Но ведь это не могут быть пленники из-под Керчи). „Замято 33 населённых пункта“ (где неизвестно)... „Контрнаступление Итимощенко в районе Каргова свершено успешно. Немецкие войска привержены к новому ~~во~~ ~~во~~ вооружению. Советские Атаки советских войск успешно парализуются контратаками немцев.“ Это газетные сведения.

А в газете слухи: Каргов переходил из рук в руки; наступлением Итимощенко прорван немецкий фронт. Немцам оказывалось упорное сопротивление.

В Голосеевом лесу исчезла доблестная группа гетометанов. Они организовали партизанский отряд.

В Голосеево не шёл.

В Броберах снова сдвинули гитлеровцев партизаны.

В воскресенье все мужики Броберов (в том числе и брат Кши, он эго рассказав) были арестованы с 7 часов утра до 3-х часов дня. Потом у них на глазах повесили пять гетометанов и предупредили, что в случае повторения каких-либо эксцессов, будут повешены кардинальные из них. В этом деле, никто из них не знает. Из пяти повешенных у трёх приоткрылись

было обнаружено оружие.

Страшен сам драк, но страшно и то, почему происходят наши люди. Неужели немцы сами могут найти всех, кто против них? Думаю, что не могут. Значит самое ^{ужасное} ~~страшное~~, что свои возьмут своих.

Одесса в Германию продолжается. Крестьяне сожжены тысячами. На вокзале больше снэз, чем при проводках покойника. Крестьяне бегут, а в виде возмездия немцы вешают наших людей в деревнях. В городе берут уже радостных, правда, пока плавильным образом, технический персонал.

И всё, что вокруг нас, начинает походить на вакханалию. Въезжали все Снодарки и Труханов остров. Люди на вещах сидят у Днепра и у дверей управ. Или содраются заселить пещеры Подол. И умирают. Каждый день регистрируют более пяти тысяч случаев смерти среди всемирцев.

Огородь кончат, напугать, сеют. А сегодня Луся рассказала с опозданием, что немцам поправились засеивать, и уже засеивают взомедные огороды, и они перепахали и засеяли тут себя все украинки, родственные населению подле Караваевых дач.

204 Немцы бьют наших людей буквально лишь за то, что посподрились в их судно, или поодрали, не посподрились. Главное темень-рептильи немцыкие дурные. Еврей-ужас! Еврейский вопрос не оставляет нас. В воскресенье, понедельник и раньше видны отозв евреев.

Мурчишь спрашиваю, заросшие. Они из-за Венгровки, на железках не нашего типа, запертые в двух-трех конных-лошадях. Резом-конвойные немцы. Не каждая отоз - одна ~~туша~~ туша вздутой лошади. Не без оснований предполагаем, что этой лошадиной падавью их и кормят. Везут их под Харьков. Сами они говорят, что их везут ^{убить} ~~убивать~~. Семьи их уже рассределять, а их везут, чтобы первых послать на минные поля. Они ничего не просят. Род у них уже не здешний.

Мы теперь им на что не реализуем, но волею шевелится от ужаса.

А украинские газеты никак не успокоятся: всё без конца лезут перед немцами и поносят евреев.

Весна пошла в ходом. Садь отцветли. Цвети ~~был~~ сильный северный ветер, который дул в воскресенье и в понедельник. В этом году нет ни одной мухи до сих пор. И нет пчёл. Немцы стали все мед, и они пропали от голода. А откуда нет мух, никто не знает. Думают, что они померзли. Уже цветут сирени, ирисы и ландыши. Они одуряюще пахнут. Нога солдат. В этом году их очень много. Садь закрыть, а землю в них копать под огородь.

Урожай нечего ждать в этом году. Земля не засеяна. Крестьяне копают копаками и совершенно законно не ходят спать. И сюда их вешают. Намот на кур - тридцать и пять яиц в месяц (не каждой курице (!))
 Так мы живём.

От Солодовникова записка, написанная им 14го января. Копия и через месяц, а дошла. Догадываюсь, что он здесь не случайно.

29 мая, понедельник

Сегодня курвал курвал позв. Свежий огромный, яркая луна. Коего гудеое, синеое, тёмное. В городе тихо до цути. И тоска, мерзущая тоска, от звёздущих кашраидов, от тёмной ночи и от этого безразличного неба. Это безразличие природы особенно ощущается от того, что уже восемнадцатый дней живём под Харьковом, что снова подвиги удивительных, решительных, взятых в плен.

А в Киеве уже совсем невероятными темпами идёт германская кампания. Везде криками сиски в нашу мажорскую. Из сиа геновек задраивают трудящие в гудеое. И мар и сиюи сидит в мажорской. И в гисе других полумка подвеску. Это забавило млая прекратимит разговорь с совесидю и иттии цроситъ, тидот мена прители на радонту в нашу дидмажеску. С 1го числа дуду радонитъ нам.

1го июня 1942, понедельник

Эти три дня мы в утраеном созодении. В субботу по радио передали специальное сообщение об окончательной победе немцев под Харьковом. Той, каковой думел с 11го мая, по сообщением немцев, окончился политич разгромом и уничтожением трёх советских армий. При этом немцы взяли 240 тысяч пленных, 1290 танков,

SDO с личным самолётом и какие-то огромные количества другого вооружения. Выходит, что эти сообщения о нем преувеличены, и всё равно, у всех у нас в эти дни болит голова. И все плачут в воздухе всё время.

И ужасное внезапное производство немцами кампаний. Менедж её продаёт немцам. Уже освобождать могут только немцы - капиталист Диркс и его замесуров. ^{Еще} ~~еще~~ две недели назад директором было принято с введением комиссии из поликлиники к инспектору работной Уравн, но менеджер он не имеет права освобождать даже с немецкими удостоверениями.

Инспектор посылает на директу к господину Крогеру, начальнику её. Там сидит толпа волнующихся, преданных решений своей угасшей людей всех возрастов и положений. По дороге немцы-солдаты втягивают насильно ^{в каморку-то комнату} проходящих по коридору молодых женщин и оттуда их прямо отправляют куда-то на работу. И до сих пор не понимаю, откуда взялись у меня силы вырваться из его цепких рук, когда он схватил и погасил меня. У замесуровина Крогера сидели два гаса. Многих он освободил, тех, у кого были справки о нетрудоспособных и удивленных или елиса радостно, если учреждение задолго брости где своих сотрудников. Люди волнующся, курят и сидят за эти гасы. И кажется, что целые годы жизни проходят под дверями этих бравадных, бездушных вращающей наших судеб, за гас или два, пока сидит гас.

202

Если учреждение задумано для своих ~~соотечественников~~
рабочников, фирма ставит таковыми на трудовой кар-
точке печать „забезпечено“. И хотя фирма сама
сравнивает эти печати, она сама же посылает на этих людей
повестки. Недавно ли действительно это освобождение? Многие
говорают, что пометка Крюгера „Bleibt in Kiew“ освобождает
совсем, но никто из нас в это не верит. И все это, как
на газетных ушах или на пароходной бочке.

Целомов в Урманию ходят одни за другим, а писем
оттуда огнем и огнем мало. Многие чухали еще в январе,
феврале и до сих пор у них известия нет. Приходят изве-
ста, в которых мало веселого. Просит прислать хоть
немного хлеба, потому что „солдатская“ Урмания не может
то кормит наших людей. Они рады. И если бы здесь тоже
рады, то хотя бы за проволок, среди своих, и ходили по
перейдкам, а там нашим людям можно ходить
мимо, как скот, только по мостовой. Много слухов
о том, что девушки наших исповыдают там для
домов терпимости. И нет у нас оснований не верить,
если теперь совсем открыто централизованная эти
дома. На Соломенке возле Токоловки есть дом, в
котором тридцать молодых людей, специально при-
ездивших для этой цели. Они говорят, что возвращают
их на работу в Урманию, а привозят сюда.

До сих пор, хотя уже скоро восемь месяцев с полтора
как немцы здесь и можно было бы привыкнуть к тому,
что происходит здесь. вокруг, до сих пор, особенно

теперь, когда Киев так красив, ~~теперь всё кажется~~
 когда всё цветёт вокруг, всё кажется, что какого-то
 ситрашиного дред или коммерческого сон охватил нас. И этого
 мне кажется, что я схожу с ума, поэтому это никому
 из нас не понятно присутствие на наших улицах
 этих жёлтых, синих, голубоватых мандилов, толстых, от-
 кормленных немцев в юбках в юные колени или в муж-
 ских штанах, немцев в трусах и дредовых шлемах
 с перьями, с голыми жирными красными ногами.

Не понятно бесчисленного множества икон, картин
 религиозного содержания, многогранных свитков, целых
 малазний церковного одурявания, помельких безвкус-
 ных афиш, паркоградских картинок, карикату-
 рных реклам и многих других вещей и людей, кото-
 рым было бесследно изгнать от нас все 23 года. И Киев
 живёт какой-то другой, неосуществлённой для нас жизнью.

И это вовсе не сон и не дред, а ситрашиная наша действитель-
 ность.

Бывало, правда, и поблужки киевлянам. С сегодняшнего
 го дня пошли для одураченного пользования в дамские концы
 трамвая. Билет стоит один рубль. Но какое это будет
 счастье для огородников. Затем откроется театр
 оперетты в помещении Русской драмы. В помеще-
 нии бывшей оперетты тендер "Варвенте", в субботу
 и воскресенье по два сеанса.

А для немцев - казино. Там зарабатываются
 на хлеб наши украинские артисты. Играют Корна

204

ков, и грабов в тѣри Екклерина Николаевна Масленнико-
ва и Драгоманов. Поощряется только, что дозь класси-
ка украинской мурьки Мосенко и стѣи всевѣа грѣмлю
украинского педагога так пренебрегли своимъ достоянствомъ.
Немцы такъ же вѣли новое начинанье в Консерватории.
Открылся немецкий отъезд, военный и гражданский.
Будущі немцы ушлѣтъ мурьке на всехъ отъезденныхъ.
Заведывающі отъим отъездомъ оудей Кароловтов. Такое
нововведенье возложено помощей Консерватории
удерживающѣ и еѣ не закроетъ. Немцы заводятъ свои
правила: погему-то они котлеи платитъ каждому
педагогу положенную плату сразу после каждого
урока.

Консерватория чинно борется за своё существованье.
Всѣ гаче она даётъ концерты и этимъ завоевываетъ
себе право на цезив. Борьба за существованье
теперь огенъ трудная, и каждому изобрѣденъ в
ней, кто какъ мочетъ.

Одни изъ способъ борьбы - огородъ. В воскресенье во
все пригородные места тѣнутся люди с лопадами,
граблями и самодеятельными тѣмеклами. Кто копаетъ,
кому пащутъ, но все поле вокругъ Кіева покрывъ рожь-
трапавы, которые рожуся в землѣ. Кто получилъ
посевную картошку, кто купил, у кого еше" не еѣ
совсемъ. Но огородъ нужно обрабатывающъ и только
никто не знаетъ, удастся ли ихъ сохранить.

Мы с Юсѣй пащутъ урестокъ на Консерваторской

земле между Свирцом и Бехттрами. Там огромный кусок земли поделен между организациями. Пока наши мужьямать содрались поделить в грасидки, кто-то замалхал погуби сорок соитьх из сийа сдога. Пока вспоминали всю осрамбичю землю, одна рущемли, тию еще кто-то отидвагал с сиемь соитьх. И спрашиваю не с кого, сами винблаеть, тию поздно содрались.

Мь вспоминали свои сиемь с половиной соитьх на Тройицу. ~~Там~~ Нам огеиь ^{комотла} Поле, живущая у Иоси. Без нее мь копали до еще два дие. Везде посадили два с половиной пуда картошки. А дураки и грасоль, посадише на Тройицу, уже начали всходить.

Итти нам на огород два гаса. Пути туде, наезное, километров девять-десять. Пришла дорога с первого Святошисского моста, взовавшего перед уходом нашими.

Мь идём среди масса людей. Во все стороны мгуся немешкие огромные машины, мотоцикли, велосипедь. На всех символах символ немешкие надписи. Немцев много идё, во все стороны по шоссе. А еще добные Киевляне плещеся по обогнаня дороги из города и в город. Они наввогели мешками или запряцели в тележки. Каких только изобретений не в "ободе Шрера"! Начиная от машевых тележек на перикоподшипниках и кончая тележками на колёсах бобине метра в диаметре, с ресорами, а гаче без них, на двух, трёх, четырёх и даче одном

колесе, деревянных, металлических, из джипков, из дешёвых колёсок. Все они разные, трёхшпалы и тараканы и на все лады. Я видела тележку, в которой все гильберто-леса были разных размеров, самых неподходящих друг к другу. Самая красивая жизнь тёмная на базарах и в обзорах на этих бесплодных обширно-огородных грядках. Когда свернёшь от Москвы в сторону Сырца, сразу словно приглушается Москва. Нахлеб земли. Поют соловьи. Кружатся лягушки. Тихо кружат. Только предна где-то далеко слышатся.

Всё зелёное, яркое вокруг. Ещё на прошлой неделе цветет сад: Деревья были белые, словно облитые цветом. Только ветки одни белые, и неизвестно, цветели ли появились завязи. И хотя осень так рано добирается к нам с кошей или тёмной грозы, мы нас сейчас это отидьх. И если бы только не было так тяжёло снова окунается в нашу украсную действительность, когда возвращаемся домой.

4 июня 1942, гетто.

Иван я снова в Библиотеке Академии Наук, которая называется теперь Wissenschaftliche Akademische Bibliothek des Generalkommissar. Уже гетто уже я здесь. И привычка уже, хотя всё время такое глупство, словно хочу поскань, где лежат умершие. Закусилеши, грязь, тишина. Книго не наполняют ни людей жизни, которыми некогда наполнена Библиотека до краёв. Библиотеке зашь покрывать годовую

нство, и запах в них зашкварен от согревшего солнышка
 воздуха. Тёртыми перлами в окнах закрывают
 себе куски дикта или картона, всёравненько вмести
 вместилища от взрыва, снейка. Ни одного цветка не
 сохранилось в бидмоуеке. Они погибли от холода. От
 морального холода погибла бидмоуекая жизнь. В
 бесудном снейке и поголом зашкваре ржавыми перла-
 ми. Это через дырявую крышу вода лилась беспре-
 недельственно вниз. Везде смрад мёртвых лежачих
 книг и ржавой мебели. И только между лежачи-
 цами снейка, словно вчера пожавленько, какно
 с арнаментами центрального озонимения вьжавки
 Фраанко. Краски не вьзвели за год. Но как больно
 смотреть на своего радичу, сделанную в северное
 время и опозоренную тем, что на холсте под имитацией
 авиографа Фраанко висит лозунг Гийлера: „Наша
борьба — борьба правды с ложью. А так как правда
 всегда побеждает, значит победили мы“. И ситрашко,
 огиб ситрашко, что такой лозунг так цинично может
 поднимать на црий грашиса!

Менедь много места в бидмоуеке. Все комнаты
 пустые. А как трудно было раньше получить место
 для радичи. Улы коридоров казались прекрасными
 кадничками, снейка было радичников и гизачисей в
 бидмоуеке. А менедь! Только серые позиче дабочки
 в пыли лежачих без двичисей книг зашкварен
 бидмоуекике зашкваре.

В красном уголке сидят книги. Это сотни тысяч книг, которые переиначили в зимние холода на своих страницах старухи, оставившиеся в библиотеке. Молодых не совсем. А здесь называются "юной", потому что самой молодой после меня не менее седога лет. Все старые сотрудники, но трудно их узнать. Холод и холод слишком изменили их, и если бы не тишина библиотеки, которая подгёркивает звуки их шагов, медленных и точных огней тихих, казалось бы, что движущихся тени божьих библиотечек.

Ужасное глумление охватывает, если пройти по библиотеке. Ни где ни души. Сидит позвонившая полная книга, справочная. Они похрюкивают и вьются, оттого, что год уже их никто не берёт в руки. На всем этаже, где глумление заль, не никого. Только в бывшем библиотеческом отделении Володусева, Рабчинская и Володина обмениваются о трёх со стороны читателей, преимущественно писателей, которые там же и читают. В книгохранилище один человек. В читальном там же Володина. И несколько новых работников из тех, кто работала лет десять назад и при сокращении, разбирают старые божьи подаренства Академии и сверяют с каталогом.

Библиотека получила в подарок новое университетское здание, подобное ей, находящееся по адресу старого Университета. Там тоже в книгах и холоде, среди груд книг в кадниках, сразу утром после прихода

всестраиваются в ряд все сотрудники Бидмоуеки и конвейерно
 подаю книги снизу вверх. Жуткий конвейер! В нём архи-
 малюг урасне все: и высокая Пачевик, и до неузнаваемости
 искаженная, с распухшими ногами Трундкал, и Семан-
 кевич, все, потому что теперь все уравнило в Бидмоуеки.
 Нет ни завоов, ни техрадугинков. Все бидмоуеки полу-
 чаю 827 рудлей или 806р. (вместе те, кто позже полу-
 чил). И удрущичи получаю по 400 рудлей. В число средних
 понам канцелярия и е. Мб получаю по 640 рудлей. Для
 удрущичика, который я теперь радугинко, добней сдани
 не нашлось. Конвейер радугинко несколько быстрее после
 первого и четырнадцатого числа, когда урасники его
 поедят хлеба. А все остальные дни все двигаются, как
 примерзшие мухи. Дирекция в Бидмоуеки никакой.
 Дирекция все милосердная. Только уволили удрущичи
 Кузнецову и Каримову за ругательства. В основном
 же из Бидмоуеки можно уйти, можно снаго, можно
 вообще целые дни ничего не делать и никто даже не
 замечит, не заинтересуется. Комната, где теперь урасы,
 двиний смеюрдес. Там зилого толкаю с пель и там
 сидят все. Сидят там и темерь. Сидит в Бидмоуеки
 и Бендинг целый день. Все дела делаются с его ведома.
 Он благодарит к сотрудникам, покровительствует
 им, заботится об их благополучии. Он сам выхлопотал
 сдани для сотрудников. Ему я обязана тем, что
 сижу пока здесь, а не еду в "солнечную" Арманию.
 Моё присутствие в Бидмоуеки тоже довольно свое-

одразно и может пострадать в тюрьме. Когда испанское спасение от Германии не оказалось, я зашла в Библотеку спросить, не возьмут ли меня на работу. В моментальной компании сидели Бенцинт, Генцлер и Грамкович. Мой вопрос перевел Бенцинту. Он спросил меня довольно пренебрежительно и взмездом, как мне показалось, и спросил, что я учено делаю. Я назвалась переводчицей. Он вдруг довольно удивленно улыбнулся и спросил, уверенной ли меня работа с первого июня (было это числа четырнадцатого мая). Я сказала, что да, уверенной, если др тех др меня не заберут в Германию. Он спросил, почему я не могу туда ехать. И совершенно не считаясь с моментом, у меня вдруг сорвалось: - туда могут отвезти только мои друзья. Ему можно перевести. Лицо его сделалось злым, он отвернулся, а я, красноречиво сказала, извинилась. И вдруг он повернулся, снова довольно улыбнулся, и сказал:

- Хотя вы ~~у~~ у меня не работаете, я ничего ~~не~~ не вам не могу обещать. Но когда увидите работу, я постараюсь защитить вас от необходимости ехать туда.

Этой отборной змея меня очень озадачила, и Бенцинт показал мне симпатичным человеком, что никак не вязалось в нашем представлении с жесточивой взглядом со свастикой на руке, которую он носил.

От меня ничего не потребовали, никаких документов или заявлений. А первого числа оказалось, что я -

перестежик ест в ухе в союзе Бидмоуеки. Так я пошу-
нила на работу к немцам, Сама дуцна була прийти.

Раз в месяце первого числа Бенцига приносил деньги
и Луиза Карловна платил их сотрудником. Бенцига же
дал 100 рудлей на ремонтной работы в музональном отделе
Бидмоуеки, и ухе было два концерта. Вспомогой был ухе
при мне, ввела. Из-за него я ввела едва дождались в до-
мой, поэтому тисо переносила перед там на гитантных
загов сорок стучивев.

Ввела сотрудник решил преподнеси духе двести в Луизе
Карловне за то действительное неодобрение внимание
и ухаживе к ним, каудое выражается хуж да в том,
тисо каудое судбоию все сотрудник пошугасот
в Бидмоуеке бутердродь, на каудые она отгаёт свой
наёк. Воти фрегел и дочили, иице!

~~Бенцига~~ Мне огнедрили коллегу Бухкиной. В
ней светло, тисо и в ажурное оно доносился иице, свот
по зривого гурода. Во всем зуре кртые толво Селам-
кевич еще раскиадывает книги в довилей бухгалтерич.

Нисак не уйти от воспоминаний. И тичи в комнате рожо.
Я только думаю, тисо Бухкина була да не огель огурена,
если да узнала, тисо в её комнате тичице мое пере-
мелёное аицебе. Жива ли она, Роза Анажашевна?
Мне гасо на улице каудое, тисо она идёт и тогда, как
во всех случаях подобных галогинации, гуров протел-
гасе с галоть др пот. Где-то все они? Не знаю, тисо ии
не перестают думать о них, и галоть иице не знаем о
них, иице не можем помочь.

Никого не вешают на дыбах, никто не было основанно
 вешать похитител Шайлера. Ну кто лучше судит похитителю,
 как в нас самих. Никто не радует тенерь и никого не
 нучно. Я - переимежник. Норуки не подделалась, никого не
 могу делатис. Поимут ли, поведут ли когда-нибудь на м
 те, кто вернеерса, кто не у нас другого выхода.

5 июня 1942 и.т.м.и.е.

С утра сегодня всё время слышно били зенитки и летали
 самолёты. Но с зрота никого не слышно. Велешким сообще
 нием микро тенерь не верши, и ходит у нас слыше слухи, что
 все харьковские цигары-дупты.

Обла везла у Ф. Он живёт в монастыре. Этот монастырь
 производит самое диное выеатление. Подвожу гиши и
 хаусно ходит монашки в гёрных одердах, в гёрных клоутах.
 Подное выеатление, кто ходит артиста, перед выходом на
 сцену. Но это должно видимость. В действителности все
 это какое-то иракотесие, орудвигающее нашу страну
 на сие не у назад. В монастыре молодая красивая девушка.
 Тем она занимается с редакторами газет или милиционером,
 одя одевших поновские ряссы, почему это можно и
 выгодно? Монастырь богатый монахином при земовии,
 кто всё гражданское население, живущее в нем, остае
 ся. Таким образом удерживался и Ф. Это самое
 мастерство помогает без особых отяжелении принимать
 у себя ирод. Ему удалось уже, как-будто бы, найти
 некоторые связи. Во всяком случае, у него можно кое-
 что узнать. Он всё время предупреждает об осторож-

носим и напоминаем, что в Бидмарке я открыла бра-
гамы. Его ~~красивое~~ красивое указание:

— Не верьте тем, кто в Бидмарке. Будьте крайне
осторожны.

14 июня 42, воскресенье

Мы неожиданно из-за дождя застряли в консервагор-
ской библиотеке. Дождь такой, что вряд ли смогу
окончить, а нам сегодня необходимо посадить кар-
тошку. Уже и так все сроки для посева давно прошли.
Но мы только вчера получили посевную картошку. Ездим
ли за целю месяц Уриаркова с одним из студентов Кон-
серватории ^{в Черноморье.} И только они одни получили эту картошку
по адресу Урава, никто больше не получил. А они про-
мурили в три недели пока получили, потом пока досади
дождь. И только третьего дня вернулись. Их добывание
картошки основано на маленькой среди немцев, воз-
вращенной постраданьям сираком, в котором немцы этих
ландов предпочитают перед партизанами. Советских
партизан в верховьях Дунае, на Крипте и вообще
в Полесье так много, что немцы равно ничего не могут
с ними сделать. Козлы или ездят немцы только
по немногим центральным дорогам и боятся хоть
немного суметь в суматохе от них. Их убивают
партизаны. Там всё время, как и везде, продолжается
принудительный вывоз людей в Умань. Но люди
не едут, а идут в лес. И партизанское движение
всё ширится, расширяется и растет. Ирнополье, Козин-

то же самое. Оттуда, говорят, ещё ни один человек не поехал в Германию. И такие дела погу во всех сёлах. Рассказывают, что немцы без конца вешают наших людей за то, что они отказывались ~~или сопротивлялись~~ ^{или сопротивлялись} ехать, но эти репрессии вызвали ещё большее сопротивление. Так обстоит дело во всем. А в городе атмосфера всё слышнее. Уже биржа не ставит больше людей "забезопасено". Негажи, поставленные раннее, считаются недействительными. Вообще больше не догон, не застрахованных. В Бресте забирают триста человек, среди них женщины с детьми. Муж забирают, а детей оставляют на попечение бабушек. Мещеряков Боллохов муж навис уже над нами и в Библиотеке. И мы с Еленой Грёздушной, самые молодые, ходим словно под камнем, который нас придавит.

Не берут в Германию главкодейств. В Библиотеке, кроме Николая Владимировича и Луизы Карловны есть ещё помощница Главокевич, некая Харьба, немка с грузинской погону. То Главокевич, она из немецкой колонии, казачья дочь или есть возле Одессы. Она плохо говорит по-русски и хорошо по-немецки. Производит пока впечатление симпатичной женщины. Сейчас она в силу своего немецкого происхождения приподнята над всеми, но, как Луиза Карловна и Шенкель, не злоупотребляет этим. Трудно сказать, каковы действительные планы и намерения главкодейств. Вообще состояние таких людей довольно дружелюбно. И,

215

покупать, где людей с определённым идеальным
условием хуже, чем наше положение. Выросли они
среди нашего народа, и не может быть, чтобы не полю-
били его. С другой стороны, идёт ~~на~~ на нас и возвра-
щает их немецкий народ, и плачь от него и кровь от
крови которого они есть. Кому же победу должны
они сделать?

Голод идёт по деревням в Германии потому, что туда везут
на железную, принудительную работу. Немцы уже этого не
скрывают.

Итак возникает, потому что у её самого близкого
друга Шурк больше неприязни. У Шурк есть ещё
две сестры и их управленец женщина-дранб усилит
отправляет их в Германию. Они прыгнет, а управленца
чуждый на них гонит.

23 июня 1942 г. понедельник

Год войны. Лесен восемьдесят девятый день ок-
купации. С сегодняшнего дня пошёл второй год
войны. Думаем ли мы 22 июня 1941 года, что пережи-
вим этот год? Но война она уже позади и сколько
человеческих жизней унес она собой! Сколько семей
не достигают своих близких. И зачем эта война?
Кому нужна она, кроме нескольких соевладельцев
Германии? С того дня, как началась война, весь
мир втянут в неё. И не видно ей конца.

В штабе о войне, который был несколько дней назад
в газете, немец пишет: "Никто не знает, сколько

ить у начала или у конца войны." А победа?

Несмотря на такие бесчисленные подражения, мы надея-
ся и будем в нашу победу. Уверенность даже крепнет с
каждым днём, хотя иногда это кажется парадоксальным.

Сегодня можно уже уверенно сказать - советские
армии выдержали и весенний удар. Многие немцы не
говаривали об этом, хотя война не окончится в этом году.

Какие у немцев перспективы "весной"? Керчь и бой под
Харьковом. Но трудно говорить, что они стали применять
газы. Только не видно особого энтузиазма у нем-
цев по поводу этих побед. Сейчас говорят только о
Севастополе и немцы сообщают, что заняли уже
ряд укреплений. Но всё-таки в основном фронте они молчат.
И зато радиосводки вообще не говорят о воздушном фрон-
те. Они взяли Мобрук. И говорят только о своих победах.

Но бахвальства стало немного меньше. А для нас это
уже много значить. И смутные сведения, которые про-
саживаются к нам, говорят о том, что наши не сдаются.
Но истинное положение на фронте, очевидно, узнаем
лишь, если доживём до конца войны.

Ещё трудно говорить, что англичане уменьшили бомбёж
немские города. И даже немцы говорят об этом.
Недаром они вывозят сюда своё население.

Приносили ли добычу. Где и кто её подобрали, не знаю.
Принесли перепопку её. В ней наши пишут:
победа немцев под Харьковом имеет всего харак-
теризуется словом одного из немецких генералов:

„Еще одну танцю победу немцам и немцам
неким судей годовне воевант.“

Мы немцам за каждое слово, присеянное на лодях и цюг-
ников, тавно да оно ввошло о своих.

Не помню того что содержали любовь на немши? Кризав
её - „За Родину! За землю! За свободу! За наших
мерзев и дцев!“

По сирому „торжественной“ годовнине вонит да по предло-
жено всем „ответственны“ работники Фирав являлся
в воскресенье 21 числа на „благодарственный“ молебен
в Андреевскую церковь. Немцы, кажется, никак не
отметили 22 число. А партизаны отметили озерд-
ави взрывом железнодорожных путей в районе
Брестов. Ответственность за взрыв несет брестар-
ские жители. Их ставят на ночь на охрану путей,
по одному человеку через каждые сто метров. Соби-
рают, вооружённые палками. И если на их участке
что-либо происходит, забирают всех. Кто возвращается
и возвращается ли, неизвестно.

С прошлого вторника, уже неделю, еху дома на совзбрак.
Так решил спасать меня от немши. В Библиотеке
удали комиссию по суду в Германию. Поэтому меня
уложили в поезд. Знаю я, где можно найти своих, ушла
да из города. Но есть только слухи, а где они, наши
никто не знает. Превос под одеялом и слышно радио.
Лежа всё не в этом году. Всё время холодно, хотя уже
должно было бы быть жарко. Чужие враги и немши. Все

защитное в этом году. Город зарос травой и производит
внезапное замедление развития. Нет кучек, нет цветов.
Суровые прошлогодние мерзарики, сурово задерживаясь
в густой сорной траве - такоть огулки кашки преченки
цветников. Никто не косит траву, никто не мнёт её. Неко-
гоисеенные дейи ивыряют в её густые заросли в сиверах.
Удомь вмести цветов - картошки, фасоль и буграны. Мех
кашней на чинцах ивырасили земёные пучки тфаль.
На боввиных лесуицах Университетя к колоннам подо-
мадут мерзвоты бурьды. Университет действительно
зарос травой. Оидроуют ли его дери в ближайише годи?
На краях щелей в нашем саду, застыпанных теперь муро-
ром, выросли тоже буните заросли сорняков и лонухов.
И тысячи белых бабочек наполнили сад. Никогда сад
не представлял собой такого зрелища. Мирнады
крьдывев белых бабочек - однодалток покрыви его
словно огромными хлопьями летящего и медленно
падающего снега. Эти бабочки вывелись из тысячи
гусениц, которые обледали ижесть грушквотых деревьев.
И теперь сидят эти деревья, покрытые тонкими, словно
тюлевыми огулками ижесть, вмести когудых огулкамь мнис
тонкие турганые цинки. Никто не ловит бабочек.
Ране гийо
Немного при лакомилеши мнис. Кошек нет теперь, собаки
- редкое явление.

Легкокрылые создания кружатся в солнечном воздухе
и похищают, падая на землю, как падаю ^{свужающ} летящие
яблоны аустального ветра. Ни слыть карофа, кауя никто

не торопит их умираться.

Тихо, безлюдно, безжизненно мертв воздух нас. И Киев
больше похож на огромную деревню, собранную воедино.
Только в деревнях листы солом, а в Киеве газетных листы.

25 июня, четверг

Мне кажется да на мгновение заглянуть в души, вернее в
мысли, немцев, особенно тех, которые носят гогольскую
форму Генерал-командира и красную повязку с жёлтой
свастика на руке. Неужели все они смело верят и под-
линно идя повинуются идее своего гурьера, который сейчас
всё больше и больше превращается в символ униженного
человечества? Неужели эта предвечная мечта, которая
приводит только немцев господствовать по земле, жить
на земле, неужели эта идея спосодна завоевать абсо-
лютное большинство в немецком народе? Нет, этого не мо-
жет быть. Свидетельством тому являются немцы в канда-
лах, одна часть в тридцатиградусной жары, другой
часть их же соотечественники зимой за Киевом. Невозмож-
но представить себе, что же среди них коммунистов или
хорошо одиозных людей, другой частью называют
идеями. И неужели никто из них не понимает того, что
понимает каждый по-настоящему свободный человек, что не
могут они победить наш народ. И пусть даже так полу-
чалось, что временно победа оказалась на стороне герман-
ца, пусть даже мы сидим на своей же земле германски-
ми рабами, и многие, многие уже не увидят окончание
войны, всё равно в глубине души живёт, иногда только

слабо пичежар, ^{но все равно пичежар} ~~каждого~~ не то, что корачешие наше не
окоураженное. Это наши соберутся с силами ^{и повернут колесо вонды.} ~~и повернут колесо вонды.~~

И если даже это будет после смерти многих из нас, может быть
многие не выдержат этой борьбы, всё равно, кто сможет пережить
это страшное время, будет свидетелем нашей победы. Даже
в семье украсите моменты поражения, но всё равно знаем,
^{и терпи в это.}
мы наша победа.

Базарь ломается от продуктов, земли и еды. Но кажа-
сидроужестки не денег. И не откуда их брать. Вещей
на базаре еще больше, чем продуктов. И их никто не
покупает. Цена упала значительно. Лук очень много
на базаре, возможно в связи с приказом о сжиге хлеба.
На обмен ходит в село только небыло. Если раньше
украинская помещик торговала мелкооптом, то теперь
немец раскрывает свои методы с обменниками.
Останавливают идущих в село и из села. В первом слу-
чае на кострах сжигают вещи, которые несут на обмен.
Во втором случае забирают всё имущество, все продукты,
арестовывают, избивают людей, разбивают в щепки са-
моделовые машины. И перед с кипучими базарями, ко-
торые только для спекулянтов, продовольственных
вопрос всё отсчитывается и отсчитывается.

Хуже всего зроби. Их не. На базаре они сжигают огромных
денег. А без них нечем согреть даже вода для чай. Некогда
были наши пичежар, ломаясь ногами гущие сараи.
А водиче все теперь в авостках или просто в ручках
насекае дров или щепки откуда кто может

